PG 3337
.M2 A6
1864

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

Maikov, A. N.
Сує. изданій

НОВЫЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ

(1858—1863)

Maikov

А. Н. МАЙКОВА.

МОСКВА
Въ университетской типографіи
(КАТКОВЪ и К°.)
1864.

PG 3337
.M2A6
1864

Одобрено цензурой, 20-го января, 1864-го года.

95-172511

I.

ДОМА

4 тома

УПРАЗДНЕННЫЙ МОНАСТЫРЬ *

(Глава изъ поэмы: *Поля.*)

Давно въ туманѣ предо мной
Блестящей точкою горя,
То надъ лѣскомъ, то надъ горой
Свѣтился крестъ монастыря.

И вдругъ—обрывъ! и вотъ—рѣка
Въ тѣни высокихъ береговъ
Бѣжитъ, подернута слегка
Отливомъ красныхъ облаковъ.

И на откосѣ мѣловомъ
Открылась старая стѣна,
Съ безглавой башней, какъ огнемъ
Закатомъ дня озарена.

Прохлада вѣетъ надъ рѣкой,
Струясь за рѣзвымъ вѣтеркомъ,
И тихо движется со мной
Неповоротливый паромъ.

Вотъ монастырь.... Слѣды ль осадъ,
Пищалей, приступовъ къ стѣнамъ,
Въ кирпичныхъ грудахъ, что̀ лежатъ,
Поросши лѣсомъ, здѣсь и тамъ?...

Лампада у воротъ горитъ
Предъ полинялымъ образкомъ;
Монахъ, сѣдой старикъ, сидитъ
У кружки подъ двойнымъ замкомъ;

Сидитъ и смотритъ, какъ ползутъ
Мои лошадки по горѣ....
—„Что̀, отче честный, есть ли тутъ
Что̀ посмотрѣть въ монастырѣ?“

—„А посмотри! Запрету нѣтъ!
Что̀ есть—увидишь“, молвилъ онъ,
„Да что̀ смотрѣть-то! Сколько лѣтъ
Какъ монастырь ужь упраздненъ.“

„Святыню вывезли.... Живемъ
Мы вотъ одни давненько тутъ
Съ отцомъ Паисіемъ и ждемъ,
Аль насъ куда переведутъ,

„Аль здѣсь помремъ.... Я, вотъ, съ ногой
Изнылъ. Ломота извела.
Лѣчился лѣтось у одной
Старушки: нѣтъ, не помогла!

„Войди въ калитку-то, смотри!“—
Мнѣ указалъ на дверь старикъ;
А самъ спѣшилъ въ лучахъ зари
Еще погрѣться хоть бы мигъ.

Бѣднякъ! едва ль не правъ былъ онъ!
Смотрѣть не много было, нѣтъ!
Кой-гдѣ слѣды витыхъ колоннъ,
Письма и позолоты слѣдъ.

Всѣ церкви въ землю повросли,
Кругомъ забиты двери ихъ....
За то, что̀ кудри, до земли
Висѣли вѣтви ивъ густыхъ....

А домъ гдѣ кельи—какъ скелетъ
За блѣдной зеленью стоитъ,
И въ острыхъ окнахъ стеколъ нѣтъ,
И грустно мракъ изъ нихъ глядитъ....

Лишь бродитъ вкругъ голодный котъ;
Надъ нимъ, носясь стрѣлы быстрѣй,
Кружатся ласточки; въ разбродъ
Гуляетъ стая голубей....

Все тихо валится кругомъ....
Еще пройдетъ не много лѣтъ,
И стѣны продадутъ на сломъ,
И старины пройдетъ и слѣдъ....

Смотрѣть не много.... Что̀ жь изъ нихъ,
Изъ этихъ камней говоритъ
Моей душѣ, и шагъ мой тихъ,
И сердце такъ въ груди стучитъ?

Святыню вывезли.... Но нѣтъ,
Не всю!... Нѣтъ, чувствую, живутъ
Мольбы и слезы столько лѣтъ
Отъ сердца лившіяся тутъ!

Я живо вижу, какъ сюда
Пришелъ спасаться мужъ святой,
Въ тѣ времена еще, когда
Кругомъ шумѣлъ здѣсь боръ густой,

И, вѣковымъ объята сномъ,
Вся эта дикая страна
Казалась людямъ — волшебствомъ
И чародѣйствами полна....

И келью самъ въ горѣ изсѣкъ,
И жилъ *пустынныимъ житіемъ*
Въ той кельѣ Божій человѣкъ,
На козни бѣса глухъ и нѣмъ.

И что свѣча въ ночи горитъ,
Онъ въ этомъ мракѣ просіялъ,
Училъ народъ, устроилъ скитъ,
И утѣшалъ, и просвѣщалъ....

И вотъ—вдругъ ва́лятся лѣса!
И монастырь здѣсь возстаетъ....
Надъ гробомъ старца чудеса
Пошли твориться.... и растетъ

За храмомъ храмъ, встаетъ стѣна,
Встаетъ гостиницъ длинный рядъ;
И въ погреба течетъ казна,
И всюду трудъ, и всюду ладъ!

Идутъ обозы вдоль горы;
Хлопочетъ келарь, казначей....
Варятъ меды, творятъ пиры,
Всечасно братья ждетъ гостей....

А эти гости—то князья
Въ орду идущіе съ казной....
То ихъ княгини, ихъ семья,
Въ разлукѣ плачущія злой....

И черный людъ, безвѣстный людъ,
Со всей Руси идетъ, бредетъ....
Въ грѣхахъ всѣ каяться идутъ—
Да страшный гнѣвъ свой Богъ уйметъ....

Идутъ—съ пожарищъ, съ поля битвъ,
Ища исходу хоть слезамъ—
Подъ чтенье сладостныхъ молитвъ,
Подъ пѣнье ангельское тамъ....

И въ темныхъ, маленькихъ церквахъ
Душистый воскъ горитъ какъ жаръ
Предъ образами въ жемчугахъ—
Сердецъ скорбящихъ чистый даръ....

Вотъ ѣдетъ новый караванъ....
Полумонашеская рать....
И раззолоченный рыдванъ....
Съ крестами клиръ идетъ встрѣчать.

Съ потухшимъ окомъ, блѣденъ, худъ,
Выходитъ, думой обуянъ,
Здѣсь паннихидой кончить судъ,
Кровавый судъ свой царь Иванъ....

Ударилъ колоколъ большой,—
И двери царскія въ алтарь
Предъ нимъ раскрылись, и, больной,
Повергшись ницъ, рыдаетъ царь....

И, глядя, плачутъ всѣ вокругъ....
Но многолѣтье кончилъ клиръ,
И ждетъ царя и царскихъ слугъ
Въ большой трапезной свѣтлый пиръ....

Но царь на свѣтлый пиръ нейдетъ.
Одинъ, онъ въ кельѣ заперся....
Онъ ѣстъ лишь хлѣбъ, онъ воду пьетъ,
И весь онъ Богу отдался....

Вотъ на обитель сходитъ сонъ;
Одинъ лишь царь не знаетъ сна....
Все ходитъ онъ, все пишетъ онъ
Имъ побіенныхъ имена....

Все кровь.... А тутъ—покой кругомъ!
Главу обитель вознесла,
Что тихій островъ на мірскомъ
Многомятежномъ морѣ зла....

Принять бы схиму здѣсь.... Лежать
Живымъ въ гробу—а надъ тобой
Монахи будутъ возглашать:
Раба Ивана упокой....

Все суета!... И какъ видна
Она изъ гроба-то!... А тутъ—
Что̀ въ царствѣ будетъ? Вся страна
Взликуетъ! Скажутъ: царь былъ лютъ!

Измѣна встанетъ! Зашумятъ
Опять бояре, города....
Найдется царскій братъ иль сватъ,
Мой родъ зарѣжетъ.... Что̀ тогда?

И духъ его, какъ воронъ злой,
По всей Руси витать пошелъ
И ищетъ: гдѣ онъ недругъ мой?
Гдѣ смута? гдѣ гнѣздо крамолъ?

Зоветъ на судъ онъ города,
Живыхъ и мертвыхъ онъ зоветъ,
И, вновь для грознаго суда
Готовый, мысль въ душѣ куетъ—

Куетъ онъ мысль—ка̀къ бы сплотить
Всю Русь въ одно̀, чтобъ ничего̀
Не смѣло въ ней дышать и жить
Безъ изволенія его....

А ночь, межъ тѣмъ, надъ Русью шла....
И не одна душа, томясь,
Теперь гадала и ждала:
Что̀ Царь замыслилъ въ этотъ часъ?...

И чуть звонятъ—народъ во храмъ!
Вопитъ какъ жаждущій въ степи:
„Когда жь, Господь, конецъ бѣдамъ?“
И клиръ въ отвѣтъ ему: „терпи!“

Терпи!... и вытерпѣла ты,
Святая Русь, что̀ посылалъ
Тебѣ Господь—всѣ тяготы
Насильствъ и казней, и опалъ....

Тяжелый млатъ ковалъ тебя
Въ одинъ народъ, ковалъ вѣка—
Но вѣришь ты, что Богъ, любя,
Тебя каралъ,—и тѣмъ крѣпка!

И вотъ—теперь..... „Что?“ опросилъ
Меня монашекъ у воротъ.
—„Нѣтъ, ничего.... я говорилъ!....“
—„А знатный былъ, молва идетъ,

„Нашъ монастырь-то въ старину!...“
—„А упраздненъ-то онъ зачѣмъ?“
—„Да стало братьи мало.... Ну....
И оскудѣли житіемъ!

„Ужь противъ прежняго—гдѣ намъ!“
И вдругъ, какъ будто спохватясь:
—„Да ты по службѣ тутъ, аль самъ?“
—„Самъ, самъ!“—„Ну то-то, въ добрый часъ!“

БАБУШКА И ВНУЧЕКЪ

Въ святцахъ у бабушки разъ
Внучекъ цвѣтокъ увидалъ;
—„Тутъ сувенирчикъ у васъ;“
Онъ, улыбаясь, сказалъ;

„Что̀ еслибъ онъ говорилъ?
Можетъ-быть, цѣлый романъ
Мнѣ бы теперь онъ открылъ....
Былъ бы и мужъ тутъ тиранъ,

„Ночь, соловей и луна,
Быстрый свиданія часъ....
Было—и въ тѣ времена—
Много, чай, всякихъ проказъ?...“

—„Грѣхъ надъ старухой шутить....“
Бабушка внучку въ отвѣтъ;
„Кто жь бы еще подарить
Могъ мнѣ его какъ не дѣдъ?“

—„Дѣдушкинъ это цвѣтокъ?“
Внучекъ опять:—„признаюсь,
Вотъ угадать бы не могъ!
Дѣдушка—эдакой тузъ!“

— „Молодъ покойничекъ былъ!...
Ну, да и я-то тогда....
Въ мысляхъ-то вѣтеръ бродилъ!...
Тоже была молода...

„Ѣздили разъ мы весной,
Въ ранній уловъ стерлядей,
Къ мельницѣ нашей лѣсной.....
Батюшка..... много гостей....

„Я и стою на мосту;
Вкругъ молодежь мнѣ поетъ
Все про мою красоту:
Что̀ тутъ на умъ не взбредетъ?

„Мельница такъ и дрожитъ;
Омутъ-то въ пѣнныхъ буграхъ
Хо̀денемъ ходитъ, кипитъ,
Такъ что и вспомнить-то страхъ!

„Въ воду и кинь я цвѣтокъ!
— Кто, говорю я, спрыгнетъ
Съ мосту отсюда въ потокъ
И мой цвѣтокъ принесетъ,

„Тотъ мнѣ и есть кавалеръ!—
Всѣ засмѣялись вокругъ;
Только одинъ офицеръ
Съ мосту-то прямо и—бухъ!

„Я обомлѣла. Народъ
Бросился къ лодкамъ, къ рѣкѣ....
Только глядимъ—онъ плыветъ,
Держитъ цвѣтокъ мой въ рукѣ....

„Мнѣ подаетъ:—я готовъ
Жизнь, молъ, за васъ положить!—
Вотъ молодецъ былъ каковъ!
Да, не любилъ онъ шутить!

„Дѣдушку я твоего
Тутъ и узнала тогда....
Такъ и пошла за него....
Былъ человѣкъ это!... Да!...

„Стараго вѣка кремень!
Баринъ онъ былъ матерой!
Селъ что имѣлъ, деревень!
Видный, красавецъ собой.

„Соколомъ яснымъ ходилъ!
Первымъ вездѣ былъ лицомъ!
Что онъ народу кормилъ!
Ну, да и самъ жилъ царемъ....

„Въ гости ль меня вывозилъ —
Въ золото, жемчугъ, атласъ,
Словно царицу рядилъ,
Словно какъ везъ на показъ!

„Сѣрый лихой шестерикъ
Держатъ едва подъ-устцы...
Кучеръ былъ сила-мужикъ!
И гайдуки — молодцы!

„И какъ жила я за нимъ,
Тронуть меня ужь не смѣй
Кто хоть бы словомъ худымъ:
Со̀ свѣту сгонитъ — ей-ей!

„Да, это былъ человѣкъ!...
Нынче и родъ ужь не тотъ!
Нынче — не тотъ ужь и вѣкъ!
Мелкій пошелъ все народъ!...“

— „Бабушка!“ внучекъ прервалъ,
Я отъ самихъ стариковъ
Часто про дѣда слыхалъ:
Онъ не совсѣмъ былъ таковъ!

„Былъ онъ—надменный богачъ!
Жилъ—азіятскимъ пашой;
Самъ и судья и палачъ,
Ночью ѣзжалъ на разбой;

„И въ душегубствѣ не разъ
Былъ по суду обвиненъ....
Правда, въ то время у насъ
Знатному что̀ былъ законъ!

„Пьянство и ночью и днемъ!
Въ домѣ жилъ цѣлый гаремъ!
Вы же—всю жизнь подъ замкомъ
Въ страхѣ дрожали межъ тѣмъ!

„Васъ-то онъ будто любилъ?
Боже мой! онъ какъ злодѣй
Вашу всю жизнь загубилъ,
Васъ загубилъ, и дѣтей!

„Мѣсяцъ иль два присмирѣвъ,
Первой-то страстной порой,
Ласковъ былъ съ вами какъ левъ
Съ львицей своей молодой!

„Ну, а какъ душу отвелъ....
Бабушка! сердце во мнѣ
Рвется при мысли—что золъ
Вынесли вы-то однѣ!

„Вѣрьте, люблю я какъ мать
Васъ за страдальный вашъ вѣкъ....
Что жь отъ меня вамъ скрывать?
Дѣдъ былъ — дурной человѣкъ?...“

Бабка трясетъ головой,
Шепчетъ на рѣчи его:
„Что говорить мнѣ съ тобой!
Ты не поймешь ничего!“

Вяжетъ старушка чулокъ,
Вяжетъ чулокъ и молчитъ,
И на засохшій цвѣтокъ
Нѣжно порою глядитъ....

Смотритъ на бабушку внукъ....
Онъ изумленъ, что у ней
Слезы закапали вдругъ
Тихо изъ тусклыхъ очей....

Въ жизни дитя,—не умѣлъ
Сердца еще онъ понять!
Онъ испытать не успѣлъ,
Какъ оно можетъ прощать!

Какъ, изъ-за прошлыхъ скорбей,
Ихъ разгоняя что тьму,
Сладкій лишь мигъ все яснѣй
Издали свѣтитъ ему;

И, какъ святой идеалъ,
Образъ рисуетъ того,
Кто это сердце терзалъ,
Кто такъ измучилъ его!

1862.

КАРТИНКА

(Послѣ манифеста 19-го февраля 1861 г.)

Посмотри: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ;

И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.

Бабы суютъ дѣтямъ соску
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.

Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.

Что̀ жь такъ слушаютъ малютку,—
Аль ужь такъ умна?...
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.

И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть!

Самой вѣсти смыслъ покамѣсть
Теменъ имъ и ей:
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней....

Вспыхнетъ, братцы, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужь увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!

Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужь вижу
Первый свѣтлый лучъ.

Онъ горитъ ужь на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ!

Воля, братцы,—это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день.

СТАРОЕ И НОВОЕ

(Отрывокъ изъ поэмы: *Поля.*)

Въ телѣгѣ ѣду по холмамъ.
Порой для взора нѣтъ границъ....
И все поля по сторонамъ,
И надъ полями стаи птицъ....

Я ѣду день, я ѣду два —
И все поля кругомъ, поля!
Мелькнетъ жилье, мелькнетъ едва,
А тамъ поля, опять поля!

Порой ручей, порой оврагъ,
А тамъ поля, опять поля!
И въ золотыхъ опять волнахъ
Съ холма на холмъ взлетаю я.

Но гдѣ же люди? Ни души
Среди безмолвныхъ деревень....
Не вѣрится такой глуши!
Хотя бы встрѣча въ цѣлый день!

Лишь утромъ сѣрый четверикъ
Передо мною пролетѣлъ....
Въ пыли лишь красный воротникъ
Да черный усъ я разглядѣлъ....

Вотъ наконецъ бредетъ старикъ....
Остановился, шляпу снялъ,
Бормочетъ что-то.... „Стой, ямщикъ!
Эй, дядя! съ чѣмъ Господь послалъ?“

—„Осмѣлюсь, баринъ, попросить—
Не подвезете ль старика?“
—„Садись! Зачѣмъ не услужить!
Услуга жь такъ не велика!

„Садись!“—„Я здѣсь, на облучокъ....“
—„Да мѣсто есть: садись рядкомъ!“
Но споромъ взять никто бъ не могъ:
Старикъ уперся на своемъ;

Твердилъ, что въ людяхъ онъ пожилъ
И къ обращенію привыкъ,
И знаетъ свѣтъ; иначе бъ былъ
„Необразованный мужикъ!“

У старика былъ хмурый видъ,
Цвѣтисто-вычурная рѣчь;
Одѣтъ былъ бѣдно, но обритъ,
И бакенбардъ висѣлъ до плечъ.

—„Я былъ дворовый человѣкъ“—
Онъ говорилъ—„у князя Б.
Да вотъ, пришлось кончать свой вѣкъ
На волѣ! самъ ужь по себѣ!“

—„И слава Богу!“—„Какъ кому!
И какъ кто разумѣетъ свѣтъ!
А по понятью моему,
Отъ всей ихъ воли—толку нѣтъ!

„Еще я нонѣшнихъ князей,
Выходитъ, дѣдушкѣ служилъ....
Князь различать умѣлъ людей:
Я въ домѣ, можетъ, первый былъ!

„Да вотъ, настали времена!
Теперь иди, хоть волкомъ вой!
Стара собака, не годна,
Ѣстъ даромъ хлѣбъ,—такъ съ глазъ долой!

„Еще скажу: добры князья!
— Съ тебя оброку не хотимъ;
А хочешь землю? молъ,—такъ я:
— Покорно васъ благодаримъ!

„Жаль ихъ самихъ!“—И тутъ старикъ
Повелъ разказъ, какъ врозь идетъ
Весь княжій дворъ: шалитъ мужикъ,
Заброшенъ сахарный заводъ,

Слѣда ужь нѣтъ оранжерей,
Охота, птичникъ и пруды,
И всѣ забавы для гостей,
И карусели, и сады—

Все въ запущеньи, все гніетъ....
Усадьба прежде—городокъ
Была! Вездѣ присмотръ, народъ!
Все пей и ѣшь, все было бъ въ прокъ!

„Да, вспомянешь про старину!“
Онъ заключилъ: „былъ складъ да ладъ!
Э, ну ихъ съ волей! право, ну!
Да что̀ она? одинъ развратъ!

„Одинъ развратъ!“ онъ повторялъ....
Отжившій міръ въ его лицѣ,
Казалось, силы напрягалъ,
Какъ пламя, вспыхнуть при концѣ....

„Вотъ парень вамъ изъ молодыхъ“,
Сказалъ онъ, кинувъ грозный взглядъ
На ямщика: „спросите ихъ,
Куда глядятъ? чего хотятъ?“

Тотъ поглядѣлъ ему въ лицо,
Но за отвѣтомъ сталъ въ тупикъ:
Никакъ желанное словцо
Не попадало на языкъ....

„Чего?...“ онъ началъ было вслухъ....
Да вдругъ какъ кудрями встряхнетъ,
Да вдругъ какъ свистнетъ во весь духъ,—
И тройка ринулась впередъ!

Впередъ — въ пространство безъ конца!
Впередъ — не внемля ничему!
То былъ отвѣтъ ли молодца,
И кони ль вторили ему,—

Но мы неслись какъ отъ волковъ,
Какъ изъ-подъ тучи грозовой,
Какъ бы мучителей-бѣсовъ
Погоню слыша за собой....

Неслись.... а вкругъ по сторонамъ
Поля мелькали, и не разъ
Овечье стадо здѣсь и тамъ
Кидалось въ сторону отъ насъ....

Неслись.... „Куда жь те дьяволъ мчитъ!“
Вдругъ сорвалось у старика.
А тотъ летитъ, лишь вдаль глядитъ,
А даль-то, даль — какъ широка!...

1862.

ЗАПАДНАЯ РУСЬ

(Посвящается западно-русскимъ братствамъ.)

Великолѣпные костелы,
Гдѣ блещетъ яхонтъ и янтарь,
И раззолоченный, тяжелый,
Огнями залитый алтарь.

Паны колѣнопреклоненны,
Ксендзъ, потрясающій крестомъ,
Вопятъ въ молитвѣ изступленной:
„Да грянетъ Богъ своимъ судомъ!

„Да окрылитъ на бой ихъ рати
Противъ московскихъ мужиковъ,
Что̀ въ сонмы европейской знати
Взошли по лѣстницѣ чиновъ!

„Да снова Рѣчи Посполитой
Онъ дастъ имъ гордыя права,—
И не смутитъ ужь хлопъ забитый
Пановъ веселыхъ торжества!...“

А тамъ, вдали, другіе храмы—
Лачуги съ погнутымъ крестомъ!
Тамъ *хлопы* молятся, тамъ—*хамы*,
Съ ихъ *подлымъ* русскимъ языкомъ!

Тамъ — гниль и ветошь! мракъ и сыро!
И причащается тамъ хлопъ
Изъ оловяннаго потира,
И въ крашенинной ризѣ попъ!

Но духомъ церкви первобытной
Все дышитъ въ бѣдныхъ здѣсь стѣнахъ,
И также бродитъ ненасытный,
Вкругъ этихъ стѣнъ, исконный врагъ,

И эти вѣрные, всечасно
Дрожа за ветхій свой алтарь,
О томъ лишь молятъ, молятъ страстно —
Чтобъ вспомнилъ ихъ и русскій царь,

И русскій людъ, передъ которымъ
Вотще слеза не пролита,
Который, подъ земнымъ позоромъ
Въ убогомъ нищемъ, — чтитъ Христа....

1863.

НОЧЬ НА ЖНИТВѢ

(Отрывокъ изъ поэмы: *Поля.*)

Густѣетъ сумракъ, и съ полей
Уходятъ жницы.... Ужь умолкъ
Вдали и плачъ и смѣхъ дѣтей,
Собачій лай и женскій толкъ.

Ушелъ рабочій караванъ....
И тишина легла въ поляхъ!...
Какъ безконечный ратный станъ
Кругомъ снопы стоятъ въ копнахъ;

И задымилася роса
На всемъ пространствѣ желтыхъ нивъ,
И ночь взошла на небеса,
Тихонько звѣзды засвѣтивъ.

Вотъ вышелъ мѣсяцъ молодой....
Одно, прозрачное какъ дымъ,
Въ пустынѣ неба голубой
Несется облачко предъ нимъ:

Какъ будто кто-то, неземной,
Подъ бѣлой ризой и съ вѣнцомъ
Надъ этой нивой трудовой
Стоитъ съ серебрянымъ серпомъ,

И шлетъ въ сверканіи зарницъ
Благословенья на поля:
Вознаградила бъ страду жницъ
Ихъ потомъ влажная земля.

1862.

ДРУГУ ИЛЬѢ ИЛЬИЧУ

Илья Ильичъ! Позволь, пока еще я смѣю
Гордиться дружбою высокою твоею,
Позволь воспѣть звѣзду всходящую твою!
Покинешь скоро ты друзей своихъ семью,
И потеряешься для нихъ въ сіяньи свѣта—
Недосягаемомъ для бѣднаго поэта!
Позволь мнѣ хоть сказать, какъ я люблю тебя,
Какъ милъ ты мнѣ, когда, гаванскій дымъ клубя,
Прихлебывая, пьешь ликеръ ты благовонный,
Иль сельтерской водой клико остепененный;
И въ этотъ сладкій часъ, между ѣды и картъ,
Въ бюрократическій приходишь вдругъ азартъ,
И перестроивать, съ верховъ до основанья,
Все за-ново начнешь общественное зданье!
О, какъ мы слушаемъ! Какъ нашъ ученый Шмитъ—
Сей нигилистовъ бичъ—отъ счастія пыхтитъ!
А юный правовѣдъ—сей баловень фортуны—
Какъ будто ловитъ онъ рѣчей твоихъ перуны
И прячетъ ихъ въ карманъ,—чтобъ ими, можетъ-быть,
Въ бумагахъ дѣловыхъ эффектно погромить!
А Петръ Петровичъ! Титъ Ѳомичъ! и я-то грѣшный:
Мы таемъ, учимся, и, вѣрь—не безуспѣшно!
Какіе новые пружины и винты
Въ гражданскій механизмъ искусно вводишь ты!
Какой, изъ рукъ твоихъ въ жизнь дикаго народа,
Ручной голубкою влетѣла бы свобода!
Я слушаю, лежу спокойно на софѣ,
И вижу, что и я, въ особенной графѣ,

Въ теоріи твоей стою, и также точно
Всѣ—пирамидою, осмысленно и прочно,
Сложились шестьдесятъ милльйоновъ русскихъ душъ!
И какъ мы всѣ цвѣтемъ! О, Богомъ данный мужъ!
У всѣхъ одна лишь мысль, всѣ трудимся мы вмѣстѣ,
Чтобъ все, что̀ ты завелъ, стояло вѣкъ на мѣстѣ,
Не только старики,—ты счастьемъ всѣхъ смирилъ,
Всѣхъ! Даже молодежь ты такъ переродилъ,
Что исчезаетъ въ ней ужь въ школѣ пылъ и ярость,
И прыгаетъ она изъ дѣтства прямо въ старость....
Мнѣ даже кажется, что стали наѣзжать
Ужь Нѣмцы къ намъ твое созданье изучать,
Дивясь, какой судьбой, на „свинской“ почвѣ русской
Вдругъ стало пахнуть все идилліей французской!
Конечно, иногда меня смущаетъ тутъ
Одно сомнѣніе: народецъ русскій—плутъ!
Не споритъ никогда, но всюду, какъ по стачкѣ,
Какъ въ яму спуститъ вдругъ, глядишь, по-одиначкѣ,
Созданья лучшія ученѣйшихъ головъ,
И какъ ты ни пиши, что съ нимъ ни трать ты словъ—
Онъ отъ тебя бѣжитъ подъ сѣнь роднаго мрака—
Какъ отъ нѣмецкаго намордника собака!
Но ты—ты сладишь съ нимъ.... Вотъ только бъ проложить
Тебѣ тропинку-то!... Вниманье бъ обратить
Правительственныхъ лицъ!... Лишь *тамъ* бы захотѣли
Понять твои мечты, способности и цѣли!
Тогда бъ ты сладилъ, да! Вѣдь ты не то, что̀ былъ,
Ну хоть, твой папенька!... Ахъ, вижу, разсмѣшилъ
Тебя сравненьемъ я! Хохочешь?... Слава Богу!
Мнѣ лестно! очень! да!... Вспадетъ же на языкъ!
Вотъ въ самомъ дѣлѣ былъ забавный-то старикъ!
Полжизни на плацу вытягивалъ онъ ногу,
Былъ губернаторомъ, здѣсь чѣмъ-то управлялъ....
Застегнутъ, вытянутъ, какимъ-то дикобразомъ
Старался выступать—казалось, съѣстъ вотъ разомъ!
Пугать всегда хотѣлъ—и вовсе не пугалъ!
Въ немъ, знаешь, не было—руководящей нити....
А ты—учтивъ всегда, безъ этой лишней прыти,
И, не поморщивъ бровь, сгоняешь со двора,
Безъ объясненія, лишь почеркомъ пера,

Всѣхъ этихъ практиковъ и самоукъ несчастныхъ,
Съ великой мыслію твоею несогласныхъ!
Не слушаешь мольбы ни женъ ихъ, ни дѣтей....
А папенька? Смѣшно и вспомнить-то, ей-ей!
Воришку мелкаго, на сотенномъ окладѣ,
Бывало призоветъ, кричитъ, самъ весь въ надсадѣ,
Раздавитъ, кажется.... анъ, смотришь, покричитъ —
И самъ расплачется, да тутъ же и проститъ!
Закона — не любилъ! его боялся даже,
Всегда въ немъ видѣлъ то, противъ чего на стражѣ
Быть должно всякому; и встрѣтясь съ нимъ въ пути,
Съ нимъ только вѣжливость старался соблюсти....
Вотъ — въ чемъ все горе-то! Въ мундиръ весь вѣкъ рядился,
Но сквозь мундиръ его халатъ всегда сквозился!...
Вотъ ты — такъ и въ пальто, безъ звѣздъ и безъ крестовъ, —
А точно, кажется (я впрочемъ это слышалъ
Отъ маменьки твоей), на свѣтъ въ мундирѣ вышелъ!
Конечно, память твой папà у стариковъ
Оставилъ добрую — и ставятъ предъ иконы
И нынче за него свѣчу; но, милый мой,
Тебя благословятъ — не тотъ, и не другой,
Не Прохоръ, не Кузьма, не Сидоръ, — а милльйоны!
И пусть кричатъ слѣпцы: ты деспотъ! ты тиранъ!
Не слушай! Это толкъ распущенныхъ Славянъ,
Привыкшихъ къ милостямъ и грóзамъ деспотизма!
Тиранъ ты — но какой? Тиранъ либерализма!
А съ этимъ можешь ты — не только все ломать,
Не только что въ лицо исторіи плевать, —
Но, тиская подъ прессъ свободы, — половину
Всего живущаго послать на гильйотину!

1862, 1864.

ПРАЗДНОСЛОВЫ

Кумиры старые разбиты,
И ихъ разогнаны жрецы,
И разныхъ вѣръ сошлись левиты
И разныхъ толковъ мудрецы.

Сошлись во всеоружьи бранномъ,
Въ тіарахъ, въ пудрѣ, въ колпакахъ,
Востокъ и Западъ въ братствѣ странномъ
Усѣлись рядомъ на скамьяхъ.

И толкъ пошелъ—широко, пышно,
Но съ каждымъ мигомъ все сильнѣй,
И наконецъ уже не слышно
Совсѣмъ за криками рѣчей:

Другъ друга каждый лишь порочитъ,
И громко бога своего
На мѣсто свергнутаго прочитъ,
И счастья ждетъ лишь отъ него....

А міръ отъ гнета вѣковаго
Межь тѣмъ свободный, засіялъ,
И прыснуть жизнь вездѣ готова,
И листъ ужь почку завязалъ....

И туча пыли, мглы и смрада
Ушла съ ликующихъ небесъ,
И зданья новаго громада
Стоитъ ужь, полная чудесъ....

И передъ Тѣмъ, Кто далъ спасенье,
Предъ Кѣмъ разодралася тьма—
Уже встаетъ изъ разрушенья,
Живая, Истина сама....

Но, хоть у всѣхъ глаза открыты,—
Ея не узрятъ гордецы,
И не поймутъ ея левиты,
И не узнáютъ мудрецы!

1864.

II.

ПОЭМЫ

и

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ПРИГОВОРЪ

(Легенда объ Іоаннѣ Гусѣ.)

На соборѣ, на Констанссkомъ,
Богословы засѣдали;
Осудивъ Іогана Гуса,
Казнь ему изобрѣтали.

Въ длинной рѣчи докторъ черный,
Разобравъ всѣ истязанья,
Предлагалъ ему соборнѣ
Присудить kолесованье.

Сердце, зла источникъ, kинуть
На съѣденье псамъ поганымъ,
А языkъ, kакъ зла орудье,
Дать сkлевать нечистымъ вранамъ;

Самый трупъ предать сожженью,
Напередъ проkлявъ трикраты,
И на всѣ четыре вѣтра
Бросить прахъ его проkлятый....

Такъ по пунктамъ, на цитатахъ,
На соборныхъ уложеньяхъ,
Приговоръ свой докторъ черный
Строилъ въ твердыхъ заkлюченьяхъ;

И дивясь, какъ все онъ взвѣсилъ,
Въ безпристрастномъ приговорѣ,
Восклицали „bene, bene!“
Люди, опытные въ спорѣ.

Каждый чувствовалъ, что смута
Многихъ лѣтъ къ концу приходитъ,
И что докторъ изъ сомнѣній
Ихъ какъ изъ лѣсу выводитъ....

И не чаяли, что тутъ же
Ждетъ еще ихъ испытанье....
И соблазнъ великій вышелъ.
Такъ гласитъ бытописанье:

Былъ при кесарѣ въ тотъ вечеръ
Пажикъ розовый, кудрявый.
Въ рѣчи доктора немного
Онъ нашелъ себѣ забавы.

Онъ глядѣлъ, какъ мракъ густѣетъ
По готическимъ карнизамъ;
Какъ скользятъ лучи заката
Вкругъ по мантіямъ и ризамъ;

Какъ рисуются на мракѣ,
Краснымъ свѣтомъ облитые,
Усъ задорный, черепъ голый,
Лица добрыя и злыя....

Вдругъ въ открытое окошко
Онъ взглянулъ и — оживился;
За пажомъ невольно кесарь
Поглядѣлъ, развеселился.

За владыкой — рядъ за рядомъ
Словно нива отъ дыханья
Вѣтерка, оборотилось
Тихо къ саду все собранье:

Грозный сонмъ князей имперскихъ
Отъ Сорбонны депутаты, —
Трирскій, Литтихскій епископъ,
Кардиналы и прелаты.

Оглянулся даже папа!
И — суровый ликъ дотолѣ
Мягкой, старческой улыбкой
Озарился поневолѣ.

Самъ ораторъ, докторъ черный,
Началъ путаться, сбиваться,
Вдругъ умолкнулъ и въ окошко
Сталъ глядѣть и — улыбаться!

И куда они глядѣли?
Что̀ могло привлечь ихъ взоры?
Развѣ небо голубое?
Или розовыя горы?

Но они таятъ дыханье,
И отдавшись сладкимъ грезамъ,
Точно слѣдуютъ душою
За искуснымъ виртуозомъ.

Дѣло въ томъ, что въ это время
Вдругъ запѣлъ въ кусту сирени
Соловей прѐдъ темнымъ за́мкомъ,
Вечеръ празднуя весенній.

Онъ запѣлъ — и каждый вспомнилъ
Соловья такого жь точно,
Кто въ Неаполѣ, кто въ Прагѣ.
Кто надъ Рейномъ въ часъ урочный;

Кто таинственную маску,
Блескъ луны и блескъ залива,
Кто трактировъ швабскихъ Гебу
Съ кружкой пѣнистаго пива....

Словомъ — всѣмъ пришли на память
Золотые сердца годы,
Золотыя грезы счастья,
Золотые дни свободы —

И исторія не знаетъ
Сколько длилося молчанье,
И въ какихъ странахъ витали
Души чернаго собранья....

Былъ въ собраньи этомъ старецъ;
Изъ пустыни вызванъ папой,
И почтенъ за строгость жизни
Кардинальской, красной шляпой,

Вспомнилъ онъ, какъ тамъ, въ пустынѣ,
Миръ природы, птичекъ пѣнье
Укрѣпляли въ сердцѣ силу
Примиренья и прощенья;

И, какъ шепотъ раздается
По пустой, огромной залѣ,
Такъ въ душѣ его два слова:
„Жалко Гуса“ — прозвучали.

Машинально, безотчетно
Поднялся онъ, и объятья
Всѣмъ присущимъ открывая,
Со слезами молвилъ: „братья!...“

Но, какъ будто перепуганъ
Звукомъ собственнаго слова,
Костылемъ ударилъ объ полъ
И упалъ на мѣсто снова.

„Пробудитесь“, возопилъ онъ,
Блѣдный, ужасомъ объятый:
„Дьяволъ, дьяволъ обошелъ насъ!
Это гласъ его проклятый!...

„Каюсь вамъ, отцы святые!
Льстивой пѣснью обаянный,
Позабылъ я пребыванье
На молитвѣ неустанной.

„И вошелъ въ меня нечистый!
Къ вамъ простеръ мои объятья,
Изъ меня хотѣлъ воскликнуть:
Гусъ невиненъ!... Горе, братья!...“

Ужаснулося собранье,
Встало съ мѣстъ своихъ, и хоромъ —
„Да воскреснетъ Богъ“ запѣло
Духовенство всѣмъ соборомъ.

И очистивъ духъ отъ бѣса
Покаяньемъ и проклятьемъ,
Всѣ упали на колѣни
Предъ серебрянымъ распятьемъ;

И, возставъ, Іогана Гуса,—
Церкви Божьей во спасенье,
Въ назиданье христіанамъ, —
Осудили на сожженье.

Такъ святая ревность къ вѣрѣ
Побѣдила ковы ада.
Отъ соборнаго проклятья
Дьяволъ вылетѣлъ изъ сада.

И надъ озеромъ Констансскимъ,
Въ видѣ огненнаго змѣя,
Пролетѣлъ онъ надъ землею,
Въ лютой злобѣ, искры сѣя....

Это видѣли: три стража,
Двѣ монахини старушки
И одинъ констансскій ратманъ....
Возвращавшійся съ пирушки.

1860.

ИСПОВѢДЬ КОРОЛЕВЫ

(Легенда объ испанской инквизиціи.)

Искони твердятъ Испанки:
„Въ кастаньйеты ловко брякать,
Подъ ножомъ вести интригу,
Да на исповѣди плакать —

„Три блаженства только въ жизни!“
Но въ одной Севильѣ старой
Такъ искусно кастаньйеты
Ладятъ съ звонкою гитарой;

Но въ одной Севильѣ старой
Такъ подъ звѣздной ризой ночи
Жены нѣжны, смѣлъ любовникъ,
И ревнивца зорки очи;

Но въ одной Севильѣ старой
Такъ на утро полны храмы,
И такъ пламенно стремятся
Исповѣдываться дамы....

И хорошій исповѣдникъ
Былъ всегда ихъ сердцу дорогъ,
Можетъ-быть, дороже кружевъ,
Лентъ и перловыхъ уборокъ!

И таковъ былъ у Санъ-Пабло
Исповѣдникъ — знаменитый
Донъ Гуанъ ди Санъ-Мартино —
Кладезь мудрости открытый!

Вся имъ бредила Севилья,
Дамы голову теряли,
И съ любовниками даже
О монахѣ лишь шептали:

Какъ-то сладостно имъ было
Млѣть въ его духовной власти,
Особливо, если грѣшенъ
По сердечной кто былъ части ....

Разъ вошла въ Санъ-Пабло дама....
Храмъ былъ пустъ; одни, нѣмыя,
Въ серебрѣ, въ шелку и лентахъ,
Изваянья расписныя

По стѣнамъ стояли въ церкви,
Созерцая благосклонно
Мраморъ, золото и солнце
Въ дымѣ мирры благовонной.

Только нищій у колонны
Отдыхалъ въ дремотѣ сладкой,
Да бродила собачонка
Полъ обнюхивая гладкій....

Незнакомка подъ вуалемъ
Кружевнымъ лицо укрыла,
Но — инкогнито съ монахомъ
Соблюсти, знать, трудно было:

Чуть она предъ нимъ склонилась,
Какъ надъ нею внятно, смѣло
Раздалось: „чего желаетъ
Королева Изабелла?“

Дама вздрогнула, и въ страхѣ
Уронила на полъ четки,
Но спокойно тотъ же голосъ
Говорилъ изъ-за рѣшетки:

„Благо кающимся, благо!
Жду тебя уже давно я!
У тебя, я знаю, сердце
Жаждетъ мира и покоя!

„Въ чемъ грѣшна ты передъ Богомъ?
Кайся мнѣ нелицемѣрно!“
И покаялася дама
Католичкою примѣрной:

„Утромъ нынче камерэру
Разбранила я обидно
И булавкой исколола....
Было послѣ такъ мнѣ стыдно....

„Мы поссорились съ супругомъ....
Почему, сама не знаю,
Я его въ опочивальню
Ужъ недѣлю не пускаю....

„Я люблю его всѣмъ сердцемъ,
И ревную.... но со мною
Что-то странное творится....
Точно спорю я съ собою....

„Надо думать лишь о мужѣ,
Безпрестанно повторяю,
И — другаго, чуть забудусь,
Черезъ мигъ воображаю.

„Донъ Фернандо, донъ Фернандо!
Я твержу усильно, внятно, —
Изъ груди жь другое имя
Рвется съ силой непонятной!

„Такъ и крикнула бъ съ балкона,
Ночью, въ небо голубое
И на все бы королевство
Это имя роковое!

„Сердцу страшно съ этой тайной
Притворяться и лукавить....
Помоги мнѣ.... ты умѣешь
И утѣшить, и наставить....“

Могъ утѣшить и наставить
Всѣхъ монахъ сердечнымъ словомъ,
Но глядѣлъ на королеву
Взглядомъ грустнымъ и суровымъ:

— „Трудно дать совѣтъ, сказалъ онъ;
Этотъ грѣхъ—не какъ другіе....
Онъ—предтеча Божьей кары
За грѣхи твои иные!

„Вслѣдъ за нимъ придетъ злодѣйство,
Скорбь и муки преисподней—
И тебя спасти мнѣ трудно:
Ты забыла страхъ Господній!

„Святотатцамъ и злодѣямъ
Въ умерщвленьи плоти грѣшной
Есть спасенье: но убійцѣ
Духа Божья—адъ кромѣшный!“

Изабелла содрогнулась,—
Но скользить надъ адской бездной
Ей, какъ истой Кастильянкѣ,
Было жутко—но любезно!

— „Научи жь, что̀ дѣлать, padre!
И наставь меня на благо!
Я еще построю церковь,
Я пѣшкомъ пойду въ Санъ-Яго.“

— „Еслибъ храмъ ты не изъ злата
И порфира созидала,
А въ сердцахъ твоихъ народовъ
Храмъ духовный устрояла,

„И стояла бы у двери
Яко стражъ съ мечомъ горящимъ,
Возбраняя входъ гіенамъ
И ехиднамъ злошипящимъ, —

„Ты бъ избѣгла страшной кары!
Зла мятежныя пучины
Тщетно бъ храмъ твой осаждали!
Но раскрыла ты плотины,

„Разлилось нечестья море,
И волною досягнуло
Даже царственнаго трона,
И въ лицо тебѣ плеснуло!

„Омраченный духъ твой принялъ
Смрадныхъ волнъ его дыханье,
Какъ вечернюю прохладу,
Какъ цвѣтовъ благоуханье....

„Вотъ и казнь за то!...“ — „За что̀ же?“
— „Иль не видишь, королева!
Погляди — плоды несмѣтны
Сатанинскаго посѣва:

„Вся страна — кишитъ Жидами!
Всюду маги, астрологи!
Новизна проникла всюду,
Въ кельи, въ хижины, въ чертоги!

„Саламанхскіе студенты,
Купно съ Мавромъ, съ Жидовиномъ
Надъ одной толкуютъ книгой,
За столомъ сидятъ единымъ!

„Въ оныхъ псахъ смердящихъ юность
Братьевъ чтитъ, на зло закону,
И разноситъ духъ въ народѣ
Вѣрѣ гибельный и трону:

„Мудрость истинную презря,
Что̀ толкуетъ людъ безбожный?
Будто шаръ земля, который
Весь кругомъ объѣхать можно,

„И открыть такія земли,
О которыхъ ни въ Писаньѣ
Нѣтъ помину, ни въ единомъ
Каноническомъ преданьѣ!

„Говорятъ, рѣзныя буквы
Нынче какъ-то составляютъ,
И одну и ту же книгу
Въ цѣлыхъ сотняхъ размножаютъ,—

„Что̀ же, если эти бредни
Въ сотняхъ списковъ по вселенной
Вихорь дьявольскій размечетъ?
Все въ хаосъ придетъ смятенный!

„И.... и кто же рукоплещетъ
Этой пляскѣ вавилонской?
Въ комъ покровъ ей и защита?
Въ королевѣ аррагонской!...“

Такъ, борясь съ врагомъ исконнымъ,
Говорилъ онъ королевѣ
О ея отчетѣ Богу
И о Божьемъ близкомъ гнѣвѣ,—

Но укорамъ громоноснымъ
Не нашелъ монахъ отвѣта;
Было сердце королевы
Точно бронею одѣто.

Не испуганнымъ ребенкомъ
Передъ нимъ она стояла;
Не того, молвѣ повѣря,
Отъ монаха ожидала.

Ей ужь сталъ казаться лучше
Духовникъ ея придворный,
Но искуснѣе обоихъ
Пріоръ, въ Бургосѣ, соборный.

„Ну а этотъ!... мнѣ пророчитъ
Адъ и всяческіе страхи
За Жидовъ и за ученыхъ!
Онъ такой, какъ всѣ монахи!“

И собою не владѣя,
Изабелла гордо встала,
И вуаль съ чела откинувъ,
Такъ монаху отвѣчала:

„Я, какъ женщина, о padre,
Дѣлъ правленья не касаюсь.
Ихъ—король ведетъ. Сама же
Въ чемъ грѣшна я—въ томъ и каюсь.

„Мнѣ самой Жиды противны.
Но они—народъ торговый,
И—политикъ это цѣнитъ—
На налогъ всегда готовый.

„Съ королемъ—моимъ супругомъ
Въ Саламанхѣ мы бывали.
Насъ нигдѣ съ такимъ восторгомъ,
Какъ студенты, не встрѣчали.

„Донъ Фернандо былъ доволенъ.
Я жь скажу, что говорила—
Въ ихъ сердцахъ—опора трона,
Наша слава, наша сила!...

„А отъ тѣхъ ученыхъ бѣдныхъ,
Съ виду, можетъ-быть, забавныхъ,
Ужь давно у насъ въ бумагахъ
Много есть проектовъ славныхъ.

„Ихъ труды и жажду знаній
Для чего стѣснять—не знаю!
И возможно ль всѣхъ заставить
Думать такъ, какъ я желаю!

„Пусть ихъ мыслятъ, пусть ихъ ищутъ!
Мысль мнѣ дастъ бѣднякъ ученый —
Изъ нея, быть-можетъ, выйдетъ
Лучшій перлъ моей короны!

„И—что̀ будетъ—воля Божья!
Только все намъ предвѣщаетъ:
Міру царствованье наше
Новыхъ дней зарей сіяетъ!“

И уйдти она хотѣла
Безъ смущенія, безъ страха,
Лишь сердясь на дамъ придворныхъ,
Расхваливших ей монаха.

Но монаха, знать, не даромъ
Жены славили и дѣвы:
Ка̀къ глаза его сверкнули
На движенье королевы!

Онъ какъ барсъ въ желѣзной клѣткѣ
Встрепенулся,—со слезами
Упуская эту душу
Отягченную грѣхами!

— „Погоди!“ онъ крикнулъ громко,
„И познай: не я, царица,
Говорилъ съ тобой. Здѣсь явно
Всемогущаго десница!

„Я въ лицо тебя не видѣлъ:
Ты его мнѣ скрыть хотѣла.
Кто жь сказалъ мнѣ—предо мною
Королева Изабелла?

„Все, царица, все я знаю....
Всѣ дѣла твои, мечтанья,
Даже—имя, предъ которымъ
Ты приходишь въ содроганье....

„Балъ французскаго посольства....
Кавалеръ иноплеменный
Въ черной маскѣ.... на охотѣ
Разговоръ уединенный....

„Послѣ въ паркѣ....“—„Здѣсь измѣна!“
Горькимъ вырвалося стономъ
Изъ груди у королевы.
„Кто же былъ за мной шпіономъ?!...

„Кто? отвѣтствуй?...“ Все забывши,
Восклицала королева —
Величава и прекрасна
Въ блескѣ царственнаго гнѣва....

Еслибъ не былъ Санъ-Мартино
Небомъ свыше вдохновенный,
Я бъ сказалъ: глаза горѣли
У него какъ у гіены;

Но когда съ негодованьемъ
На него она взглянула,
Въ этотъ мигъ, въ глаза гіены
Точно молнія сверкнула!

Но.... сверкнула — и угасла!
„Нѣтъ“, стонала Изабелла,
„Я одна лишь знала тайну!
Я владѣть собой умѣла!

„Даже онъ не смѣлъ подумать!
Гдѣ жь предатель? гдѣ жь Іуда?...
Это имя только чудомъ
Могъ ты знать....“ — „И было чудо:“

Произнесъ монахъ, — „и нынѣ
Не случайно, не напрасно
Въ храмъ пришла ты.... Это имя —
Вотъ оно!“... О мигъ ужасный!...

Вдругъ лицо свое худое,
Самъ робѣя безъ отчета,
Къ Изабеллѣ онъ приблизилъ,
И дрожа, шепнулъ ей что-то....

Отшатнулась, онѣмѣла
Королева въ лютомъ страхѣ!
Взоръ съ тоской и изумленьемъ
Такъ и замеръ на монахѣ....

На нее жь его два глаза
Съ торжествомъ изъ тьмы глядѣли;
Точно всю ее опутать
И сковать они хотѣли....

И душа ея, какъ птичка
Въ тонкой сѣткѣ птицелова
Перепуганная, билась,
Уступала, билась снова....

Въ храмѣ пусто, въ храмѣ тихо.
Неподвижны вкругъ святые;
Страшны хладныя ихъ лица,
Страшны думы неземныя....

Лишь звучалъ монаха шепотъ
И порывистый, и страстный:
„Признаю Твой промыслъ, Боже!
Перстъ Твой, Боже, вижу ясно!“

Свѣтелъ ликомъ, къ королевѣ,
Онъ воззвалъ: „жена, не сѣтуй!
Милосердъ къ тебѣ Всевышній!
Вотъ что̀ въ ночь свершилось эту!

„Для меня вся ночь — молитва!
Видитъ плачъ мой сокровенный,
И біенье въ грудь, и муки
Онъ одинъ, гвоздьми пронзенный!...

„Въ эту ночь — среди рыданій —
Вдругъ объялъ меня чудесный
Сонъ, и, вижу я, всю келью
Преисполнилъ свѣтъ небесный.

„Мужъ въ верблюжьей грубой рясѣ,
Онымъ свѣтомъ окруженный,
Подошелъ ко мнѣ и позвалъ —
Я упалъ предъ нимъ смущенный.

„Онъ же рекъ тогда: „предстанетъ
„Нынѣ въ храмѣ предъ тобою
„Величайшая изъ грѣшницъ
„Съ покровенной головою.

„Отврати ее отъ бездны,
„Отъ пути Іезавели,
„Коей кровь на стогнахъ града
„Псы лизали, мясо ѣли.“

„Усумнился я — помыслилъ:
То не въ грѣхъ ли новый вводитъ
Бѣсъ-прельститель, бѣсъ, который
Часто ночью въ кельяхъ бродитъ.

„Моему ли окаянству
Ввѣритъ Богъ Свое велѣнье?...
Но прозрѣлъ угодникъ Божій
Въ тотъ же мигъ мое сомнѣнье:

„Се ли, рекъ, твоя есть вѣра?“
Я же: „о владыче! труденъ
„Этотъ подвигъ! Дьяволъ силенъ,
„А мой разумъ слабъ и скуденъ.“

„Повинуйся!“ рекъ онъ паки,
„Повинуйся, рабъ лѣнивый!
„Се есть знаменье, которымъ
„Побѣдиши грѣхъ кичливый!“

„И развилъ онъ длинный свитокъ:
Въ буквахъ огненныхъ сіяли
Въ немъ дѣла твои и тайны,
Прегрѣшенья и печали....

„И читалъ я передъ каждымъ
Судъ Господень — и скорбѣла
Вся душа моя, и плакалъ
О тебѣ я, Изабелла!...“

У самой у Изабеллы
Сердце въ ужасѣ застыло....
„Чудо — гнѣвъ небесный — чудо....“
Какъ во снѣ она твердила....

„Неужель.... не Ты, о Боже!
Двигалъ волею моею!
Неужели весь мой разумъ —
Не былъ мыслію Твоею!

„Лишь о подданныхъ любезныхъ,
Лишь о милостяхъ безъ счета,
О смягченьи грубыхъ нравовъ —
Вся была моя забота!...

„Я лишь радовалась духомъ,
Лучшимъ людямъ въ царствѣ ввѣрясь —
И ужели въ этомъ — гибель!
Неужели въ этомъ — ересь!...“

—„О заблудшееся сердце!“
Восклицалъ монахъ надъ нею.
„О сосудъ неоцѣненный
Для даровъ и для елею!

„Влей въ него святое мvро!...
Гласа свыше удостоенъ,
Я земному не подкупенъ,
Средь житейскихъ волнъ—спокоенъ!

„Волю Божью—яко солнце
Вижу ясно! въ чемъ спасенье—
Осязаю!... Королева!
Здѣсь, въ рукахъ моихъ—прощенье!“

Говорилъ онъ вдохновенный,
И въ словахъ его звучали
Сила вѣры, стоны сердца,
Міру чуждыя печали....

Изабелла, на колѣняхъ
За слезой слезу роняла,
И, закрывъ лицо руками,
„Что̀ жь мнѣ дѣлать?“ повторяла.

—„Надо дѣлъ во славу Божью!
Чтобъ они—дѣла благія
На вѣсахъ превѣчной Правды
Перевѣшивали злыя!

„Ополчися на нечестье!
Въ царствѣ зло вели измѣрить,
Отличить худыхъ отъ добрыхъ,
Совѣсть каждаго провѣрить....

„Тотчасъ видно въ человѣкѣ,
Чѣмъ онъ дышитъ, чѣмъ напитанъ—
Изъ того ужь, какъ онъ смотритъ,
Изъ того ужь, какъ молчитъ онъ!

„Эти лица безъ улыбки,
Этотъ видъ худой и блѣдный, —
Явно дьявольскія клеймы!
Духъ сомнѣнія зловредный!...“

Говоритъ онъ вдохновенный,
Но недвижная, нѣмая
Оставалась Изабелла,
Глазъ къ нему не подымая....

„Трибуналъ устрой духовный“,
Говорилъ онъ, „чрезвычайный!
Чтобъ слѣдилъ онъ въ цѣломъ царствѣ
За движеньемъ мысли тайной;

„Чтобы слухъ его и око
Былъ бы всюду, блюлъ бы души—
Въ городахъ, въ домахъ и кельяхъ,
Въ полѣ, на морѣ, на сушѣ;

„Чтобъ стоялъ онъ невидимый,
Въ школахъ, въ храмахъ, подъ землею,
И между отцомъ и сыномъ,
Между мужемъ и женою....

„И тогда — въ твоихъ народахъ
Умъ и сердце, трудъ и знанье —
Все сольется въ хоръ согласный
Восхвалять Отца созданья!

„Ни однимъ нестройнымъ гласомъ
Слухъ его не оскорбится....
И тебѣ тогда, царица,
Все простится! все простится!...“

—„Все простится....“ повторила
Изабелла.... лучъ желанный
Какъ маякъ для морехода
Ей блеснулъ въ дали туманной....

Подняла къ монаху очи:
Слезы все на нихъ дрожали,
Но уже сквозь слезъ надежда
И довѣріе сіяли....

—„Возвратись же въ домъ свой съ миромъ!
И зови меня, худаго,
Коль рѣчей моихъ смиренныхъ
Возжелаешь сердцемъ снова....

„А въ дому своемъ отнынѣ
Тщися мудрыми рѣчами,
Какъ Эсѳирь, въ супругѣ сердце
Преклонить — да будетъ съ нами!

„Говори ему въ совѣтѣ,
Средь забавъ, на брачномъ ложѣ,
За трапезой, съ лаской, съ гнѣвомъ,
День и ночь, одно и то же,

„Такъ какъ капля бьетъ о камень,
Говори, моли и требуй —
И тогда, о! все простится!
Всѣмъ угодна будешь Небу!...“

Онъ умолкъ. Ужь Изабелла
Какъ дитя за нимъ слѣдила,
И за нимъ опять невольно —
„Все простится“ — повторила...

По устамъ у Санъ-Мартино
Пробѣжалъ улыбки трепетъ....
Богомольныхъ дамъ — быть-можетъ —
Вспомнилъ онъ невинный лепетъ,

Вспомнилъ тайну королевы, —
И какъ будто осіянный
Новой мыслью, — „все простится“
Подтвердилъ съ улыбкой странной.

1861.

ПОЭТЪ И ЦВѢТОЧНИЦА

Она.

Высыпь цвѣты изъ корзины у ногъ моихъ, милый,
Сядь и ужь мнѣ не мѣшай.... Скоро смеркаться начнетъ.

Онъ.

Что за хаосъ вкругъ тебя! и надъ нимъ, какъ любовь ты склонилась,
Мыслью готова въ него жизнь и гармонію влить!

Она.

Розы не трогай: чудесныя розы! изъ нихъ—заглядѣнье
Выйдетъ вѣнокъ — и тебѣ этотъ вѣнокъ я подамъ!

Онъ.

Какъ мнѣ забавно всегда! на пиру ты вѣнокъ мнѣ подносишь!
Я равнодушнымъ кажусь—самъ же весь занятъ тобой!

Она.

Ты не глядишь на меня, но я чувствую взглядъ твой горячій!
Точно сребристую сѣть я за собой волочу!

Онъ.

Это влечетъ тебя сердце мое въ уголокъ нашъ укромный,
Гдѣ ты—какъ Флора въ цвѣтахъ—и у колѣнъ твоихъ я.

Она.

Да, а сойдемся мы здѣсь—отъ меня ты ужь мыслью далеко!
Вотъ и теперь не глядишь.... Что̀ же ты вдругъ замолчалъ?

Онъ.

Вотъ что̀ я вспомнилъ: былъ Павзій, художникъ. Любилъ онъ Гликеру;
Плесть мастерица была эта Гликера вѣнки.

Она.

Это какъ будто бы мы! только ты не художникъ, а лучше — Фебомъ любимый поэтъ! гордость и слава Аѳинъ!

Онъ.

Эту Гликеру прелестнѣйшей дѣвочкой, милымъ ребенкомъ
Онъ всю въ цвѣтахъ написалъ, и — обезсмертилъ себя!

Она.

Что̀ же? и ты обезсмерть себя славной поэмой!... я часто
Думаю: что̀ бы тебѣ нашу любовь описать?

Онъ.

Павзій счастливѣй! черты своей милой Гликеры онъ кистью
Могъ передать, — а въ стихахъ какъ опишу я тебя?

Она.

Вотъ какъ ты сдѣлай: пусть въ Индіи будетъ, гдѣ звѣри и птицы
Дружно съ людьми говорятъ, много гдѣ всякихъ чудесъ....

Онъ.

Странно! съ любовью въ разладъ вдохновенье идетъ у поэта!
Кажется — ка̀къ я люблю!... и — хоть бы пѣснь! хоть бы стихъ!

Она.

Жилъ тамъ волшебникъ, похитилъ царевну — малюткой. Малютка
Стала цвѣты продавать; только, однажды былъ пиръ.

Онъ.

Царскій былъ сынъ на пиру; онъ влюбился, и кончилось свадьбой.
Въ сказкахъ всегда это такъ.... только немного старо̀....

Она.

Нѣтъ, не старо̀; можно выдумать рядъ приключенiй чудесныхъ,
Кàкъ онъ умомъ и мечомъ чары умѣлъ побѣдить....

Онъ.

Бился съ гигантами! конное, пѣшее войско, съ слонами
Тьмы колесницъ золотыхъ въ бѣгство одинъ обратилъ!

Она.

Ты только шутишь со мной!... а молчанье твое мнѣ ужасно!...
Помнишь ли ты на пиру первый вѣнокъ мой тебѣ?

Онъ.

Этотъ вѣнокъ и теперь у меня надъ кроватью хранится....
Первый, который ты мнѣ, пиръ обходя, подала?

Она.

Помнишь — вѣнчая твой кубокъ, я почку въ вино уронила:
Выпивъ вино, ты сказалъ: „дѣва! цвѣты — это ядъ!“

Онъ.

Какъ же!... и съ маленькимъ женскимъ лукавствомъ и дѣтски краснѣя,
„Пчелки, сказала ты, въ нихъ медъ достаютъ, а не ядъ!“

Она.

Если съ тѣхъ поръ твоя муза молчитъ, ты угрюмъ и несчастливъ,
Значитъ, то правда, что жизнь я отравила тебѣ?

Онъ.

Полно, мой другъ, я молчу лишь отъ счастья!... Какъ музыка, нѣжный
Голосъ твой мнѣ прозвучалъ — тамъ, средь мужскихъ голосовъ!

Она.

Лучше бъ молчать мнѣ! и пчелокъ не трогать! вѣдь къ этому слову
Рыжiй придрался Тимантъ, крикнулъ — „и шмель не дуракъ!“

Онъ.

Гнусный Силенъ!... и облапилъ тебя какъ медвѣдь! покатилась
Въ уголъ корзина твоя.... всѣ разлетѣлись цвѣты!...

Она.

Какъ онъ меня напугалъ!... только слышу: „оставь ее, циникъ!“
Вижу — ты съ мѣста вскочилъ, свѣтелъ какъ самъ Аполлонъ!

Онъ.

Онъ не сробѣлъ, а держалъ тебя, бѣлые зубы оскаливъ,
Легкое платье твое по-поясъ съ плечъ разорвалъ....

Она.

Ужасъ! какъ бросишь въ него ты серебрянымъ кубкомъ!... я помню,
Какъ онъ о черепъ его звякнулъ и прыгать пошелъ!...

Онъ.

Гнѣвъ и вино ослѣпляли меня!... но успѣлъ разглядѣть я,
Какъ ни старалась ты скрыть, круглое.... это плечо....

Она.

Ахъ, что за шумъ поднялся! весь облитый виномъ, онъ затрясся!
Съ мокрыхъ волосъ по лицу кровь заструилась ручьемъ....

Онъ.

Только тебя я и видѣлъ!... въ слезахъ, на полу, на колѣняхъ,
Платье одною рукой ты собирала на грудь....

Она.

Блюдо, тарелки въ тебя полетѣли, звеня и блистая!
Точно взбѣшенный Аяксъ все онъ ломалъ вкругъ себя!

Онъ.

Только тебя я и видѣлъ!... какъ быстро другою рукою
Ты подбирала вѣнки, взоромъ за нами слѣдя....

Она.

Доброе сердце! ты думалъ — меня ушибутъ.... а хозяинъ
Ярость обрушитъ на мнѣ — всталъ и меня заслонилъ.

Онъ.

Пестрый коверъ перекинулъ я на руку, точно готовясь
Въ битвѣ съ свирѣпымъ быкомъ бросить ему на глаза!

Она.

Я ускользнула, увидя, что гости вступились, стараясь
За руки васъ удержать, вмѣстѣ стыдя и моля.

Онъ.

Къ счастью все кончилось смѣхомъ: вскочилъ и трагическимъ тономъ:
„Что̀ вы Ахейцы!“ намъ рѣчь сталъ говорить Діогенъ.

Она.

Этотъ сѣдой Діогенъ притворяется только сердитымъ;
Право, душа у него, кажется, вовсе не зла!....

Онъ.

Онъ успокоилъ все шуткой.... Но тщетно тебя я хватился!
Три дня тебя я искалъ! три дня на рынкѣ бродилъ!

Она.

Я со стыда не могла показаться.... вѣдь всѣ меня знаютъ,
Любятъ — и вдругъ обо мнѣ въ городѣ говоръ пошелъ!

Онъ.

Много я видѣлъ вѣнковъ, много видѣлъ цвѣтовъ и цвѣточницъ,
Не было только одной — маленькой Лиды моей!

Она.

Дома вѣнки я сплетала.... рядкомъ ихъ, бывало, развѣшу....
Вотъ и теперь они тутъ.... всѣ ужь засохли давно!

Онъ.

Гдѣ ты живешь? переспрашивалъ женщинъ, старухъ я на рынкѣ,
Даже гулякъ и повѣсъ — всѣ становились въ тупикъ!

Она.

Вечеръ, бывало, сижу я, гляжу на вѣночки, и плачу....
Ночь подвигалась!!.. цвѣта гасли одинъ за другимъ....

Онъ.

Въ горѣ, усталый, къ богамъ я взывалъ, къ Аполлону взывалъ я:
„О, сребролукій! да гдѣ жь? гдѣ же укрылась она?“

Она.

Все мнѣ казалось, что вотъ ты войдешь.... и что̀ буду я дѣлать?
Съ тайной надеждой пошла на̀-площадь я наконецъ....

Онъ.

Я ужь давно тамъ бродилъ.... насмотрѣлся, наслушался вдоволь!
Рыба, плоды, пѣтухи! крики ословъ и старухъ!...

Она.

Что̀ тамъ за шумъ былъ, когда я тебя наконецъ увидала?

Онъ.

Право, не знаю.... но вдругъ ты мнѣ мелькнула въ толпѣ....

Она.

Точно въ челнѣ сквозь высокій тростникъ, въ тѣснотѣ ты пробился....

Онъ.

И очутилися вдругъ въ шумной толпѣ мы одни!

Она.

Помню, я слышала только, какъ сердце въ груди моей билось!

Онъ.

Рядомъ пошли мы съ тобой.... въ очи другъ другу глядя....

Она.

Та̀къ, ка̀къ теперь ты глядишь, и съ такою же тихой улыбкой....

Онъ.

Какъ ты прекрасна была, солнцемъ облита живымъ!

Она.

Вышли мы за̀-городъ....

Онъ.

Море блестѣло въ дали серебристой.

Она.

Все это, милый, теперь кажется сказкою мнѣ!

Онъ.

И безъ волшебника сказка! безъ царскаго сына, царевны!

Она.

Это—поэма, мой другъ!

Онъ.

Милая Муза моя!

Она.

Тише! вѣнки изомнешь.... о, какъ скоро стемнѣло сегодня!...
Какъ же хорошъ и какъ смѣлъ на̀ этомъ пирѣ ты былъ

1862.

ПѢСНИ

У воротъ монастыря
Пѣлъ слѣпецъ передъ толпою,
Прямо въ солнце взоръ вперя,
Взоръ, покрытый вѣчной тьмою.

Слѣпъ рожденъ, весь вѣкъ въ нуждѣ,
Пѣлъ онъ пѣснь одну и ту же:
Пѣлъ о Страшномъ онъ Судѣ,
Пѣлъ о Зломъ и Добромъ Мужѣ.

Чуждъ живущему всему,
Только славя Судъ Господній,
Населялъ свою онъ тьму
Лишь страстями преисподней;

Точно слышалъ онъ во мглѣ
Вздохи, плачъ и скрежетъ зубный,
Огнь, текущій по землѣ,
И по небу голосъ трубный,

И напѣвъ его гудѣлъ
Далеко трубою мѣдной,
И невольно вкругъ робѣлъ
Старъ и младъ, богачъ и бѣдный.

Кончилъ старецъ; а народъ
Все вокругъ стоитъ въ молчаньи;
Всѣхъ томитъ и всѣхъ гнететъ
Мысль о страшномъ покаяньи....

Только вдругъ изъ кабака
Скоморохъ идетъ красивый,
Выбирая трепака
На гармоникѣ визгливой:

Словно ожилъ вдругъ народъ,
Побѣжалъ за нимъ гурьбою....
Смѣхъ и пляски—въ полный ходъ!
И слѣпецъ забытъ толпою.

Возроптали старики:
„Эка дьявольская прелесть!
Сами лѣзутъ дураки
Змѣю огненному въ челюсть!“

Слышитъ ропотъ ихъ слѣпецъ:
— „Не судите, молвитъ, строго!
Благъ — небесный нашъ отецъ:
Смѣхъ и слезы—все отъ Бога!

„Отъ Него — и скорбный стихъ!
Отъ него — и стихъ веселый!
Тотъ спасенъ, кто любитъ ихъ
Въ свѣтлый часъ и въ часъ тяжелый!

„А кто любитъ ихъ — мягка
Въ томъ душа и не злоблива,
И къ добру она чутка,
И раститъ его, какъ нива.“

1860.

МАТЬ

„Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ,
Все ему не ловко!
Лягъ на плечико ко мнѣ,
Прислонись головкой!
Я съ тобою похожу.
Подремли, мой мальчикъ!
Хочешь, сказочку скажу:
Жилъ былъ мальчикъ съ пальчикъ....
Нѣтъ! не хочешь?... сказки вздоръ?
Пѣсня лучше будетъ....
Зашумѣлъ сыръ-теменъ боръ
Лисъ лисичку будитъ
Во сыромъ-темномъ бору....
Задремалъ мой крошка....
Я малинки наберу
Полное лукошко....
Во сыромъ темномъ бору....
Тише! засыпаетъ....
Словно птенчикъ, все въ жару
Губки открываетъ....

„*Во сыромъ бору*“ поетъ
Мать, и ходитъ, ходитъ....
Тихо, долго ночь идетъ....
Ночь ужь день выводитъ, —

Мать поетъ.... рука у ней
Затекла, устала,
И не разъ слезу съ очей
Бѣдная роняла....
И едва дитя, въ жару,
Вздрогнетъ, встрепенется—
„*Во темномъ-сыромъ бору*“
Снова раздается....

Отклони ударъ, уйди,
Смерть съ своей косою!
Мать дитя съ своей груди
Не отдастъ безъ бою!
Заслонитъ, средь всѣхъ тревогъ,
Всей душой своею,
Жизни чудный огонекъ,
Что̀ затепленъ ею,—
И едва онъ засвѣтилъ,—
Вдругъ ей ясно стало
Что любви, что чудныхъ силъ
Сердце въ ней скрывало!

1861.

ТРИ ПРАВДЫ

Сказка.

Именитый жилъ купецъ на свѣтѣ.
Вышелъ разъ онъ въ садъ послѣ обѣда,
А въ саду для птицъ стояли сѣти.
Видитъ онъ, что въ сѣть попалась птичка,
Птичка-крошка, вся почти съ наперстокъ.
Онъ изъ сѣти высвободилъ птичку,
Въ руки взялъ, и что̀ же?—птичка
Говоритъ ему по-человѣчьи:
„Отпусти-ка ты меня, хозяинъ,
Я тебѣ за то скажу три правды.
Съ этими ты правдами на свѣтѣ
Наживешь и денегъ и почету,
И на зависть всѣмъ пойдешь все въ гору!“

„Чудеса Господни, да и только!
Думаетъ купчина,—эко диво!
Говоритъ по-человѣчьи птица!“
—„Хорошо, сказалъ онъ ей, посмотримъ,
Каковы твои три птичьи правды.
Скажешь дѣло—выпущу на волю.“

—„Ну, такъ слушай, молвила пичуга:
Плачь не плачь, что̀ было—не воротишь;
Не тянись за тѣмъ что̀ не подъ-силу;
И не вѣрь чужимъ словамъ и толкамъ.
Вотъ тебѣ и всѣ мои три правды.“

—„Ну, сказалъ купецъ, оно не много,
И въ торговлѣ—тертая монета!
Плачь не плачь, что̀ было—не воротишь;
Гдѣ ты, значитъ, лишнее просадишь,
Хоть расплачься не поможешь горю.
Лучше ты возьмись за умъ, за разумъ,
Да гляди ужь въ оба: знаемъ это.
Не тянись за тѣмъ что̀ не подъ-силу;
Мало ль тутъ у насъ ошмыгъ-то ходитъ!
Торговалъ лѣтъ двадцать, сбилъ копѣйку,
Да и ухнулъ, за рублемъ погнавшись—
Не учить насъ стать и этой правдѣ.
А—не вѣрь людскимъ рѣчамъ и толкамъ:
Ужь на что̀ жь еще и поддѣваютъ
Дураковъ изъ нашенскаго брата!
Нѣтъ ужь, не сули орлицу въ небѣ,
А подай ты мнѣ синицу въ руки:
Мы на этомъ, тетка, зубы съѣли!...
Ну такъ какъ же! что̀ съ тобой мнѣ дѣлать?
Аль пустить ужь уговора ради?
Ну, ступай-себѣ, Господь съ тобою!“

И пустилъ купецъ на волю птичку;
Самъ за спину заложилъ онъ руки,
И пошелъ тихонько по дорожкѣ.
Только птичка все надъ нимъ летаетъ,
Пòдъ носомъ шмыгнетъ, на вѣтку сядетъ,
И звенитъ-гремитъ что колокольчикъ,
И, выходитъ, словно какъ смѣется.
„Ты никакъ, купецъ спросилъ, смѣешься?“

—„Ничего! пичуга отвѣчала,—
Я смѣюсь на вашу братью глядя.
Вотъ хоть ты: будь на волосъ умнѣе,
Ты бы первый былъ богачъ на свѣтѣ!
Еслибъ ты моихъ не слушалъ басень,
А пошелъ, да распоролъ мнѣ брюхо,
Ты во мнѣ нашелъ бы бриллiантикъ—
Не соврать-сказать—величиною
Что яйцо куриное! не меньше!“

У купца ажъ ноги подкосились.
Весь сомлѣлъ и руки растопырилъ.
Какъ же такъ далъ маху! ахъ мой Боже!
Какъ-нибудь поправить хочетъ дѣло;
Вотъ и сталъ онъ къ птичкѣ подступаться:
„Я дивлюсь и вашей братьѣ, птицѣ, —
Что за радость жить вамъ по-цыгански!
Ну, куда ни шло еще какъ лѣто;
А какъ осень завернетъ, да стужа!
На дождѣ промокнешь и продрогнешь!
На морозѣ и совсѣмъ замерзнешь!
То-ли дѣло у меня въ хоромахъ!
И питье и кормъ—все даровое!
По зимѣ натопимъ жарко печи —
И живи что въ царствіи небесномъ!
Право, ты вѣдь умница, пичужка,
Разсудить могла бы не по-птичьи!“

А пичуга пуще заливалась:
„Ахъ купецъ, купецъ ты именитый!
Брюхо нажилъ, да ума не нажилъ!
На словахъ, поди ты, что на гусляхъ,
А на дѣлѣ—хуже балалайки!
Самъ твердилъ сейчасъ мои три правды:
Плачь, не плачь, что̀ было, не воротишь —
Упустилъ меня и ужь горюешь!
Съ горя всѣ дѣла, пожалуй, кинешь!
Не тянись за тѣмъ что̀ не подъ-силу:
А ко мнѣ какъ началъ подступаться!
И найдись теперь какой пройдоха,
Посули меня тебѣ представить—
Капиталъ ему по каплѣ спустишь!
Самъ *людскимъ смѣялся толкамъ глупымъ* —
Моему же, птичьему, повѣрилъ:
Ну какой во мнѣ быть можетъ камень —
И какой еще величиною!
Что яйцо куриное! ишь, умникъ!
А вѣдь самъ въ рукахъ держалъ и видѣлъ —
Вся-то я не болѣе наперстка!“

Обругалъ купецъ пичугу, плюнулъ,—
Увидалъ, что въ дуракахъ остался!—
Двадцать лѣтъ молчалъ про этотъ случай,
Разказалъ почти что передъ смертью,
Подъ хмѣлькомъ, у внучки на крестинахъ.

1861.

КОНЬ

(Изъ сербскихъ пѣсенъ.)

Свѣтлолица, черноброва,
Веселѣе бѣла дня,
Водитъ дѣвица лихова
Опѣненнаго коня;

Гладитъ гриву воронова,
И въ глаза ему глядитъ:
„Я коня еще такова
Не видала!“ — говоритъ.

„Чай коня и всадникъ стóитъ....
Только онъ тебя наврядъ
Вдоволь холитъ и покоитъ....
Чтò онъ — холостъ аль женатъ?“

Конь мотаетъ головою,
Бьетъ ногою, говоритъ:
„Холостъ, — только за душою
Думу крѣпкую таитъ.

„Онъ со мною, стороною,
Заговаривалъ не разъ —
Не послать ли за тобою
Добрыхъ сватовъ, въ добрый часъ.“

А она въ отвѣтъ, краснѣя:
„Я для добраго коня
Стала бъ сыпать, не жалѣя,
Полны ясли ячменя;

„Стала бъ розовыя ленты
Въ гриву черную вплетать,
На попону позументы
Съ бахромою нашивать;

„Въ вѣчной холѣ, безъ печали
Мы бы зажили съ тобой....
Только бъ сватовъ высылали
Поскорѣе вы за мной.“

1860.

ПО ПРОЧТЕНІИ БАЙРОНОВА ПАДЕНІЯ ІЕРУСАЛИМА

Ущельемъ на гору мы шли, въ ту ночь, въ оковахъ.
Уже багровый блескъ на мутныхъ облакахъ,
Крикъ пролетавшихъ птицъ и смѣхъ вождей суровыхъ
Давно питали въ насъ зловѣщій, тайный страхъ.

Идемъ.... и ужасъ! вдругъ сверкнулъ огонь струею
На шлемахъ всадниковъ предшествовавшихъ намъ....
Пылалъ Ерусалимъ! пылалъ священный храмъ —
И вѣтеръ пламя гналъ по городу рѣкою....

И вопли наши вдругъ въ единый вопль слились....
„Ахъ, мщенья! мщенія!"... но дико загремѣли
Ручныя кандалы.... „О, Богъ отцовъ! ужели
Ты медлишь! ты молчишь!... Возстань! вооружись

„Въ грома и молніи!"... Но все кругомъ молчало....
Съ мечами на-голо̀, на чуждомъ языкѣ
Кричала римская когорта и скакала
Вкругъ насъ, упавшихъ ницъ въ отчаянной тоскѣ....

И повлекли насъ прочь.... и все кругомъ молчало....
И Богъ безмолвствовалъ.... и снова мы съ холма
Спускаться стали въ долъ, гдѣ улегалась тьма,
А небо на нее багряный блескъ роняло.

---

* * *

На бѣлой отмели каспійскаго поморья,
Работой каторжной изнеможенъ, лежалъ
Пѣвецъ. Вокругъ песокъ. Ни кустика, ни взгорья.
Лишь Каспій брызгами страдальца освѣжалъ,
Лишь Каспій вызывалъ пѣвца на пѣснопѣнье....
Вотъ въ душу узника слетѣло вдохновенье....
Задвигались уста, воспламенился взоръ.
Онъ руки къ родинѣ, какъ къ матери, простеръ,
Онъ очи обратилъ съ молитвой жаркой къ Богу:
Но двое часовыхъ ужь видятъ: быть грѣху —
И взводятъ ужь курки, отставили ужь ногу,
Готовясь въ крѣпости тотчасъ поднять тревогу,
Готовясь выстрѣлить по первому стиху....

1860.

ИЗЪ ПЕТРАРКИ

Когда она вошла въ небесныя селенья,
Ее со всѣхъ сторонъ соборъ небесныхъ силъ,
Въ благоговѣніи и тихомъ изумленьи,
Изъ глубины небесъ слетѣвшись, окружилъ.
„Кто это?“ шепотомъ другъ друга вопрошали—
Давно ужь изъ страны порока и печали
Не восходило къ намъ въ сіяньи чистоты
Столь строго дѣвственной и свѣтлой красоты.

И тихо радуясь, она въ ихъ сонмъ вступаетъ,
Но замедляя шагъ, свой взоръ по временамъ
Съ заботой нѣжною на землю обращаетъ,
И ждетъ—иду ли я за нею по слѣдамъ....
Я знаю, милая! Я день и ночь на стражѣ!
Я Господа молю! молю и жду—когда же?...

1860.

АЛИ-БЕЙ

(Изъ Гейне.)

Али-Бей, герой ислама,
Упоенный сладкой нѣгой,
На коврѣ сидитъ въ гаремѣ,
Между женъ своихъ прекрасныхъ.

Что игривыя газели
Эти жены: та рукою
Бородой его играетъ,
Та разглаживаетъ кудри,

Третья, въ лютню ударяя,
Передъ нимъ поетъ и пляшетъ,
А четвертая, какъ кошка,
У него прижалась къ сердцу....

Только вдругъ гремятъ литавры,
Барабаны бьютъ тревогу:
„Али-Бей! вставай на битву!
Франки выступили въ поле!“

На коня герой садится,
Въ бой летитъ, но мыслью томной
Все еще въ стѣнахъ гарема
Между женъ своихъ витаетъ, —

И межъ тѣмъ какъ рубитъ Франковъ,
Улыбается онъ сладко
Милымъ призракамъ, и въ битвѣ
Отъ него не отходящимъ....

СОНЪ НЕГРА

(Изъ Лонгфелло.)

Измученъ зноемъ и трудомъ,
Онъ на земь бросился ничкомъ.
Недвижно рисъ надъ нимъ стоялъ.
Палимый зноемъ, онъ дремалъ....
То былъ ли бредъ, то былъ ли сонъ —
Родимый край увидѣлъ онъ.

Увидѣлъ онъ: въ степи глухой
Несется Нигеръ голубой;
Подъ сѣнью пальмъ стоятъ шатры;
Къ нимъ караванъ ползетъ съ горы,
И люди веселы кругомъ:
Онъ въ томъ народѣ былъ царемъ.

Среди цвѣтовъ стоитъ жена
Толпой дѣтей окружена;
И дѣти къ ней, ласкаясь, льнутъ,
И въ лѣсъ, отца искать, зовутъ....
И вотъ сквозь сонъ, горячій сонъ,
Въ бреду заплакалъ тихо онъ....

И снова чудится во снѣ:
На борзомъ мчится онъ конѣ:
Какъ вольный вихорь конь летитъ,
Взбивая прахъ изъ-подъ копытъ,
Златою збруею звеня, —
И сабля бьетъ въ бока коня....

Что мигъ — свободнѣй дышетъ грудь!
Что шагъ — торжественнѣе путь!
Все ближе горы. Левъ рычитъ;
Кричитъ гіена; змѣй свиститъ,
И тяжело по тростникамъ
Идетъ въ рѣкѣ гиппопотамъ.

Подъ небомъ темно-голубымъ
Фламинго красный, передъ нимъ
Несясь въ дали, крылами бьетъ,
Какъ знамя красное — и вотъ
Ему открылся Кафровъ станъ,
И въ очи глянулъ океанъ!

И всталъ онъ тамъ, и слышитъ: вдругъ,
Подобный трубамъ, мощный звукъ
Поколебалъ и долъ, и лѣсъ,
И глубь пустынь, и глубь небесъ....
То звалъ къ свободѣ изъ оковъ
Великій духъ своихъ сыновъ.

И вздрогнулъ онъ, услыша кличъ....
И ужь не чувствовалъ какъ бичъ
По немъ скользнулъ, и какъ ногой
Его толкнулъ хозяинъ злой,
Какъ онъ, сдавивъ досады вздохъ,
Пробормоталъ потомъ: „издохъ!“...

1859.

КУПАЛЬЩИЦЫ

(Мелодія съ береговъ Ганга.)

Люблю тебя, мѣсяцъ, когда озаряешь
Толпу шаловливыхъ красавицъ идущихъ
Съ ночнаго купанья домой!

Прекрасенъ ты воздухъ, неся издалека,
Съ вѣнковъ ихъ роскошныхъ волну аромата,
Намъ ихъ возвѣщая приходъ.

Прекрасно ты море, когда твою свѣжесть
Я слышу у нихъ на груди и ланитахъ,
И въ черныхъ, тяжелыхъ косахъ....

1862.

УПРАЗДНЕННЫЙ МОНАСТЫРЬ *

(Глава изъ поэмы: *Полн.*)

Давно въ туманѣ предо мной
Блестящей точкою горя,
То надъ лѣскомъ, то надъ горой
Свѣтился крестъ монастыря.

И вдругъ—обрывъ! и вотъ—рѣка
Въ тѣни высокихъ береговъ
Бѣжитъ, подернута слегка
Отливомъ красныхъ облаковъ.

И на откосѣ мѣловомъ
Открылась старая стѣна,
Съ безглавой башней, какъ огнемъ
Закатомъ дня озарена.

Прохлада вѣетъ надъ рѣкой,
Струясь за рѣзвымъ вѣтеркомъ,
И тихо движется со мной
Неповоротливый паромъ.

---

* Надѣемся доставить удовольствіе читателямъ *Русскаго Вѣстника* приложивъ къ нашему журналу собраніе стихотвореній А. Н. Майкова, писанныхъ даровитымъ поэтомъ послѣ 1858 года и разсѣянныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, напр. *Упраздненный монастырь*, одно изъ лучшихъ въ предлагаемомъ собраніи, *Празднословы*, *Разрушеніе Іерусалима* въ первый разъ появляются въ печати; многія же совсѣмъ передѣланы авторомъ. *Прим. Ред.*

Вотъ монастырь.... Слѣды ль осадъ,
Пищалей, приступовъ къ стѣнамъ,
Въ кирпичныхъ грудахъ, что̀ лежатъ,
Поросши лѣсомъ, здѣсь и тамъ?...

Лампада у воротъ горитъ
Предъ полинялымъ образкомъ;
Монахъ, сѣдой старикъ, сидитъ
У кружки подъ двойнымъ замкомъ;

Сидитъ и смотритъ, какъ ползутъ
Мои лошадки по горѣ....
—„Что̀, отче честный, есть ли тутъ
Что̀ посмотрѣть въ монастырѣ?“

—„А посмотри! Запрету нѣтъ!
Что̀ есть—увидишь“, молвилъ онъ,
„Да что̀ смотрѣть-то! Сколько лѣтъ
Какъ монастырь ужь упраздненъ.

„Святыню вывезли.... Живемъ
Одни въ привратникахъ мы тутъ
Съ отцомъ Паисіемъ и ждемъ,
Аль насъ куда переведутъ,

„Аль здѣсь помремъ.... Я, вотъ, съ ногой
Изнылъ. Ломота извела.
Лѣчился лѣтось у одной
Старушки: нѣтъ, не помогла!

„Войди въ калитку-то, смотри!“—
Мнѣ указалъ на дверь старикъ;
А самъ спѣшилъ въ лучахъ зари
Еще погрѣться лишній мигъ.

Бѣднякъ! едва ль не правъ былъ онъ!
Смотрѣть не много было, нѣтъ!
Кой-гдѣ слѣды витыхъ колоннъ,
Письма и позолоты слѣдъ.

III.

ИЗЪ СТРАНСТВОВАНІЙ

НА БЕРЕГАХЪ НОРМАНДІИ

Больное тихое дитя
Сидитъ на берегѣ, слѣдя
Большими, умными глазами
За золотыми облаками....
Вкругъ берегъ пустъ—скала, песокъ....
Тростникъ, накиданный волною,
Въ поморьѣ тянется каймою....
И такъ покой кругомъ глубокъ,
Такъ тихъ ребенокъ, что садится
Вблизи его на тростникѣ,
Играя, птичка; на пескѣ
По мели рыбка серебрится....
Къ нимъ взоръ порою обратя,
Такъ улыбается дитя,
Глядитъ на нихъ съ такимъ участьемъ,
И такъ сіяетъ кроткимъ счастьемъ—
Что если бѣдный промелькнетъ
Онъ на землѣ какъ гость залетный,
И скоро въ небѣ въ сонмъ безплотный
Господнихъ ангеловъ взойдетъ,—
То тамъ, межъ нихъ, воспоминая
Свой берегъ дикій и пустой,—
„Прекрасна, скажетъ, жизнь земная!
Богатъ и веселъ край земной!“

1858.

ВЪ АЛЬПАХЪ

I.

ЛЕДНИКИ.

Сырая мгла лежитъ въ ущельѣ,
А тамъ—какъ призраки легки,
Въ стыдливомъ, дѣвственномъ весельѣ,
Въ багрянцахъ утра—ледники!

Какою жизнью вѣетъ новой
Мнѣ съ этой снѣжной вышины,
Изъ этой чистой, бирюзовой
И свѣта полной глубины!

Тамъ, знаю, ужасъ обитаетъ,
И нѣтъ людскаго тамъ слѣда,—
Но сердце точно отвѣчаетъ
На чей-то зовъ: „туда! туда!“

II.

АЛЬПІЙСКАЯ ДОРОГА.

На горѣ, сіяньемъ утра
Деревянный крестъ облитъ,
И малютка на колѣняхъ
Передъ нимъ въ мольбѣ стоитъ....

Помолись, душа святая,
И о странних и чужихъ,
О тоскующихъ, далекихъ,
И о добрыхъ, и о злыхъ....

Помолись, душа святая,
И о томъ, чей путь далекъ,
Кто съ душой, любовью полной,
Въ мірѣ всюду одинокъ....

1858.

---

* * *

Все—серебряное небо!
Все—серебряное море!
Теплой влагой воздухъ полонъ!
Тишина такая въ мірѣ,
Какъ въ душѣ твоей бываетъ
Послѣ слезъ, когда, о Нина,
Сердце кроткое осилитъ
Страстью поднятую бурю,
И на блѣдныя ланиты
Ужь готовъ взойдти румянецъ,
И въ очахъ мерцаетъ тихій
Свѣтъ надежды и прощенья....

Ницца, 1858.

МАДОННА

Стою предъ образомъ Мадонны:
Его писалъ монахъ святой,
Старинный мастеръ, не ученый;
Видна въ немъ робость, стиль сухой;

Но робость кисти лишь сугубитъ
Величье Дѣвы: такъ она
Вамъ сострадаетъ, такъ васъ любитъ,
Такою благостью полна,

Что вѣришь, какъ гласитъ преданье,
Передъ художникомъ святымъ,
Сама Пречистая въ сіяньѣ
Являлась, видима лишь имъ....

Измученъ подвигомъ духовнымъ,
Постомъ суровымъ изнуренъ,
Не разъ на помостѣ церковномъ
Былъ поднятъ иноками онъ,

И призванъ къ жизни ихъ мольбами,
Еще глаза открыть боясь,
Онъ братью раздвигалъ руками
И телъ къ холсту, душой молясь,

Брался за кисть, и въ умиленьѣ.
Онъ кистью то изображалъ,
Что̀ отъ небеснаго видѣнья
Въ воспоминаньѣ сохранялъ.

И слезы тихія катились
Вдоль блѣдныхъ щекъ,—и, страхъ тая,
Монахи вкругъ него молились,
И плакали.... какъ плачу я....

Флоренція, 1859.

НЕАПОЛИТАНСКІЙ АЛЬБОМЪ

I.

ДОНЪ-ПЕППИНО.

Жаръ упалъ. На берегъ моря
Шумно въ садъ толпа валитъ,
И кругомъ по звонкой лавѣ
Экипажей рой летитъ....

Звонъ колесъ, и блескъ, и хохотъ....
Крикъ и щелканье бичей....
Все-то къ саду мчится, къ морю,
Въ сѣнь каштановыхъ аллей.

„Что̀ за женщины!“ бормочетъ
Сѣверянинъ отъ души;
Сѣверянки жь прибавляютъ:
„И мущины хороши!“

Хороши! но вотъ, смотрите—
Изъ красавцевъ Аполлонъ!
Какъ онъ божески спокоенъ,
Точно нектаромъ вспоенъ!

Даже эта эспаньйолка,
Съ шикомъ лондонскимъ нарядъ,
Даже розочка въ петлицѣ
Сходству съ богомъ не вредятъ!

Вотъ онъ бросилъ свой миланскій
Щегольской кабріолетъ,
Входитъ въ садъ—въ толпѣ движенье,
Всѣ глядятъ ему во слѣдъ....

Аполлонъ!... Но вотъ къ миссъ Мери
Олимпіецъ подошелъ....
Вкругъ нея какъ-будто вспыхнулъ
Тотчасъ свѣтлый ореолъ....

Ахъ, я чувствую, не ловко
Ей отъ этихъ черныхъ глазъ,
Хоть глядитъ онъ такъ покорно,
Говоритъ полусмѣясь....

И должно-быть въ этомъ взглядѣ
Власть и сила безъ границъ!
Ледяныхъ я зналъ красавицъ,
Величавыхъ, гордыхъ львицъ....

Но взглянулъ онъ—прочь величье!
Эта львица передъ нимъ
Тише, тише—и ужь смотритъ
Вдругъ звѣркомъ совсѣмъ ручнымъ!

Такъ и ластится, и ходитъ,
И съ него не сводитъ глазъ....
О, миссъ Мери, о, миссъ Мери!
Признаюсь—дрожу за васъ!

II.

Боже мой, какая нѣга
Въ этихъ палевыхъ ночахъ!
Все какъ будто замираетъ
Въ сладострастныхъ, жаркихъ снахъ!

На цвѣты посмотришь, право—
Покраснѣешь со стыда!
Какъ ласкаются, что̀ шепчутъ,
И что̀ дѣлаютъ—бѣда!

Нѣтъ, домой скорѣй, миссъ Мери!
На замокъ скорѣй балконъ!
Прогоните донъ-Пеппино....
Онъ отваженъ и влюбленъ....

Въ эту ночь, какъ разъ забудешь
Что̀ дозволено, что̀ грѣхъ,
И въ одну минуту сердце
Скажетъ вамъ: все вздоръ и смѣхъ!

III.

Вотъ, смотрите, о, миссъ Мери,
Весь на аркахъ, весь сквозной,
Королевы Іоанны
За́мокъ темный и нѣмой.

Днемъ въ тотъ за́мокъ ѣздятъ даже
Кушать устрицы—тамъ видъ
Чудный къ морю, и бесѣдка
Виноградная стоитъ.

По ночамъ—другое дѣло!
Не пройдетъ вблизи руинъ
Безъ воззванія къ Мадоннѣ
Босоногій капуцинъ;

Въ страхѣ ослика колотитъ
Здѣсь погонщикъ въ поздній часъ,
И бѣжитъ проворной рысью
Самъ, за хвостъ его держась;

И съ компаніей веселой
Изъ Пуццоло каретьеръ
Только съ хлопаньемъ и гикомъ
Пролетитъ во весь карьеръ.

Слухъ идетъ о королевѣ,
Будто чортъ, поспоря съ ней,
По ночамъ ей обязался
Приводить богатырей;

Что въ своихъ объятьяхъ много
Ихъ замучила она,
Но доселѣ не сказала:
„Мнѣ довольно, сатана“....

И въ урочный часъ, сіяя
Красотой могучей женъ
Тѣхъ желѣзныхъ, тѣхъ кровавыхъ,
Полуварварскихъ временъ—

Въ за́мокъ свой она приходитъ....
Стражи тутъ тревогу бьютъ,
Видно, какъ пажи въ аркадахъ
Съ канделябрами бѣгутъ,

И въ коронѣ многоцвѣтной
Въ свой чертогъ она идетъ,
И съ своей порфирой алой
То мелькнетъ, то пропадетъ....

И безумцевъ такъ и тянетъ
Съ ней—женой богатырей—
Испытать и пылъ, и нѣгу
Намъ невѣдомыхъ страстей.

Разъ и я былъ, о, миссъ Мери,
Этой чарою объятъ.
Долго ждалъ я, скоро ль въ окнахъ
Канделябры заблестятъ....

И когда бъ тутъ не промчался
Мистеръ Джона экипажъ,
И при бѣломъ лунномъ свѣтѣ
Не мелькнулъ мнѣ образъ вашъ —

Образъ полный тѣмъ прозрѣньемъ,
Торжествомъ и тишиной,
Что̀ въ страдальцахъ предъ кончиной
Поражаетъ насъ порой —

Я, клянусь вамъ, о, миссъ Мери,
Въ эту ночь, съ ея луной,
Съ этой нѣгой — я не знаю
Что̀ бы сдѣлалось со мной!

IV.

КЪ МИССЪ МЕРИ.

(Романсъ донъ-Пеппино.)

Andante.

Se io fossi un angelo....

Когда бъ я ангелъ былъ небесный,
Тебя бъ на небо я умчалъ,
И полонъ радости чудесной
Съ тобой къ Всевышнему предсталъ.
Чтобы — о, чистое созданье! —
Средь ликованья горнихъ силъ
Онъ красоты твоей сіянье
Лучомъ безсмертья озарилъ!

Allegro.

Океанъ кидаетъ волны!
Все глядитъ къ звѣздѣ своей!
И въ волнахъ на каждомъ взломѣ
Блещетъ свѣтъ ея лучей.

Упади, звѣзда златая,
Упади ко мнѣ на грудь,
А не то вѣдь я сумѣю
И до неба досягнуть!

V.

Весь Неапо̀ль залитъ газомъ,
Шумомъ улицы полны,
Но въ Hotêl di Gran-Bretagna
Окна всѣ затворены.

Лишь въ одномъ окошкѣ лампа:
За газетой мистеръ Джонъ....
Точно саванъ примѣряя,
Times развертываетъ онъ....

За работой вы, миссъ Мери!
Ка̀къ идетъ румянецъ къ вамъ,
И разсыпанныя просто
Ваши кудри по плечамъ!

Блескъ въ глазахъ.... и грудь какъ дышитъ....
Такъ, я видывалъ не разъ,
Дышитъ птичка, изъ-подъ лапы
У кота освободясь....

VI.

Я люблю въ Café d'Europa
Смѣхъ и шумъ во̀ всѣхъ углахъ,
Серебро, хрусталь на звонкихъ
Бѣломраморныхъ столахъ.

Всѣмъ тутъ весело: Французамъ
Съ вѣчной сахарной водой,
Саввѣ Саввичу съ шампанскимъ
И котлетой отбивной.

Итальянцы жь какъ на балѣ
Всѣ во фракахъ щегольскихъ....
Лишь блестящій донъ-Пеппино
Нынче что-то пріутихъ.

„Вотъ ужь каменное сердце!“
Онъ шипитъ: „не въ моготу!
И даетъ же имъ Создатель
Неземную красоту!

„Чай, сидитъ теперь и пишетъ
Про Неаполь чепуху
Своему такому жь точно
Ледяному жениху!

„Вздохи шлетъ свои въ Калькутту,
Гдѣ Альфредъ ея — лѣтъ пять
Сѣетъ макъ во имя Мери,
Чтобъ Китайцевъ отравлять!...“

VII.

Какое утро! Стихли громы,
Широко льется солнца лучъ,
Горятъ серебряные комы
За горы уходящихъ тучъ....

Какое утро!... Море снова
Пріемлетъ свой зеркальный видъ,
Хотя вдоль лона голубова
Тяжелый вздохъ еще бѣжитъ;

И—слѣдъ утихнувшаго гнѣва—
Бурунъ вскипаетъ здѣсь и тамъ,
И слышенъ гулъ глухаго рева
Вдоль по отвѣснымъ берегамъ....

Плыву я, счастьемъ тихимъ полный,
И мой гребецъ имъ дорожитъ:
Чуть-чуть по влагѣ, самъ безмолвный,
Весломъ сверкающимъ скользитъ....

Молчитъ—и лишь съ улыбкой взглянетъ,
Когда на насъ отъ береговъ
Чуть слышнымъ вѣтеркомъ потянетъ
Благоуханіе цвѣтовъ:

Какъ-будто сильфовъ рѣзвыхъ стая,
Спрыгнувъ со скалъ, дыша тепломъ,
Помчалась, вся благоухая,
Купаться въ воздухѣ морскомъ....

VIII.

КЪ МИССЪ МЕРИ.

Передъ тобой синѣетъ море,
Заря играетъ по горамъ,
Но какъ тоскующая лебедь
Блуждаешь ты по берегамъ;

За убѣгающей волною,
Сжимая руки, ты слѣдишь,—
И, „гдѣ онъ? гдѣ? скажи, о море!“
Въ пустыню съ воплемъ говоришь!

IX.

Князь NN, и графъ фонъ-Дум—енъ.
Мичманъ С., артистъ Б—инъ,
Мечутъ съ хохотомъ червонцы
Въ глубину морскихъ пучинъ.

За червонцемъ въ ту жь минуту
Мальчикъ — прыгъ! исчезъ въ водахъ, —
И ужь вынырнетъ навѣрно
Съ золотымъ кружкомъ въ зубахъ....

Молодецъ!... Но, милый мальчикъ,
Знаю бездну я одну....
Самъ Господь червонцевъ всыпалъ
Много въ эту глубину, —

Только дна ты въ ней не сыщешь!
Эта бездна, милый мой,
Сердце мраморной миссъ Мери,
Англичанки ледяной!

X.

Въ темный храмъ одинъ прокрался
Лучъ полдневный, озаря
Два-три бѣлыхъ покрывала
Изъ толпы у алтаря.

Тихо! точно какъ на отдыхъ
Собрались въ прохладный храмъ —
Эти ангелы подъ своды,
Эти люди къ алтарямъ.

Вы войдете: что малютокъ
Улыбается! что глазъ—
Черныхъ глазъ—въ толпѣ безмолвной
Подымается на васъ!

XI.

Вотъ съ рѣзной каѳедры грозно
Держитъ рѣчь къ толпѣ монахъ
И къ огромному распятью
Припадаетъ, весь въ слезахъ.

„Се страдалецъ!“ восклицаетъ:
„Острый тернъ чело язвитъ!
Се божественныя ребра!
Кровь ручьемъ изъ нихъ бѣжитъ!

„Онъ за васъ пріемлетъ муки!
Вамъ же трудно для него
Обуздать порывы плоти,
Страсти сердца своего!...“

И толпа вокругъ рыдаетъ,
Все готова обуздать,
Лишь бы выйдя вонъ изъ храма
Черныхъ глазъ не повстрѣчать.

XII.

Ахъ, межь тѣмъ какъ вы стояли,
На рѣшетку опершись,
Въ темномъ храмѣ, и душою
Въ свѣтлый куполъ унеслись—

Я глядѣлъ на васъ, миссъ Мери!
Понялъ я вашъ грустный взоръ!
Этихъ ангельчиковъ съ вами
Я подслушалъ разговоръ.

—„Жаль, что ты для насъ чужая!“
Вамъ сказали: — „но, увы!
Воротиться невозможно“,
Отвѣчали кротко вы.

—„У тебя такъ много горя!
Съ кѣмъ ты выплачешь его?“
—„Съ кѣмъ? одна! сама съ собою!
Вкругъ—пустыня! никого!“

—„Кто въ пути тебя наставитъ?“
—„Умъ! Все умъ!“—„А сердце, что̀ жь?“
—„Умъ для сердца лучшій кормчій!“
—„Лжешь, миссъ Мери, право лжешь!

„Мы вѣдь знаемъ — какъ ребенокъ
Сердце скажетъ вдругъ: „хочу“ —
И прощаемъ!...“ Вы жь съ улыбкой:
—„Но сама я не прощу!“

Тутъ поднялись вы — и легкимъ
Наклоненьемъ головы
Съ свѣтлымъ сонмомъ силъ небесныхъ
Какъ съ дѣтьми простились вы....

XIII.

Золотой архіепископъ,
Signoria и народъ,
Иностранцы въ черныхъ фракахъ,
Весь Неаполь — чуда ждетъ.

Взоры всѣхъ на стклянкѣ съ кровью....
Только кровь все не кипитъ....
Санъ-Дженнаро! Санъ-Дженнаро!
Или ты на насъ сердитъ!

Или есть межь нами грѣшникъ?
Бейте жь въ грудь себя сильнѣй!
Бейтесь объ полъ головами!
Плачьте громче, горячѣй!

Донна-Анна! ты, Джульетта!
Подвели ль вы счетъ грѣхамъ?
И на исповѣди все ли
Перечли духовникамъ?...

Да не я ли ужь помѣха?
Я вѣдь здѣсь совсѣмъ чужой!...
Не миссъ Мери ль?... Но миссъ Мери
Ужь уѣхала домой.

Мимоѣздомъ въ Санъ-Дженнаро,
Въ амазонкѣ и съ хлыстомъ
Появлялася миссъ Мери....
Взглядъ лишь бросила кругомъ....

Боже! точно льдомъ пахнуло
Отъ нея на всѣхъ на насъ—
Льдомъ полярнымъ, правда, чистымъ
И прозрачнымъ какъ алмазъ!...

Мистеръ Джонъ одинъ остался
И во всѣ глаза слѣдитъ
За движеньями прелата,
Что̀ предъ стклянкою стоитъ.

XIV.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

Далеко, на самомъ морѣ
Я построю домъ
Изъ цвѣтныхъ павлиньихъ перьевъ
Съ звѣздами кругомъ.

Вставлю въ нихъ еще сапфиры,
Жемчугъ, бирюзу,
Жить туда со мной навѣки
Нину увезу.

И едва кругомъ съ балкона
Нина поглядитъ—
„Солнце всходитъ! солнце всходитъ!“
Все заговоритъ!

XV.

ЕЩЕ ИЗЪ НАРОДНОЙ ПѢСНИ.

Не хочу я смерти ждать,
Ждать до старости постылой!
Умирать—такъ умирать
Отъ ножа въ глазахъ у милой!
Станетъ вдругъ она тогда
Говорить—о чемъ молчала,
Цѣловать—какъ никогда
До того не цѣловала!

XVI.

Что̀ за шумъ и крикъ, о Боже!
Нина! Ты ль, моя краса,
Такъ безжалостно вцѣпилась
Лоренцино въ волоса?

Точно молнія блеснула,
Видѣлъ я, въ глазахъ твоихъ—
И изъ ангела въ тигрицу
Превратилася ты въ мигъ!

А все вы виной, миссъ Мери,
Что смотрѣли на него,
И этюдъ нашли въ немъ чудный
Для альбома своего.

XVII.

Вы повсюду — о, миссъ Мери!
Въ этотъ зной!... Лучи палятъ!...
Сотни каторжниковъ красныхъ
Гору бѣлую сверлятъ.

Что̀ вы взорами впилися
Въ этотъ пестрый сбродъ людей?
Въ эти бронзовыя лица?
Иль вамъ чуденъ стукъ цѣпей?

Или вамъ въ толпѣ несчастныхъ
Дико видѣть смѣхъ и споръ,
И трагическія позы,
И комическій задоръ?

Знаю! „Мучениковъ мысли“
Все вы ищете межъ нихъ,
Чтобы нѣсколько имъ бросить
Утѣшенья словъ святыхъ!

О, подъ этимъ яснымъ небомъ,
Посреди счастливыхъ лицъ—
Эти люди вѣдь опаснѣй
И бандитовъ, и убійцъ!

Ихъ катоновская мрачность
И улыбка злая ихъ
Навели бъ и страхъ, и скуку
На людей и на святыхъ!

И, спасибо, ихъ далеко
Убираютъ здѣсь—туда
Гдѣ и солнце, ненарокомъ,
Не бываетъ никогда!

XVIII.

ДВА КАРЛИНА. *

„Эй, синьйоръ! хоть два карлина
Дайте мнѣ за что-нибудь!
Спѣть вамъ—bella Sorrentina?
Или пыль съ сапогъ стряхнуть?“

Боже мой! съ какою злобой
Вы кричите, негодяй!
„Здѣсь Неаполь! Здѣсь особый
И народъ, и самый край!

* Карлинъ — мелкая неаполитанская монета, около 10 коп.

„Много есть народовъ умныхъ,
Но философъ—нашъ одинъ,
Хоть живетъ средь улицъ шумныхъ
Какъ поэтъ и арлекинъ!

„Богачи и ладзароны—
То одна душа! у всѣхъ
Счастье—тѣ же макароны,
Тѣ же пѣсни, тотъ же смѣхъ!

„Наши пѣсни—что̀ ихъ краше?
Какъ цвѣты изъ нѣдръ земныхъ
Изъ груди пѣвучей нашей
Солнце такъ и тянетъ ихъ!

„Смѣхъ—намъ хартія! захочетъ
Деспотъ сжать насъ—смѣхъ ужь тутъ:
Знакъ, два слова—и хохочетъ
Весь Неаполь, всякій людъ!

„Мирно съ церковью онъ ладитъ,
Да и церковь ко двору—
Для него Мадонну рядитъ
Какъ невѣсту на пиру!

„Галлы, Нѣмцы, Аррагонцы,
Споръ вели изъ-за него—
Онъ, отъ всѣхъ ловя червонцы,
Не стоялъ ни за кого!

„Возвѣстилъ ему свободу
Гарибальди—perchè по?
Были бъ праздники народу,
Были бъ пѣсни да вино!

„Все равно, кто правитъ нами—
Тотъ иль этотъ!... Здѣсь одинъ
Надъ рабами и царями
Есть повыше господинъ....

„Вонъ—чудовище! открыло
Къ ночи огненную пасть....
Точно ждетъ, сбираясь съ силой,
Только знака, чтобъ напасть!

„Не минуемъ вѣрной кары!
Нынче ль, завтра ль—все одно!...
Ужь подземные удары
Ночью будятъ насъ давно.

„И колеблющейся лентой
По прозрачнымъ небесамъ,
Отъ Пуццоло до Сорренто,
Дымъ стоитъ и здѣсь и тамъ....

„Все что̀ дышитъ—гибель чуетъ,
И, боясь опоздать,
Веселится и ликуетъ....
Человѣку ль отставать?

„Лучше пѣть забывши горе,
Передъ часомъ роковымъ,
Какъ поглотитъ огнь иль море
Почву шаткую подъ нимъ....

„Ахъ, ужасная картина!
Вдругъ порвется жизни нить....
Такъ что.... ваши два карлина....
Передъ смертью, можетъ быть!“

XIX.

ТАРАНТЕЛЛА.

(На голосъ: *Già la luna è mezz'al mare....*)

Нина, Нина! тарантелла!
Старый Чьеко ужь идетъ!

Вонъ ужь скрипка загудѣла!
Въ кругъ становится народъ!
Пріударилъ Чьеко старый....
Словно птички на зерно,
Отовсюду мчатся пары!...
Вонъ—ужь кружатся давно!

Какъ стройна, гляди, Аглая!
Вотъ помчалась въ кругъ живой—
Очи долу, ударяя
Въ тамбуринъ надъ головой!
Ловокъ съ нею и Дженнаро!...
Вслѣдъ за нимъ намъ—смотри!
Послѣ тотчасъ третья пара....
Ну, Нинета.... разъ, два, три....

Завязалась, закипѣла,
Все идетъ живѣй, живѣй,
Обуяла тарантелла
Всѣхъ отвагою своей....
Эй! простору!... шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Эй, синьйоръ, синьйоръ! угодно
Вамъ въ кружокъ нашъ, можетъ-быть?
Иль свой санъ въ толпѣ народной
Вы боитесь уронить?
Ну, такъ мимо!... шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Вы—синьйора?... Вы бъ и рады,
Къ намъ сердечко васъ зоветъ....
Да снуровка безъ пощады
Вашу грудь больную жметъ....

Ну, такъ мимо!... шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней мечты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Вы, философъ! дайте руки!
Не угодно ль къ намъ сюда!
Иль кто разъ вкусилъ науки—
Не смѣется никогда!
Ну, такъ мимо!... шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Ты что̀ смотришь такъ сурово,
Босоногій капуцинъ?
Въ сердцѣ памятью былова,
Чай, отдался тамбуринъ?
Ну—такъ къ намъ—и шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Словно въ вихрѣ мчатся пары
Не сидится старикамъ....
Расходился Чьеко старый
И подплясываетъ самъ....
Мудрено ль! вкругъ старой скрипки
Такъ и носятся цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Не робѣйте! смѣйтесь дружно!
Пусть дѣтьми мы будемъ вѣкъ!
Человѣку знать не нужно
Что̀ такое человѣкъ!...
Что̀ тутъ думать!... шибче скрипки!
Наши—юность и цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

XX.

LACRYMAE CHRISTI.

На Везувіи пустынникъ
Жилъ ужь много лѣтъ;
Былъ здоровъ, румянъ и веселъ,
Хоть давно ужь сѣдъ;
Но живя въ уединеньи
Говорить отвыкъ,
И что годъ—то становился
Туже на языкъ.

Жилъ онъ, жилъ, молился Богу,
Виноградъ садилъ—
Виноградъ же этотъ въ мірѣ
Всѣмъ извѣстенъ былъ:
Только онъ давалъ густое,
Темное вино....
Подъ названьемъ Слезъ Христовыхъ
Славилось оно.
И хотя къ нему названье
Не Христовыхъ Слезъ,
А скорѣе Слезъ Титана
Лучше бы пришлось,
—Жгло оно и страсть будило—
Но увы! старикъ
Въ миѳологіи не смыслилъ,
Въ жизнь не видѣлъ книгъ....
А могучихъ лозъ обилье,
Въ простотѣ своей,
Все приписывалъ Мадоннѣ,
И молился ей,
И за каменной оградой
У своихъ воротъ,
Ей часовеньку поставилъ—
Отъ всѣхъ бѣдъ оплотъ!

Такъ шли годы. На Везувій
Вѣчно шелъ народъ;
Къ старику ужь вѣрно каждый
За виномъ зайдетъ;
Только вотъ—уже съ недѣлю
Сталъ волканъ бурлить;
Старика предупреждали
Что ужь худу быть....
Что геологи пугаютъ
Близкою бѣдой—
Но старикъ лишь улыбался
И махалъ рукой.
Только вотъ съ своей постели
Онъ былъ сброшенъ вдругъ
Отъ подземнаго удара....
Смотритъ—адъ вокругъ!
Изъ жерла волкана—пламя
Огненнымъ снопомъ!
Громъ — какъ будто сотни пушекъ
Грянули кругомъ.
Всюду лопаютъ волкана
Черные бока—
И течетъ изъ нѣдръ ихъ лавы
Свѣтлая рѣка....

Ослѣпленъ и задыхаясь,
Еле живъ старикъ;
Чуть доползъ онъ до часовни,
Къ ней лицомъ приникъ,
Лозъ пригнулъ къ себѣ—но листья
Свертываетъ жаръ,
Кисти лопаютъ и каплютъ,
И идетъ съ нихъ паръ....

Этихъ лозъ, что̀ возращалъ онъ,
Что̀ въ его дому
Разливали столько счастья—
Стало жаль ему,

И себя забывъ, къ Мадоннѣ
Вдругъ онъ простоналъ:
„Сохрани мой виноградникъ“—
И безъ чувствъ упалъ.
Вопль услышала Мадонна:
Лава обошла
Вкругъ стѣны и знаменитыхъ
Лозъ не обожгла.
И старикъ потомъ былъ найденъ,
Въ чувство приведенъ,
И досель живетъ, остывшей
Лавой окруженъ.
Только вотъ что̀ вышло худо:
Къ кратеру горы
Ужь совсѣмъ другой дорогой
Ходятъ съ той поры;
Пьютъ вино ужь у другаго!
Старецъ пересталъ
Виноградникъ свой лелѣять—
Виноградъ пропалъ....
Съ нимъ онъ самъ почти что высохъ:
Вечеркомъ сидитъ
У воротъ и на часовню
Грустно онъ глядитъ:
„Помолился я Мадоннѣ“,
Думаетъ, „тогда,
Да не выразился ясно!
Вотъ моя бѣда!“

XXI.

Все ты бредишь Англичанкой,
Что̀ сегодня на зарѣ
Оссіановскою тѣнью
Пронеслася по горѣ.

Я увѣренъ, Савва Саввичъ,
Что и осликъ сѣрый твой
Все арабской кобылицей
Ныньче бредитъ день-деньской.

Странно бъ было, еслибъ даже
Вы въ сужденьяхъ разошлись—
Онъ—объ кровной кобылицѣ,
Ты—объ кровной этой миссъ!

XXII.

Всѣмъ ты жалуешься вѣчно,
Что судьбой гонимъ съ пеленъ,
Что влюбляешься несчастно,
Дважды чиномъ обойденъ!

Другъ! не ты одинъ страдаешь!
Вонъ—взгляни: оселъ стоитъ,
И съ горы на весь Неаполь
О бѣдахъ своихъ кричитъ.

XXIII.

Фердинандъ король былъ рыцарь,
Деликатности примѣръ!
Онъ за собственной печатью
Заперъ всѣхъ нагихъ Венеръ,

А раздѣтыхъ Геркулесовъ
Всѣхъ оставилъ по мѣстамъ....
Не боясь мущинъ обидѣть,
Обижать не смѣлъ онъ дамъ.

XXIV.

Внѣ ограды Campo Santo,
Не въ ряду святыхъ могилъ,
Нынче съ почестью Неаполь
Примадонну хоронилъ.

Безъ военнаго конвоя,
Безъ монаховъ и поповъ,
Самъ народъ „комедіянтку“
Провожалъ дождемъ цвѣтовъ.

Каждый чувствовалъ, что городъ
Точно вдругъ осиротѣлъ,
Ото всѣхъ сердецъ какъ будто
Добрый геній отлетѣлъ....

Не безъ зависти, миссъ Мери,
Вы смотрѣли изъ окна,
Какъ за гробомъ примадонны
Шла народная волна.

Какъ, въ своихъ лохмотьяхъ, важно
Ладзароны гробъ несли,
Какъ по ихъ угрюмымъ лицамъ
Слезы тихія текли....

Хоть вы знали, пуританка,
Что цѣною жгучихъ слезъ,
Бурной жизнью, трудной школой
Все божественной далось....

Мистеръ Джонъ объ этомъ знаетъ,
Но молчитъ вашъ мистеръ Джонъ....
Вспоминая, сколько „фунтовъ“
На нее потратилъ онъ....

Но за то мой Савва Саввичъ,
Съ простодушіемъ дѣтей,
Безкорыстно радъ поплакать
Чуждой скорби, какъ своей.

XXV.

Миссъ! не бойтесь легкой шутки!
Мы вѣдь шутимъ надо всѣмъ,
Шутимъ даже надъ героемъ
Нашихъ собственныхъ поэмъ....

Да и что̀ моя вамъ шутка!
Вдругъ у вашихъ ногъ блеснетъ,
И, какъ ящерица въ камняхъ,
Шаловливо пропадетъ.

XXVI.

Донъ-Пеппино Русской бредитъ,
Щеголяетъ въ бирюзѣ,
И въ Café d'Europa всюду
Чертитъ пальцемъ букву *З*.

Повторяетъ безпрестанно
При другихъ и про себя:
„Зина, Зина—che bel'nome!“
И потомъ: „люблю тебя“.

Такъ, по-русски.... Вотъ нескромникъ!
Здѣсь, вѣдь, рѣдкость бирюза,
И любуясь ею, денди
Шепчетъ всѣмъ: „ея глаза“.

XXVII.

Пульчинель вскочилъ на бочку,
И толпа ужь собралась;
Жестъ лишь сдѣлалъ—и вся площадь
Яркимъ смѣхомъ залилась.

Берегись, смотри, проказникъ!
Этотъ смѣхъ вѣдь обѣжитъ
Цѣлый городъ—тамъ, какъ эхо
Въ Аппенинахъ прогремитъ,

Здѣсь раскатится по морю
И ударитъ по скаламъ
Капри, Исхіи, Прочиды,
Въ домы къ смѣлымъ рыбакамъ!

Берегись! хоть Санъ-Дженнаро
И съ тобою заодно—
Но ужь съ фортовъ этихъ пушки
На тебя глядятъ давно!

XXVIII.

Здѣсь весна, какъ художникъ ужь славный, работаетъ тихо.
Отъ цвѣтовъ до другихъ по недѣлѣ проходитъ и болѣ.
Словно кончитъ картину и публикѣ дастъ наглядѣться,
Да и публика знаетъ маэстро—и ужь много о немъ не толкуетъ:
Репутація сдѣлана: бюстъ ужь его въ Пантеонѣ.
А у насъ-то вѣдь лучше: весна какъ волшебникъ нежданный,
Пронесется въ лучахъ, и растопитъ снѣга и угонитъ,
Словно взмахомъ однимъ съ яркой озими сдернетъ покровы,
Вздуетъ почки въ лѣсу, и цвѣтами ужь зыблется поле!

Не успѣетъ крестьянинъ промолвить; „никакъ нынче вёдро“,
Какъ—и соху справляй и сырую разрыхливай землю!
А на небѣ-то, Господи, праздникъ, и звонъ, и веселье!
И летятъ надо всею-то ширью отъ моря и до моря птицы—
Къ зеленямъ безпредѣльнымъ, къ широкимъ зеркальнымъ разливамъ!
Выбирай лишь гдѣ больше приволья въ водѣ имъ и въ лѣсѣ!
И кричатъ какъ, завидя знакомыя рѣки и дебри,
И съ соломенныхъ крышъ бѣловатый дымокъ надъ поляной....
Унеси ты, волшебникъ, скорѣе меня въ это царство,
Гдѣ по утреннимъ свѣтлымъ зарямъ бодро дышится груди,
Гдѣ предъ ликомъ господнихъ чудесъ умиляется всякое сердце....

XXIX.

Мнѣ Неаполь опротивѣлъ,
Опротивѣлъ какъ тюрьма!
Это скалъ на грудѣ груда,
На домахъ еще дома!

Продавцовъ, мальчишекъ крики!
Крики взбалмошныхъ ословъ....
Точно городъ этотъ вѣчно
Занятъ пробой голосовъ!

Нынче жь, кажется, и въ морѣ,
Заглушая все, идутъ
Репетиціи трескучей
Оперетты „Страшный Судъ“.

XXX.

Душно! иль опять сирокко!
И опять заливъ кипитъ,
И дыханіе Сахары
Въ бурыхъ тучахъ вихорь мчитъ!

Въ лицахъ страхъ, недоумѣнье....
Средь безмолвныхъ площадей
Люди ждутъ въ томленьи страстномъ
Грянулъ громъ бы поскорѣй....

Чу! ужь за моремъ онъ грянулъ!
И Сицилія горитъ!
Знамя свѣтлое свободы
Ужь надъ островомъ стоитъ!

Мигъ еще—конецъ тревоги,
Ожиданья и тоски,
И народъ вкругъ Гарибальди
Кинетъ въ воздухъ колпаки!

XXXI.

Говорятъ, со всѣхъ соборовъ
Нынче статуи святыхъ
Собирались въ Санъ-Дженнаро
О дѣлахъ судить своихъ.

Несогласье вышло въ мнѣньяхъ,
Кто храбрился, кто робѣлъ;
Порѣшили напослѣдокъ—
Ожидать исхода дѣлъ.

XXXII.

Блеститъ салонъ княгини Зины,
Но въ шумномъ говорѣ гостей—
Надъ мягкой красною фланелью
Сверкаютъ иглы русскихъ фей.

Но какъ пугливы эти феи!
Отъ бурь войны онѣ бѣгутъ:
Княгини Зины чемоданы
Лишь утра завтрашняго ждутъ!

XXXIII.

Народный вождь вступаетъ въ городъ....
Все ближе онъ.... все громче крикъ....
И вотъ онъ самъ, средь этихъ кликовъ
Отъ счастья тихъ.... о, чудный мигъ!

Къ нему всѣ рвутся какъ на приступъ;
Но вотъ дорвалася одна—
И ужь съ цвѣткомъ изъ рукъ героя
Уходитъ, гордая, она!

О, сколько тамъ, въ странѣ туманозъ,
Средь вѣчныхъ, будничныхъ тревогъ,
Напомнитъ Мери этотъ скромный
Съ трудомъ доставшійся цвѣтокъ—

И загорѣлый ликъ героя,
И пестрыхъ волнъ народныхъ плескъ,
И вкругъ на всемъ съ высотъ лазурныхъ
Луча полуденнаго блескъ!

1859

МОТИВЫ ИЗЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ НЫНѢШНИХЪ ГРЕКОВЪ *

I.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, дитя мое, усни!
Сладкій сонъ къ себѣ мани!
Въ няньки я тебѣ взяла
Вѣтеръ, солнце и орла.

Улетѣлъ орелъ домой;
Солнце скрылось подъ водой;
Вѣтеръ, послѣ трехъ ночей,
Мчится къ матери своей.

---

* „Мотивами изъ народной поэзіи нынѣшнихъ Грековъ" я назвалъ предлагаемый рядъ стихотвореній потому, что было бы не совсѣмъ вѣрно назвать ихъ переводами, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ. Я болѣе старался передать поэтическій характеръ новогреческихъ пѣсенъ, общее впечатлѣніе. жертвуя буквальною точностію; въ выборѣ своемъ руководствовался какою-нибудь поэтическою чертой, имѣющею общее значеніе, напримѣръ старался сохранить эту любовь къ жизни и чувство красоты природы, и именно природы Греціи; поэтому изъ богатаго собранія историческихъ или клефтскихъ пѣсенъ взялъ весьма немногія—да это было бы и лишнее, многія изъ нихъ превосходно переведены Гнѣдичемъ и Бергомъ.

Впрочемъ, нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ здѣсь пѣсенъ переведены мною вѣрнѣе прочихъ; разнятся онѣ съ печатнымъ текстомъ иногда только тѣмъ, что изъ множества мелкихъ варіантовъ разныхъ сборниковъ, я бралъ тѣ черты, которыя мнѣ болѣе нравились, а такихъ варіантовъ приведено

Вѣтра спрашиваетъ мать:
„Гдѣ изволилъ пропадать?
Али звѣзды воевалъ?
Али волны все гонялъ?“

—„Не гонялъ я волнъ морскихъ,
Звѣздъ не трогалъ золотыхъ;
Я дитя оберегалъ,
Колыбелочку качалъ!“

II.

МАТЬ И ДѢТИ. *

„Что̀ ты, мама, безпрестанно
О сестрицѣ все твердишь?
Въ лучшемъ мірѣ наша Зоя—
Ты сама намъ говоришь.“

—„Ахъ, я знаю, въ лучшемъ мірѣ!
Но въ томъ мірѣ нѣтъ луговъ,
Ни цвѣтовъ, ни травъ душистыхъ,
Ни веселыхъ мотылькoвъ.“

чрезвычайно много въ рѣдкомъ у насъ изданіи Томазео: *Canti popolari toscani, greci, corsi, illirici*, къ сожалѣнію, много пострадавшемъ отъ австрійской цензуры. Вѣрнѣе прочихъ переведены у меня №№ I, III, V, IX, X, XI, XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI; въ другихъ сохранены главныя поэтическія черты оригинала—№№ II, IV, VI, VII, VIII, XII; а наконецъ, къ созданію нѣкоторыхъ піесъ мнѣ подали поводъ разсѣянныя тамъ и здѣсь черты, часто два стиха или даже одинъ стихъ какой-нибудь пѣсни—VI и XII.

Не мнѣ судить, передалъ ли я поэзію этихъ пѣсенъ, открывающую свѣтлые архипелажскіе горизонты, поражающую красотой древней греческой антологіи, представляющую чудную смѣсь древне-языческихъ и христіанскихъ элементовъ, между которыми нерѣдко даетъ себя чувствовать и элементъ славянскій: по крайней мѣрѣ только это и соблазнило меня на трудъ.

* Этой пѣсни нѣтъ ни въ одномъ сборникѣ. Я слышалъ ее въ 1858 году на островѣ Милосѣ; къ сожалѣнію, не записалъ, и по памяти передаю теперь ея содержаніе.

—„Мама, мама! Въ Божьемъ небѣ
Божьи ангелы поютъ,
Ходятъ розовыя зо́ри,
Ночи звѣздныя плывутъ.“

—„Но у бѣдной нѣтъ тамъ мамы,
Кто смотрѣлъ бы изъ окна,
Какъ съ цвѣтами, съ мотыльками
Въ полѣ рѣзвится она!...“

III.

ДВУСТИШІЯ.

1.

И терны и розы, улыбки и слезы,
И сѣются разомъ, и вмѣстѣ растутъ!

2.

Тащитъ свой неводъ рыбакъ—рвется изъ невода рыбка.
Дѣва! на волю я рвусь и за тобою иду!

3.

Бѣлая лебедь, проснись! крыльями шумно взмахни!
Чернаго врана, что̀ спитъ подлѣ тебя,—прогони,

4.

Горленка лѣсная! Кто тебя изловитъ?
Въ клѣточку посадитъ и голубить станетъ?

IV.

Я бъ тебя поцѣловала,
Да боюсь, увидитъ мѣсяцъ,
Ясны звѣздочки увидятъ;
Съ неба звѣздочка скатится,

И раскажетъ синю-морю,
Сине-море скажетъ весламъ,
Весла Яни рыболову,
А у Яни—люба Мáра;
А когда узнаетъ Мáра,—
Всѣ узнаютъ въ околоткѣ,
Какъ тебя я ночью лунной
Въ благовонный садъ впускала,
Какъ ласкала, цѣловала,
Какъ серебряная яблонь
Насъ цвѣтами осыпала.

V.

ПОЦѢЛУЙ. *

Между мраморныхъ обломковъ,
Посреди сребристой пыли,
Однорукій клефтикъ тешетъ
Мраморъ нѣжный словно пѣна,
Прибиваемая моремъ.
Мимо дѣвица проходитъ,
Златокудрая что солнце,
Говоритъ: „зачѣмъ одною
Ты работаешь рукою?
Ты куда жь дѣвалъ другую?“

—„Полюбилась мнѣ дѣвица,
Роза первая Стамбула!
Поцѣлуй одинъ горячій,
И—мнѣ руку отрубили!
Въ свѣтѣ есть еще дѣвица,
Златокудрая что солнце....
Поцѣлуй одинъ бы только—
И руби другую руку!“

* Всѣ собиратели полагаютъ, что эта пѣсня сложена гдѣ-нибудь на островахъ Архипелага; Марцеллусъ прямо указывалъ на Паросъ, Мустоксиди—на Корфу.

VI.

Свѣтлый праздникъ будетъ скоро,
И христосоваться къ вамъ
Я приду: смотри же, Дора,
Не одни мы будемъ тамъ!
Будто въ первый разъ, краснѣя,
Поцѣлуемся при всѣхъ,
Ты—очей поднять не смѣя,
Я—удерживая смѣхъ!

VII.

СТАРЫЙ МУЖЪ.

Запѣваютъ пташки на зарѣ,
Золотятся снѣги по горѣ;
Пробудилась молода жена,
Будитъ мужа стараго она.
„Пробудись-проснись, голубчикъ мой!
Полюбуйся молодой женой;
Мой ли станъ, что̀ тонкій кипарисъ,
Что̀ лимоны * груди поднялись....“
Старый мужъ прикинулся, что спитъ,
Самъ не спитъ, а въ полуглядъ глядитъ.
„Эхъ, когда бы прежніе года,
Не будила бы меня млада!
Засыпала бъ поздно ввечеру,
Просыпала бъ долго поутру;
По утрамъ бы я ее будилъ,
Золотыя бъ рѣчи говорилъ;
Притворялась бы она, что спитъ,
Крѣпко спитъ, не слышитъ, не глядитъ.“

---

* Обыкновенно встрѣчаемое въ новогреческихъ пѣсняхъ сравненіе:
....Δυὸ μικρὰ βυζιὰ ἴσια μὲ δὸ λεμόνια.

VIII.

ПѢВЕЦЪ.

Не краеивъ я, знаю самъ;
Въ битвѣ безполезенъ;—
Чѣмъ же женамъ и мужамъ
Милъ я и любезенъ?
Пѣсни, словно гулъ въ струнахъ,
Грудь мнѣ наполняютъ,
Улыбаются въ устахъ
И въ очахъ сіяютъ.

IX.

ОЛИМПЪ И КИССАВЪ. *

Сталъ Киссавъ съ Олимпомъ спорить:
„Ты угрюмъ, стоишь пустынный;
Я жь, смотри, цвѣтущъ и веселъ!“
Отвѣчалъ многовершинный,
Отвѣчалъ Олимпъ Киссаву:
„Не хвались, Киссавъ надменный,
Я—старикъ Олимпъ, и знаютъ
Старика во всей вселенной!

* Это одна изъ самыхъ извѣстныхъ новогреческихъ пѣсенъ. Киссавъ— это древняя Осса. Олимпъ собственно Турки никогда не могли покорить; его было единственное прибѣжище свободы Грековъ; въ его ущельяхъ гнѣздились клефты и вели вѣчную войну съ Турками. Во всѣхъ сборникахъ, однако, она приводится въ другомъ видѣ, какъ и перевели ее: по-нѣмецки Гёте и по-русски Бергъ. Но въ сборникѣ Томазео (*Canti popolari toscani, greci, illirici e corsi, Venezia*) изложена она въ этой редакціи, которая показалась мнѣ гораздо цѣлостнѣе и выдержаннѣе, что̀ и соблазнило меня передать ее по-русски. Томазео весьма основательно догадывается, что таковою она и появилась на свѣтъ, а у Форіеля соединены двѣ отдѣльныя вѣсни въ одну.

У меня ль, подъ синимъ небомъ,
Шестьдесятъ вершинъ сіяютъ;
У меня ли съ лона шумно
Сто ключей живыхъ сбѣгаютъ.
Надо мной орлы кружатся,
Любитъ клефтъ меня воитель,
И боится храбрый Турокъ—
Твой высокій повелитель."

X.

ГОЛОСЪ ИЗЪ МОГИЛЫ. *

Два дня у насъ шелъ пиръ горой, два дня была попойка,
На третій поздно къ вечеру, вина въ мѣхахъ не стало;
Достать еще вина меня послали капитаны;
Пошелъ я въ незнакомый путь — дорогой заплутался,
Шелъ дикими тропинками, шелъ узкими путями;
И узкій путь привелъ меня къ пустынной старой церкви.
Вкругъ церкви было кладбище — все плиты гробовыя;
Одна плита пониже всѣхъ — отъ всѣхъ была въ сторонкѣ;
И я не разглядѣлъ ея, ногой прошелъ по камню.
И слышу будто стонъ глухой и голосъ изъ могилы.
„О чемъ, спросилъ я, вопишь ты, о чемъ, могила, стонешь?
Земля ли тяжела тебѣ иль давитъ черный камень?"
—„Нѣтъ, мнѣ не тяжела земля, не давитъ черный камень,
А стыдно мнѣ, и больно мнѣ, и горько несказанно,
Что ходишь надо мною ты, меня ногою топчешь!...
Аль не былъ тоже молодъ я? аль не былъ паликаромъ?
При мѣсяцѣ не хаживалъ пустынными тропами?
И съ зо́рями росистыми не радовался міру?..."

---

* Размѣръ большей части новогреческихъ пѣсенъ. Послѣдній стихъ этой пѣсни находится только у Томазео.

XI.

ПЛѢННИКЪ.

Сторожатъ меня Албанцы;
Я въ цѣпяхъ, но у окна
Зацвѣтаютъ померанцы:
Добрый знакъ — близка весна!

Дайте ей лишь укрѣпиться,
Обрости густымъ вѣтвямъ,
И тропинкамъ позакрыться
Темной листвой по горамъ, —

Не сдержать менѣ желѣзу!
Изъ темницы я уйду,
Черезъ стѣну перелѣзу,
И въ кустарникъ припаду.

Пусть Албанцы тутъ стрѣляютъ!
Посреди турецкихъ селъ
Скоро матери узнаютъ,
Завопятъ, что Димъ ушелъ!

XII.

ГАДАНІЕ.

Египтянка, какъ царица,
Вся въ червонцахъ, въ жемчугахъ,
Сыплетъ зелья на жаровню
Съ заклинаньемъ на устахъ.

Передъ ней, бѣла какъ мраморъ,
Дѣва юная стоитъ....
Египтянка поблѣднѣла,
Смотритъ въ тьму и говоритъ:

„Вижу дикое поморье;
Слышу стукъ мечей стальныхъ:
Бьется юноша красавецъ,
Бьется противъ семерыхъ.

„Онъ упалъ, они бѣжали....
Къ синю морю онъ ползетъ....
Мимо идутъ бригантины,
Онъ имъ машетъ и зоветъ:

„—Передайте Казандони,
Что идетъ Вели-паша—
Идутъ мимо бригантины,
Не внимая, не спѣша....

„Онъ исходитъ алой кровью,
Холодѣетъ.... лишь одинъ
Томный взоръ слѣдитъ за бѣгомъ
Уходящихъ бригантинъ....

„А надъ нимъ ужь рѣютъ чайки
Все-то ниже и смѣлѣй,
И не сводитъ взгляда воронъ
Съ потухающихъ очей.“

XIII.

ЦАВЕЛИХА.

Съ горъ Али-паша на Сули
Въ нетерпѣньи взоры мечетъ,
А надъ нимъ порхаетъ птичка,
И кружится, и щебечетъ:

„Видно, это не Янина,
Гдѣ шумятъ твои фонтаны;
Видно также не Превеза,
Гдѣ свои ты строишь станы.

„Это Сули, городъ славный!
Нѣтъ ей равнаго на свѣтѣ!
Здѣсь въ рядахъ мужей воюютъ
Жены, дѣвицы и дѣти!

„И съ ружьемъ въ рукѣ выводитъ
Всѣхъ Цавéлиха ихъ въ поле—
На плечахъ съ груднымъ младенцемъ
И съ патронами въ подолѣ!“

XIV.

ПЛАЧЪ ПАРГІОТОВЪ.

„Ты летишь къ намъ, птичка, изъ-за моря,
Разкажи мнѣ, что̀ въ горахъ за грохотъ?
Точно стонъ весь день стоитъ надъ Паргой.
Приступили, что ли, Турки снова?
Загорѣлся, что ли, бой смертельный?“

— „Нѣтъ, не Турки къ Паргѣ приступили,
И не бой смертельный загорѣлся;
Предана невѣрнымъ наша Парга!
Паргу срыть велѣли христіане,
Христіанскихъ царствъ цари-владыки!
Паргіотовъ съ родины погонятъ,
Какъ быковъ погонятъ, какъ барановъ!
И пойдутъ они въ чужую землю!
И отцовъ своихъ гроба покинутъ,
На позоръ покинутъ Божьи храмы!...
Вьючатъ муловъ, раззоряютъ домы....
Жены косы рвутъ въ печали лютой,

Старики рыдаютъ злымъ рыданьемъ;
По церквамъ попы съ великимъ плачемъ
Забираютъ утварь и иконы....
Видишь пламя: дымъ поднялся черный;
Раскрывали гробы, кости взяли,
Кости жгутъ, святыя кости храбрыхъ,
Что̀ когда-то сами жгли визирей!
Дѣти жгутъ отцовъ и дѣдовъ кости,
Чтобъ рукамъ невѣрнымъ не достались!
Слышишь—стонъ сильнѣй пошелъ и выше?
Голоса подымутся и стихнутъ....
Разстаются, камни обнимаютъ,
Уходя, ѣдятъ родную землю!...“

XV.

ДЕСПО.

Сули пала, Кьяфа пала,
Всюду флагъ турецкій вьется....
Только Деспо въ черной башнѣ
Заперлась и не сдается.

„Положи оружье, Деспо!
Вамъ ли спорить, глупымъ женамъ?
Выходи къ пашѣ рабою,
Выходи къ нему съ поклономъ!“

— „Не была рабою Деспо,
И не будетъ вамъ рабою!“—
И, схвативъ зажженный факелъ:—
„Дѣти, крикнула, за мною!“

Факелъ брошенъ въ темный погребъ....
Дрогнулъ долъ, ударъ раздался—
И на мѣстѣ черной башни
Дымный столбъ заколебался.

XVI.

ЗАВѢЩАНІЕ.

„Собирайтесь, паликары!
Умираетъ капитанъ!
Умираетъ онъ отъ честныхъ,
Отъ святыхъ турецкихъ ранъ!
Умереть, друзья, не страшно,
Да могила мнѣ страшна....
Темно, тѣсно.... Одинокій
Въ ней лежи и спи безъ сна!
Съѣстъ земля и фесъ, и долманъ,
Мечъ, не ржавѣвшій въ крови,
И усы мои, и брови,
Брови черныя мои....

„Нѣтъ, меня не зарывайте,
Братцы, въ землю! На горѣ
Вы меня поставьте стоймя
Во гробу, лицомъ къ зарѣ.
Въ гробѣ окна прорубите,
Чтобъ мнѣ вѣяло весной,
Чтобы ласточки, кружася,
Щебетали надо мной!
Чтобъ изъ гроба я далеко
Могъ бы Турковъ различать,
Чтобъ направо и налѣво
Могъ имъ пулю посылать.“

XVII.

ЧУЖБИНА.

Умереть не дай Богъ на чужбинѣ!
Видѣлъ я, какъ пришлыхъ тамъ хоронятъ!

Безъ попа, безъ свѣчъ и безъ кадила,
Не помазавъ муромъ, не отпѣвши,
Гдѣ пришлось, зароютъ какъ собаку!
Какъ пахать потомъ пріѣдутъ землю,
Съ горъ пригонятъ двухъ воловъ рогатыхъ,
Въ плугъ впрягутъ, и молодецъ удалый
Понуждать въ бока начнетъ ихъ саблей,
И по первой бороздѣ глубокой
Изъ земли да выкинетъ онъ ноги,
По другой—красавца паликара....
Завопитъ, завоетъ бѣдный пахарь:
„Будь такой да у меня товарищъ,
Я бы съѣсть землѣ его такъ не далъ!
Я пошелъ бы къ морю, къ синю-морю,
На широкое бъ пошелъ поморье;
Я бъ нарѣзалъ тростнику морскаго,
Смастерилъ бы гробъ ему просторный,
Я бъ въ гробу постлалъ ему постелю,
Всю бъ цвѣтами, ландышами выстлалъ,
Всю бы выстлалъ свѣжимъ амарантомъ!“ *

XVIII.

БОРЬБА СО СМЕРТЬЮ. **

Удалецъ съ горы сбѣгалъ на долину,
Феска на бокъ, волосы кудрями.
Смерть за нимъ съ вершины примѣчала,
И въ обходъ пустилась, и въ ущельѣ

---

* Обращикъ миріологовъ, то есть причитаній, которыхъ такъ много въ новогреческихъ пѣсняхъ. Въ приведенномъ здѣсь вѣетъ какъ будто античный духъ. несмотря на всю странность первой половины піесы.

** Понятія Грековъ о смерти представляютъ странную смѣсь древнихъ и средневѣковыхъ понятій. Смерть называется Харономъ, но она—скелетъ средневѣковой; адъ—древній тартаръ и элизіумъ, гдѣ заключенныя тѣни мечтаютъ о живомъ мірѣ; тамъ скачетъ смерть на конѣ: туда залетаютъ птицы —древность и средніе вѣка. Духовно-христіанское начало, очевидно, не восторжествовало надъ пластическими представленіями Грековъ.

Вдругъ ему дорогу заступила.
„Ты куда, красавецъ, и откуда?“
— „Я изъ стана, пробираюсь къ дому.“
— „За какимъ торопишься ты дѣломъ?“
— „Захватить хочу вина и хлѣба,
И тотчасъ назадъ вернуся въ горы.“
—„Не захватишь ни вина, ни хлѣба,
И назадъ ты въ горы не вернешься.
Я тебя давненько поджидаю.“
Усмѣхнулся молодецъ удалый,
Оглядѣлъ онъ Смерть, встряхнулъ кудрями:
— „Я, сказалъ, отдамся только съ бою.
Если хочешь, попытаемъ силы:
Сломишь ты—бери мою ты душу,
Я сломлю—сама ты мнѣ послужишь.“
— „По рукамъ“, костлявая сказала.
По рукамъ ударили. Схватились.
Бились два дня, бились двѣ ночи;
Всю траву ногами притоптали;
На колѣно гнули и съ отмаху
Смерть давно бока ему ссадила;
У нея самой трещали кости,
А какъ хватитъ онъ на третье утро,
На ногахъ насилу устояла.
Да за то ужь вдругъ разсвирѣпѣла
И какъ схватитъ молодца за кудри,
Какъ рванетъ—и грянулся онъ о́-земь,
Словно дубъ, поваленный грозою.
Смерть тотчасъ на грудь къ нему вскочила,
Принялась душить его подъ горло.
— „Ты ужь больно давишь, простоналъ онъ:
Кончимъ шутку, мнѣ пора быть дома,
Стричь овецъ, сыры изъ кадей вынуть.“
Смерть глядитъ въ глаза ему и давитъ.
— „Дай ты мнѣ еще хоть двое сутокъ
Погулять на вольномъ бѣломъ свѣтѣ;
Попрощаюсь только со своими
И потомъ приду куда укажешь.“
Смерть глядитъ въ глаза и пуще давитъ.
— „У меня жена есть молодая!

Какъ одна останется, голубка!
Весела всегда была, какъ пташка.... *
У меня сынокъ есть—чуть лепечетъ,
Есть другой—чуть-чуть смѣяться началъ....
Отпусти хоть ради ихъ, сиротокъ!"
Налегаетъ Смерть ужь всею силой.
— „Объ душѣ хоть дай подумать грѣшной!"
Прохрипѣлъ онъ и замолкъ на вѣки.
Съ тѣмъ она его и доконала.

XIX.

АДЪ.

Изъ подземнаго изъ ада
Съ шумомъ вылетѣла птичка;
И какъ вылетѣла, сѣла
На траву и еле дышетъ.
Видятъ матери и сестры,
Видятъ вдовы и сироты,
Сладкій мускусъ ей приносятъ,
Амарантъ и бѣлый сахаръ.
„Освѣжися, пей и кушай,
Уговариваютъ птичку,
Разкажи намъ, что въ подземномъ,
Темномъ царствѣ ты видала?"
— „Что сказать мнѣ вамъ, бѣдняжки!"
Вздрогнувъ вымолвила птичка;
„Смерть я видѣла, какъ скачетъ

* Въ подлинникѣ о женѣ онъ выражается такъ:
„У меня жена есть молодая!
Какъ одна останется вдовой?
Засмѣютъ ее, засудятъ люди:
Скоро ль выйдетъ—скажутъ мужа хочетъ,
Тихо ль выйдетъ—скажутъ мужа ищетъ."
То-есть на людей не угодишь, идешь ли тихо, идешь ли скоро, все истолкуютъ какъ-нибудь обидно.

На конѣ въ подземномъ царствѣ;
Юныхъ за волосы тащитъ,
Старыхъ за руки волочитъ,
А младенцевъ нанизала
Вкругъ, за горлышко, на поясъ."

XX.

„Приволье на горахъ родныхъ—приволье въ темныхъ долахъ,
Бѣлѣютъ лѣтомъ овцы тамъ, зимой снѣга бѣлѣютъ,
Тамъ свѣтитъ солнце красное, тамъ смерти не боятся!"
Такъ въ тартарѣ три молодца о свѣтѣ тосковали,
Рѣшились хоть на мигъ уйдти—на свѣтъ взглянуть украдкой.
Одинъ рѣшилъ—къ веснѣ пойдемъ, другой—ужь лучше къ лѣту,
А третій—лучше къ осени, къ сбиранью винограда!
Услышала ихъ дѣвица, и дрогнуло въ ней сердце:
Скрестила руки, просится она изъ ада съ ними.
„Меня возьмите, молодцы, на бѣлый свѣтъ съ собою!"
—„Нельзя, нельзя, красавица, намъ взять тебя съ собою!
Ты ходишь—башмаки стучатъ, бряцаютъ ожерелья,
Ты платья легкимъ шелестомъ, пожалуй, Смерть встревожишь!"
—„Я платье подвяжу себѣ, я сброшу ожерелье,
По лѣстницѣ тихохонько пойду босая съ вами!
Еще разъ, братцы, хочется взглянуть на свѣтъ мнѣ бѣлый,
Взглянуть, какъ плачетъ матушка, по дочкѣ убиваясь;
Взглянуть, какъ братцы-сродники тоскуютъ по сестрицѣ!"
—„Ахъ, дѣвица-красавица! объ милыхъ не крушися!
Твои всѣ братцы-сродники ужь пляшутъ въ хороводѣ,
А матушка на улицѣ съ сосѣдками судачитъ!"

XXI.

Въ темномъ адѣ, подъ землею,
Тѣни грѣшныя томятся;
Стонутъ дѣвы, плачутъ жены,
И тоскуютъ, и крушатся....

Все о томъ, что не доходятъ
Вѣсти въ адскіе предѣлы—
Есть ли небо голубое?
Есть ли свѣтъ еще нашъ бѣлый?
И на свѣтѣ—церкви Божьи,
И иконы золотыя,
И какъ прежде, за станками,
Ткутъ ли дѣвы молодыя?

XXII.

Опустѣли наши села;
Не видать богатырей!
Не палятъ, не мечутъ камней,
Даже свадьбы—безъ гостей!

Всѣ ушли, у всѣхъ забота—
Крѣпость вывели въ горахъ;
Башни, стѣны—изъ порфира,
Мѣдь литая—въ воротахъ.

По стѣнамъ ужь ставятъ пушки,
Подымаютъ знамена....
И приходитъ Смерть подъ крѣпость,
Безоружна и одна.

И глядитъ: „Здорово, дѣтки!“
—„Здравствуй, Смерть! куда бредешь?“
—„Да Господь послалъ за вами.“
—„Что̀ жь? твои—коли возьмешь!“.

И со стѣнъ на Смерть смѣются:
„Есть ли лѣстница съ тобой?“
Не полѣзла Смерть на стѣны,
Только тронула ногой:

Гулъ раздался подъ землею,
Туча гору облегла....
И чрезъ мигъ—одна стояла
Обожженная скала.

XXIII.

Птички-ласточки летите
Къ прежней любушкѣ моей;
Не ждала бъ она, скажите,
Мила друга изъ гостей.

Во чужой землѣ сгубила
Зла-волшебница меня;
И меня приворожила,
И испортила коня.

Я коня ли осѣдлаю—
Разсѣдлается онъ самъ;
Безъ сѣдла ли выѣзжаю—
Громъ и буря въ встрѣчу намъ!

У нея слова такія:
Скажетъ—рѣки не текутъ!
Съ неба звѣзды золотыя
Словно яблочки спадутъ!

Глянетъ въ очи—словно хлынетъ
Въ сердце свѣтъ съ ея лица;
Улыбнется—словно кинетъ
Алой розой въ молодца!

XXIV.

Сорокъ клефтовъ на зимовки
Возвращалися домой.
Малый наняли корабликъ,—
Да похвастали казной.

Корабельщикъ—плутъ-Албанецъ!
Къ островку онъ пристаетъ.
„Погуляйте-ка тутъ, братцы,
Переждемъ, гроза идетъ!“

И на островъ вышли клефты—
(Онъ былъ малъ, и дикъ, и голъ),
А межъ тѣмъ поставилъ парусъ
Корабельщикъ—и ушелъ.

Черезъ сорокъ дней приходитъ
За добычею своей;
Только двое шевелятся
Межъ разбросанныхъ костей;

Живъ былъ Яни,—весь искусанъ,—
И Георгій чуть дышалъ;
У него жь голодный Яни
Ноги тощія глодалъ.

XXV.

Показалась звѣзда на востокѣ,
Золотая звѣзда показалась.
Не звѣзда то была золотая,
То былъ ангелъ съ златыми крылами,
Возвѣщалъ онъ въ услышанье людямъ:
„Щеголяйте, пока еще время!
Въ многоцвѣтныя платья рядитесь!
Злато-серебро сыпьте, кидайте!
Красныхъ дѣвъ ко груди прижимайте!
Наступаетъ послѣднее время:
Похвалилася Смерть въ преисподней,
Огородъ городить собралася;
Что въ своемъ ли она огородѣ
Не деревъ-кипарисовъ насадитъ,
А лихихъ молодцовъ-паликаровъ;

И не розановъ вкругъ ихъ душистыхъ,—
А румяныхъ дѣвицъ, бѣлогрудыхъ;
Не гвоздикъ, не анютины глазки,
А малютокъ въ куртинахъ посадитъ;
И натычетъ вокругъ огорода—
Стариковъ и старухъ частоколомъ."

XXVI.

Тихо море голубое!
Еслибъ вихрь не налеталъ—
Не шумѣло бъ, не кидало бъ
Въ берега за валомъ валъ!

Тихо бъ грудь моя дышала,
Еслибъ вдругъ, въ душѣ моей,
Образъ твой не проносился
Вихря буйнаго быстрѣй!

IV.

ЛЮЦІЙ

ЛИРИЧЕСКАЯ ДРАМА

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЛЮЦІЙ

ЛИРИЧЕСКАЯ ДРАМА

(Посвящается Николаю Аполлоновичу Майкову.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Поэтъ Луканъ, философъ Сенека и эпикуреецъ Люцій приговорены Нерономъ къ казни, по поводу Пизонова заговора.

Комната въ античномъ вкусѣ; посрединѣ столъ съ яствами; около него ложа. ЛЮЦІЙ, эпикуреецъ, одинъ, какъ слѣдуетъ, возлежитъ за обѣдомъ. СЕНЕКА пишетъ завѣщаніе. ЛУКАНЪ въ глубокой задумчивости. Въ углубленіи сцены группа друзей и учениковъ Сенеки.

ЛЮЦІЙ *(омывъ послѣ ѣды руки водою, въ чашкѣ, поданной рабомъ, говоритъ).*

Мудрецъ отличенъ отъ глупца
Тѣмъ, что онъ мыслитъ до конца.
И вотъ — я долго наблюдаю,
И нахожу, что смерть разитъ
Всего скорѣе аппетитъ.

Я цѣлый часъ жую, глотаю,
Но все безъ вкуса—и не сытъ!...
Вина попробуемъ! быть-можетъ,
Живая Вакхова струя
Желудокъ дремлющій встревожитъ....
Ну, кто же пьетъ со мной, друзья?
Луканъ!... да ты какъ въ лихорадкѣ!
Въ Сенекѣ строгій стоицизмъ
Давно разрушилъ организмъ!
И если вы въ такомъ упадкѣ—
Не мудрено, что въ этотъ часъ
Мой здравый разумъ бѣситъ васъ!

ЛУКАНЪ.

Въ часъ смерти шутки неприличны!

ЛЮЦІЙ.

Но лучше умереть шутя,
Чѣмъ плакать, рваться, какъ дитя,
Безъ пользы!

ЛУКАНЪ.

Мнѣнія различны!
Кто жизнь обжорству посвятилъ,
Тотъ потеряетъ съ ней немного!

ЛЮЦІЙ.

Э, милый! не суди такъ строго!
Я, признаюсь, еще бъ пожилъ,
И не охотно умираю....
Но, чтобы съ честью этотъ шагъ
Свершить—въ твоихъ, мой другъ, стихахъ
Себѣ отваги почерпаю.
„Посланье къ смерти“ помнишь ты?

Въ немъ есть высокія черты!
Съ скелета смерти снялъ ты смѣло
Земной фантазіи цвѣты....
Ты помнишь:

(Декламируетъ.)

„Друзья! намъ смерть страшна лишь тѣмъ,
Все кажется, что не совсѣмъ,
Не разомъ мы умремъ,

„Что будемъ видѣть мы свой трупъ,
Улыбку неподвижныхъ губъ,
Глаза съ тупымъ зрачкомъ;

„А мухи, стаей по лицу,
Безъ уваженья къ мертвецу,
И по́ лбу поползутъ;

„И съ содроганьемъ отъ тебя
Родные, близкіе, друзья
Въ испугѣ отойдутъ....“

ЛУКАНЪ.

Ужасный образъ! какъ я могъ!...

ЛЮЦІЙ.

Позволь! въ концѣ—благой урокъ.

(Читаетъ далѣе.)

„Что даже изъ земли сырой
За рѣзвой жизнію земной
Слѣдить твой будетъ слухъ;

„И между тѣмъ, какъ надъ тобой
Весна покровъ разстелетъ свой,
И запестрѣетъ лугъ,—

„Червь на тебя ужь нападетъ
И жадно ѣсть тебя начнетъ
И щеки, и бока....“

ЛУКАНЪ (*перебивая его*).

Да перестань!

ЛЮЦІЙ (*продолжаетъ*).

„И будешь вѣчно рваться ты
На свѣтъ изъ душной темноты —
Да крышка-то крѣпка!

„Но, смертный, знай! твой тщетенъ страхъ!
Вѣдь на своихъ похоронахъ
Не будешь зритель ты!

„Вѣдь, вмѣстѣ съ дружеской толпой,
Не будешь плакать надъ собой
И класть на гробъ цвѣты;

„По смерти сталъ ты внѣ тревогъ;
Ты сталъ загадкою, какъ богъ,
И вдругъ душа твоя,

„Какъ радость встрѣтила покой,
Какого въ жизни нѣтъ земной —
Покой небытія!“

Вѣдь превосходно! Эпиктетомъ
Проникнутъ живо каждый стихъ!
Прошу покорно — вѣрь поэтамъ!
Мечты и вѣрованья ихъ
Подвижнѣй тучекъ золотыхъ!...
Вы всѣ на колоколъ похожи,
Въ который можетъ зазвонить.
На площади любой прохожій!
То смерть зоветъ, то хочетъ жить,
То снова къ жизни равнодушенъ....
Задача, право, васъ понять!...

ЛУКАНЪ.

Что жь этимъ хочешь ты сказать?
Что вѣтренъ я и малодушенъ?...

СЕНЕКА *(переставая писать, удерживаетъ Лукана).*

Оставьте споръ! прилично ль вамъ
Безумнымъ посвящать рѣчамъ
Свои послѣднія мгновенья!
Смерть—шагъ великій! *(Къ Люцію.)* Вѣрь, мой другъ,
Есть смыслъ въ Платоновомъ ученьѣ —
Что это мигъ перерожденья.
Пусть здѣсь убьетъ меня недугъ —
Но, какъ мерцаніе авроры,
Какъ лилій чистый ѳиміамъ,
Какъ лиръ торжественные хоры,
Иная жизнь насъ встрѣтитъ — тамъ!
Въ душѣ, за симъ земнымъ предѣломъ,
Проснутся, выглянутъ на свѣтъ
Иныя чувства, роемъ цѣлымъ,
Которымъ óргана здѣсь нѣтъ.
Мы — боги, скованные тѣломъ,
И въ этотъ дивный переломъ,
Когда я покидаю землю,
Я прежній образъ свой пріемлю,
Вступая въ небо — божествомъ!

ЛЮЦІЙ.

Я спорить не хочу, Сенека!
Но отчего такъ созданъ свѣтъ,
Что гдѣ хоть два есть человѣка —
И два есть взгляда на предметъ?
Твое, какъ молотъ, сильно слово —
Но убѣждаюсь я въ иномъ....
Существованія другаго
Не постигаю я умомъ!
Взгляни на лавры вѣковые —
Ихъ листья, каждый въ свой чередъ,

Перемѣняются что годъ —
Одни спадутъ, взойдутъ другіе,
А лавръ все зеленъ, вѣчно свѣжъ,
И листья будто вѣчно тѣ жь....
Вотъ такъ и мы — Луканъ, Сенека,
Слуга покорный вашъ — умретъ....
Отпадшій листъ! но заживетъ,
Какъ прежде, племя человѣка!
Иной появится пѣвецъ,
Другіе будутъ жить и вздорить,
Страдать, любить, о томъ же спорить,
О чемъ и мы съ тобой, мудрецъ!...
Но пусть по смерти жить мы будемъ!
(Тебѣ готовъ я уступить!)
А все себя мы не принудимъ
Безъ сожалѣнья кончить жить.
Намъ непріятна перемѣна.
Вотъ что̀ мнѣ кто-то говорилъ:
На островѣ какомъ-то жилъ
Философъ секты Діогена.
Онъ въ бѣдномъ рубищѣ ходилъ,
Спалъ гдѣ пришлось прилечь къ сараю,
Босой, съ клюкой, нужда кругомъ....
Какимъ ужь случаемъ, не знаю,
Всему вдругъ вздумалося краю
Его избрать своимъ царемъ.
Что̀ жь? царскій пурпуръ надѣвая,
И тряпки ветхія скидая,
Объ нихъ вздохнулъ онъ тяжело,
И пожалѣлъ удѣлъ убогій,
Сказавъ: вѣдь было же тепло
Подъ сей циническою тогой!
Не то же ль съ жизнію земной?
Достигши вѣчнаго предѣла,

Жалѣешь бросить это тѣло —
Покровъ убогій и худой!
Ты говоришь, что мы одною
Съ богами жизнью заживемъ?
Да лучше ль намъ? Ну, какъ порою,
Смотря какъ мы свой вѣкъ ведемъ,
Богини съ грозными богами,
Какъ волки, щелкаютъ зубами!
Смотря какъ смертный ѣстъ и пьетъ,
И съ смертной тѣшится любезной,
Они, быть-можетъ, безполезно
Крѣпясь, облизываютъ ротъ!
Что̀ мнѣ въ ихъ жизни безъ волненій?
Мірами что ли управлять?
Въ нихъ декораціи мѣнять,
И, вмѣсто всякихъ развлеченій,
Людьми какъ шашками играть,
И какъ актерами плохими,
Отнюдь не увлекаться ими,
Ни скучной пьесой!... Нѣтъ! Клянусь,
Я въ боги вовсе не гожусь....

ЛУКАНЪ.

Нѣтъ! не страшатъ меня загадки
Того, что̀ будетъ впереди!
Жаль бросить славныхъ дѣлъ начатки,
И все, что̀ билося въ груди,
Что было мнѣ всего дороже,
Чему всю жизнь я посвятилъ!
Мнѣ страшно думать — для чего же
Во мнѣ кипѣло столько силъ?
Зачѣмъ же сила эта крѣпла,
Росла, стремилась къ торжествамъ?
Титанъ, грозившій небесамъ,

Ужели станетъ горстью пепла!
Не можетъ быть! гдѣ жь смыслъ въ богахъ?
Гдѣ высшій разумъ? Провидѣнье?
Вдругъ человѣка взять въ лѣсахъ,
Возвысить въ мірѣ, дать значенье,
И вдругъ — разбить безъ сожалѣнья,
Какъ форму глиняную въ прахъ!...
Ужели съ даромъ пѣсенъ лира
Была случайно мнѣ дана?
Нѣтъ! въ ней была заключена
Одна изъ силъ разумныхъ міра!
Народовъ мысли — образъ дать,
Ихъ чувству — слово громовое,
Вселенной душу обнимать
И говорить за все живое —
Вотъ мой удѣлъ! вотъ власть моя!
Когда для правды безпріютной,
Въ сердцахъ людей мелькавшей смутно,
Скую изъ слова образъ я,
И тутъ враговъ слѣпая стая
Его подхватитъ, злясь и лая,
Какъ псы обглоданную кость,—
Все, что̀ отвергнуто толпою,
Все веселилося со мною,
Смотря на жалкую ихъ злость!...
А злоба мрачныхъ изувѣровъ,
Ханжей, фигляровъ, лицемѣровъ,
Съ которыхъ маски я сбивалъ?
Дитя — ихъ мучилъ и пугалъ!
Столповъ отечества заставить
Я могъ капризамъ льстить моимъ —
Тѣмъ, что я ихъ стихомъ однимъ
Могъ вознести иль обезславить!
Съ Нерономъ спорить я дерзалъ —

А кто же спорить могъ съ Нерономъ!
Онъ ногти грызъ, онъ двигалъ трономъ,
Когда я вслѣдъ за нимъ читалъ,
И въ залѣ шепотъ пробѣгалъ....
Что̀ жь? не былъ я его сильнѣе,
Когда, не властвуя собой,
Онъ опрокинулъ тронъ ногой
И вышелъ — полотна бѣлѣе?
Вотъ жизнь моя! и что̀ жь? ужель
Вдругъ умереть? и это — цѣль
Трудовъ, великихъ начинаній!...
Побѣдный лавръ! вѣнецъ желаній!...
О, боги! нѣтъ! не можетъ быть!
Нѣтъ! жить, я чувствую, я буду!
Хоть чудомъ — о, я вѣрю чуду!
Но долженъ я и — буду жить!

(*Входитъ центуріонъ, со свиткомъ въ рукѣ.*)

ЛЮЦІЙ (*указывая на центуріона*).

Вотъ и спаситель! Ну! покуда
Тутъ нѣтъ еще большаго чуда.

(*Къ центуріону.*)

Какія новости?

ЦЕНТУРІОНЪ (*подавая ему свитокъ*).

Декретъ
Сената.

ЛЮЦІЙ.

Други! шлетъ привѣтъ
Сенатъ къ намъ! уваженье къ власти!

ЛУКАНЪ.

Читай!

ЛЮЦІЙ.

Стой! кто рѣшитъ впередъ —
Жизнь или смерть? закладъ идетъ?

ЛУКАНЪ.

Я бъ разорвалъ тебя на части
За эти шутки!

(Вырываетъ свитокъ и читаетъ декретъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что Цезарь, въ неизреченной милости своей, избавляетъ ихъ отъ позорной казни, даруетъ имъ право выбрать родъ смерти и самимъ лишить себя жизни; сроку до полуночи. Центуріонъ обязанъ наблюсти за исполненіемъ декрета, и о послѣдующемъ донести.)

ЛЮЦІЙ.

Не дуренъ слогъ. Писать умѣютъ.

ЛУКАНЪ.

Злодѣи! изверги!

ЛЮЦІЙ.

Притомъ
Приличье тонко разумѣютъ —
Что одолжаться палачомъ
Неблагородно человѣку.... *(Къ Центуріону.)*
Но что̀ ты смотришь на Сенеку?

ЛУКАНЪ.

Ты тронутъ! ты потупилъ взглядъ!
Въ твоемъ лицѣ слѣды смущенья!
О, вѣрь мнѣ, то боговъ внушенье!
Спаси намъ жизнь! благословятъ
Тебя народы! Предъ тобою
Мудрецъ съ маститой сѣдиною —
Онъ чистъ какъ дѣва, какъ Сократъ!

ЦЕНТУРІОНЪ.

Мой долгъ....

ЛУКАНЪ.

Твой долгъ! а жить безъ славы!
Для дикой прихоти губя
Людей, отечество, себя,
Прожить слѣпцомъ въ грязи кровавой!
О, если долгъ въ твоей груди
Не все убилъ, то — отведи
Меня въ Сенатъ! Какъ съ поля битвы
Предъ смертью ратнику, сказать
Дай мнѣ послѣднія молитвы!
Дай мнѣ предъ смертью завѣщать
Безъ лжи, передъ лицомъ вселенной,
Все, что̀ привыкъ я неизмѣнной,
Святою истиной считать!

(*Центуріонъ, не обращая вниманія на Лукана, удаляется въ глубину комнаты. Луканъ продолжаетъ въ сильномъ волненіи.*)

Я имъ скажу — въ нихъ чести нѣтъ!
Въ нихъ умъ какой-то мглой одѣтъ!
Для нихъ отечество и слава —
Рѣчей напыщенныхъ приправа!
Величіе народа въ томъ,
Что̀ носитъ въ сердцѣ онъ своемъ;
Убивъ въ немъ доблести величье,
Заставивъ въ играхъ и пирахъ
Забыть добра и зла различье,
Въ сердца вселяя только страхъ,
Отъ правды казнью ограждаясь,
И предъ рабами величаясь,
Они мечтаютъ навсегда
Избѣгнуть кары и суда....

Я имъ скажу — готовятъ сами
Свой приговоръ себѣ они,
Что упоенные льстецами
И мысля въ мірѣ жить одни,
Себѣ статуи воздвигаютъ
Какъ божества на площадяхъ....
Но вѣкъ ихъ минетъ: разломаютъ,
Съ проклятіемъ растопчутъ въ прахъ
Отцовъ статуи ихъ же дѣти!
Дѣтей проклятій рядъ столѣтій
Не сниметъ съ головы отцовъ....

СЕНЕКА.

Луканъ! оставь, оставь слѣпцовъ!

ЛЮЦІЙ.

Пришла жь охота на циклоповъ,
На двуутробокъ и сорокъ
Взглянуть предъ смертью! взять урокъ
У нихъ дилеммъ, фигуръ и троповъ!

ЛУКАНЪ.

Но какъ безъ боя все отдать!...
Хотя бъ къ народу мнѣ воззвать!
Пѣвецъ у Рима умираетъ!
Сенека гибнетъ! и народъ
Молчитъ!... Но нѣтъ, народъ не знаетъ!
Народу милъ и дорогъ тотъ,
Кто спать въ немъ мысли не даетъ!

ЛЮЦІЙ.

Да, милъ, какъ бабочка ночная,
Покуда крыльевъ не ожжетъ,
Черезъ огонь перелетая....
Народъ твой первый же потомъ
И назоветъ тебя глупцомъ.

ЛУКАНЪ (*закрывъ лицо руками*).

Но Цезарь!... мы вѣдь съ нимъ когда-то
Росли, играли, какъ два брата!
Онъ вспомнитъ время дѣтскихъ игръ,
И приговоръ свой остановитъ....
Въ немъ сердце есть.... вѣдь онъ не тигръ....
Римъ часто нò-пусту злословитъ....
Чтò я ему? Мои мечты
Да пѣсни—всѣ мои заботы!...

ЛЮЦІЙ.

Мой бѣдный мальчикъ, съ жизнью счеты
Еще не кончилъ видно ты!

(*Одинъ изъ учениковъ Сенеки входитъ въ комнату. Съ нимъ рабъ. Онъ говоритъ шепотомъ.*)

УЧЕНИКЪ

Друзья, — чуръ тише — я съ надеждой!

ЛУКАНЪ.

Прощенье?...

УЧЕНИКЪ.

Въ домѣ выходъ есть;
Со мной двѣ женскія одежды.
Пробраться къ Тибру, въ лодку сѣсть,
И въ Остію! бѣги съ Луканомъ,
А я останусь здѣсь съ рабомъ.
Луканъ съ нимъ сходенъ видомъ, станомъ,
Я сѣдъ, гляжу ужь старикомъ....
Бѣгите! время есть до срока,
И вы ужь будете далеко,
Какъ насъ найдутъ здѣсь по утру.

ЛУКАНЪ.

Я говорилъ, что не умру!

СЕНЕКА.

Бѣги, Луканъ! Мнѣ съ сѣдиною
Нейдетъ ужь бѣгать отъ враговъ.

ЛЮЦІЙ.

А жаль! я бъ посмотрѣлъ, каковъ
Ты въ юбкѣ!...

УЧЕНИКЪ.

Гибель предъ тобою!
Смерть въ каждомъ домѣ! Цѣлый Римъ —
Какъ циркъ. Людей травятъ звѣрями.
Постумъ убитъ рабомъ своимъ;
Пизонъ вскрылъ жилы. Подъ досками
Раздавленъ Кай. Чего жь вамъ ждать?

СЕНЕКА.

Мой другъ, не дважды умирать!
Разъ — это праздникъ!

УЧЕНИКЪ.

Но съ тобою
Погибнетъ все! ты много намъ
Не досказалъ!

СЕНЕКА.

Найдешь и самъ
Все, что̀ осталося за мною, —
Лишь мысли, истину любя.

ЛУКАНЪ.

Учитель! я молю тебя!

УЧЕНИКЪ.

Вѣдь ты послѣдняя лампада
Во мракѣ лжи!

СЕНЕКА.

Оставь меня.
Ни просьбъ, ни лести мнѣ не надо.
Вѣрь, каждый шагъ свой — знаю я!

УЧЕНИКЪ.

Я это зналъ.... я зналъ тебя!
О, горе! что̀ же будетъ съ нами!...
Жить въ мракѣ, плача и скорбя,
Что свѣтъ мелькнулъ передъ глазами —
И скрылся!... Ты душой высокъ!
Ты недоступенъ намъ, Сенека!
Ахъ! правда! въ сердцѣ человѣка
Есть нѣчто высшее, есть богъ!...
Сейчасъ я видѣлъ — и смущеньемъ
Я пораженъ какъ мальчикъ былъ....
Я черезъ форумъ проходилъ.
Съ какимъ-то дикимъ изумленьемъ
Народъ носилки окружилъ,
Въ носилкахъ трупъ Эпихариды....
(Подъ видомъ праздниковъ Киприды
Пизонъ друзей сбиралъ къ ней въ домъ.)
Вчера она, подъ колесомъ,
Въ жестокихъ мукахъ, не винилась,
И никого не предала!...
Трещали кости, кровь текла....
Въ носилкахъ петлю изловчилась
Связать платкомъ — и удавилась.
Воскликнулъ самъ центуріонъ:
„Въ рабынь вселился духъ Катоновъ!“
А Римъ? Сенатъ? весь обращенъ
Иль въ палачей, или въ шпіоновъ!

ЛУКАНЪ.

Эпихарида!

УЧЕНИКЪ.

Да, она —
Душа безумныхъ сатурналій!

ЛУКАНЪ.

И ты хотѣлъ, чтобъ мы бѣжали!

ЛЮЦІЙ.

Бываютъ точно времена
Совсѣмъ особеннаго свойства.
Себя не трудно умертвить,
Но жизнь понявъ, остаться жить —
Клянусь, не малое геройство!

ЛУКАНЪ.

И смерть въ рукахъ ея была
Для цѣлой половины Рима —
И никого не предала!
А жить бы въ золотѣ могла,
На площадяхъ боготворима
Въ мѣди бъ и въ мраморѣ была,
Какъ мать отечества!... О, боги!
Сенека! и взглянуть стыжусь
На образъ твой, какъ совѣсть строгій!
Да развѣ могъ я жить, какъ трусъ?
Нѣтъ, нѣтъ! Клянусь, меня не станутъ
Геройствомъ женщинъ попрекать!
Послѣднихъ Римлянъ въ насъ помянутъ!
Ну, Римъ! тебѣ волчица — мать
Была! Я вѣрю.... въ сказкѣ древней
Есть правда.... Ликторъ! я готовъ....
Я здѣсь чужой въ гнилой харчевнѣ
Убійцъ наемныхъ и воровъ....
Смерть тяжела лишь для рабовъ!
Намъ — въ ней тріумфъ.

(Обнимаетъ Сенеку и друзей, и говоритъ, поднявъ глаза къ небу.)

О, боги! боги!
Вы обнажили предо мной
Видѣнья древности сѣдой

И Олимпійскіе чертоги —
Затѣмъ, чтобъ стихъ могучій мой
Ихъ смертнымъ былъ провозвѣщатель!...
Теперь стою я, какъ ваятель
Въ своей великой мастерской.
Передо мной — какъ исполины
Недовершенныя мечты!
Какъ мраморъ, ждутъ онѣ единой
Для жизни творческой черты!
Простите жь, пышныя мечтанья!
Осуществить я васъ не могъ!...
О, умираю я, какъ богъ
Средь начатаго мірозданья!

(Луканъ, обнявъ Сенеку и Люція, уходитъ, сопровождаемый ликторами.)

СЕНЕКА *(хочетъ за нимъ слѣдовать, но останавливается на движеніе бросившихся къ нему учениковъ, и проведя рукою по челу, говоритъ тихо и торжественно).*

Одну имѣлъ я въ жизни цѣль,
И къ ней я шелъ тропой тяжелой.
Вся жизнь моя была досель
Нравоучительною школой;
И смерть есть новый въ ней урокъ,
Есть буква новая, средь вѣчной
И дивной азбуки, залогъ
Науки высшей, безконечной!
Творецъ мнѣ разумъ строгій далъ,
Чтобъ я вселенную извѣдалъ,
И что̀ въ себѣ и въ ней позналъ, —
Въ науку бъ позднимъ внукамъ предалъ;
Послалъ онъ въ встрѣчу злобу мнѣ,

Развратъ чудовищный и гнусный,
Чтобъ я, какъ дубъ на вышинѣ,
Средь бурь, окрѣпъ въ борьбѣ искусной,
Чтобъ въ массѣ подвиговъ и дѣлъ
Я образъ свой напечатлѣлъ....
Я все свершилъ. Мой образъ вылитъ.
Еще рѣзца послѣдній взмахъ —
И гордо встанетъ онъ въ вѣкахъ.
Рѣзецъ не дрогнетъ. Не осилитъ
Мнѣ руку страхъ. Здѣсь путь свершенъ, —
Но духъ мой, жизнію земною
Усовершенъ и умудренъ,
Вступаетъ въ вѣчность.... Предо мною
Открыта дверь — и вижу я
Зарю инаго бытія....

(Друзья съ воплями обнимаютъ колѣна философа. Смотря на нихъ, онъ продолжаетъ.)

Жизнь хороша, когда мы въ мірѣ
Необходимое звено,
Со всѣмъ живущимъ заодно; —
Когда не лишній я на пирѣ;
Когда, идя съ народомъ въ храмъ,
Я съ нимъ молюсь однимъ богамъ....
Когда жь толпа, съ тобою розно,
Себѣ воздвигнувъ божество,
Слѣдитъ съ какой-то злобой грозной
Движенья сердца твоего;
Когда указываетъ пальцемъ,
Тебя завидя далеко, —
О, жить отверженнымъ скитальцемъ,
Друзья, повѣрьте, нелегко!
Остатки лучшихъ поколѣній,
Съ ихъ древней доблестью въ груди,

Проходимъ мертвые, какъ тѣни,
Мы какъ шуты на площади!
И незамѣтно вѣтеръ крѣпкій
Потопитъ насъ среди зыбей,
Какъ обезсмысленныя щепки
Побѣдоносныхъ кораблей....

Нашъ вѣкъ прошелъ. Пора намъ, братья!
Иные люди въ міръ пришли;
Иныя чувства и понятья
Они съ собою принесли....
Быть-можетъ, вѣруя упорно
Въ преданья юности своей,
Мы леденимъ, какъ вихрь тлетворной,
Жизнь обновленную людей.
Быть-можетъ.... истина не съ нами!
Нашъ умъ ея уже нейметъ,
И ослабѣвшими очами
Глядитъ назадъ, а не впередъ,
И свѣта истины не видитъ,
И вопіетъ: „спасенья нѣтъ!“
И, можетъ-быть, иной пріидетъ,
И скажетъ людямъ: „вотъ гдѣ свѣтъ!“
Нѣтъ! намъ пора!... Открой мнѣ жилы!...
О, величайшее изъ благъ —
Смерть! ты теперь въ моихъ рукахъ!...
Сократъ! учитель мой! другъ милый!
Къ тебѣ иду!...

(*Уходитъ сопровождаемый учениками.*)

ЛЮЦІЙ.

Ты кончилъ хорошо, Сенека!
И славно выдержалъ!... Ну, вотъ —
Героемъ меньше!... Злость беретъ,
Какъ поглядишь на человѣка!

Что̀ жь изъ того, что умеръ ты?
Что духомъ до конца не падалъ?
Для болтовни, для клеветы
Ты Риму разговоровъ задалъ
Дня на два! Вотъ и подвигъ твой!

(*Смотритъ въ окно на небо и дальнія горы.*)

Какъ тамъ покойно! Горы ясны....
Вотъ такъ и боги безучастно
Съ небесъ глядятъ на родъ людской!...
Да что̀ и видѣть?...

(*Оглядывается въ комнату.*)

Здѣсь ужасно
И жить, не только умирать!
А жить осталося не много....
Что̀ жь пользы Немезидѣ строгой
Часъ лишній даромъ отдавать?
Для дѣлъ великихъ отдыхъ нуженъ,
Веселый духъ и — добрый ужинъ....
По смерти слава — намъ не въ прокъ!
И что̀ за счастье, что когда-то
Укажетъ риторъ бородатой
Въ тебѣ для школьниковъ урокъ!...
До тайнъ грядущихъ — нѣтъ мнѣ дѣла!
И — здѣсь ли кончу я свой вѣкъ,
Иль будетъ жить душа безъ тѣла —
Все буду я — не человѣкъ!...
Ну, а теперь, пока я въ силѣ,
Съ почетомъ отпустить могу
Я тѣло — стараго слугу....
Ей, рабъ!

(*Входитъ Давусъ.*)

ЛЮЦІЙ.

Въ моей приморской виллѣ
Мнѣ лучшій ужинъ снаряди,

Въ амфитеатрѣ, подъ горами.
Мнѣ ложе убери цвѣтами;
Балетъ вакханокъ приведи,
Хоръ фавновъ.... лиры и тимпаны....
Да хоръ де такъ, какъ въ прошлый разъ:
Пискунъ какой-то — первый басъ!...
Въ саду открой вездѣ фонтаны;
Вотъ ключъ — тамъ, въ дальней кладовой,
Есть кубки съ греческой рѣзьбой —
Достань. Да разошли проворно
Рабовъ созвать друзей.... Пускай,
Кто живъ, тотъ и придетъ. Ступай
Къ Марцеллу самъ. Проси покорно,
Хранится у него давно
Гораціанское вино.
Скажи, что господинъ твой молитъ
Не отказать ему ни въ чемъ,
Что нынче — умирать изволитъ!
Ну, все.... ты вѣрнымъ былъ рабомъ,
И не забытъ въ моей духовной.

(*Рабъ упадаетъ къ его ногамъ.*)

Да не торгуйся, не скупись —
Чтобъ ужинъ вышелъ баснословный!...
Да! главное забылъ.... Стучись
Безъ милосердья въ двери Лиды.
Снеси цвѣтовъ корзины ей,
И пусть, какъ къ празднику Киприды,
На ужинъ явится скорѣй.

(*Рабъ уходитъ*)

И на колѣняхъ дѣвы милой,
Я, съ напряженной жизни силой,
Въ послѣдній разъ упьюсь душой

Дыханьемъ травъ, и моремъ спящимъ,
И солнцемъ, въ волны заходящимъ,
И Лиды ясной красотой!...
Когда жь пресыщусь до избытка,
Она смертельнаго напитка,
Умильно улыбаясь, мнѣ,
Сама не зная, дастъ въ винѣ,
И я умру шутя, чуть слышно,
Какъ истый мудрый сибаритъ,
Который, трапезою пышной
Насытивъ тонкій апетитъ,
Средь ароматовъ мирно спитъ.

1852.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Дѣйствіе въ палатахъ Люція, на одномъ изъ холмовъ Рима.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Вечеръ. ДАВУСЪ, дворецкій Люція, и ЮВЕНАЛЪ (около 25 лѣтъ).

ДАВУСЪ.

Я двадцать лѣтъ ему служу.
Весь домъ на мнѣ лежитъ. Слѣжу
За управленіемъ помѣстій—
Вѣдь за сто тысячъ тамъ рабовъ!
Однѣхъ цѣпей для этихъ бестій
Что надо!... да корми скотовъ!
Къ тому жь, я славный чтецъ стиховъ,—
Читаю какъ никто Гомера!...
Тебѣ не надобно примѣра,
Ты знаешь!... Ну, и онъ цѣнилъ
Меня всегда, да вдругъ облаялъ
Передъ концомъ-то! Такъ честилъ
Какъ не слыхалъ я и не чаялъ!

„Ты, говоритъ, такой, сякой!
„И плутъ, и съ рабскою душой!
„Прощаться созвалъ мнѣ полъ-Рима!
„Льстецовъ, обжоръ, шпіона, мима!
„Я разумѣлъ однихъ друзей!“
Друзей!... Да гдѣ ихъ взять? Вотъ Кней
Сервилій просто отозвался,
Что не слыхалъ онъ, отродясь,
Кто этотъ Люцій,—а у насъ
Почти что день то обжирался!
Теперь друзей-то къ намъ позвать—
Ихъ значитъ просто выдавать.
Схватился самъ—быть плоху дѣлу,
Отказъ послалъ къ тебѣ, къ Марцеллу
И Тациту.

ЮВЕНАЛЪ.

Я не уйду!
Другаго Люція межь нами,
Я знаю, ввѣкъ я не найду!

ДАВУСЪ.

Онъ добръ-то добръ! На что съ рабами—
Вѣдь онъ не знаетъ ихъ! горстями
Имъ сыплетъ золото!... Я жду
Всегда бѣды! Итакъ ужь двое
Хотѣли разъ его убить!
Самъ чуть отбился, а ловить
Не приказалъ! „Оставь въ покоѣ
Ихъ, говоритъ: въ другой ужь разъ
У нихъ рука бъ не поднялась!...“
Да я сыщу мерзавцевъ! Право,
И то сказать, теперь расправа!

Казнятъ, казнятъ людей у насъ,
Да все казнятъ-то изъ-за вздора....
А для мошенника и вора
Просторъ—изволь себѣ гулять!

(*Входитъ Люцій.*)

ЛЮЦІЙ (*къ Давусу*).

Когда готово, мнѣ сказать!

(*Давусъ уходитъ.*)

ЛЮЦІЙ (*къ Ювеналу*).

Ну, милый мой! Теперь сатирѣ
Никто, какъ я, конечно, въ мірѣ
Такой не можетъ пищи дать!
Мудрецъ, почти что съ сѣдиною,
Со всеобъемлющей душою,—
Вдругъ размечтался какъ дитя
И думалъ умереть шутя!
Увы! Всю жизнь съ толпою шумной,
Слѣпцами, носимся безумно
Вкругъ сфинкса мы, покуда „стой!“
Не прогремитъ надъ головой.
Тутъ на чудовище и взглянешь—
Кровь хлынетъ къ сердцу, камнемъ станешь;
Его глаза блеснутъ огнемъ,
И только тутъ, передъ концомъ,
Когда спускается завѣса,
Поймешь къ чему клонилась пьеса!

ЮВЕНАЛЪ.

Въ какое время мы живемъ!

ЛЮЦІЙ.

Мы вѣчно что-нибудь клянемъ,
Философъ—роскошь, рабъ—неволю;
Гдѣ ни послушай—тотъ же стонъ
У всѣхъ народовъ и племенъ,
Про вѣкъ имъ выпавшій на долю,
Что хуже не было временъ!
Мы повторяемъ пѣсню ту же.
Но ты подумалъ ли хоть разъ,
Что̀ въ нашей жизни губитъ насъ,
Чѣмъ намъ-то вѣкъ достался хуже?...
Ты молодъ. Сила есть въ тебѣ,
Ты жаждешь въ честной стать борьбѣ,
Готовъ рвануться первый въ пламя,
Бѣжишь къ вождямъ, бѣжишь къ жрецамъ,
Бѣжишь подъ древнее ихъ знамя,
И просишь—дѣла дайте намъ!
И что̀ жь въ отвѣтъ на рвенье наше?
Ни вождь въ свой долгъ, ни жрецъ въ боговъ,—
Давно не вѣрятъ!
Средь пировъ
Я часто съ поднятою чашей
Стоялъ и словъ не находилъ,
Чтобы придумать тостъ разумный!
А тостъ разумный на пирахъ
То знамя поднятое шумно,
То мысль прочтенная въ сердцахъ!
Когда-то тоже легіоны
Водилъ я наши.... Тамъ Тевтоны,
Которымъ дѣла нѣтъ до насъ,
Какъ намъ до нихъ, съ другимъ народомъ
Столкнулись какъ-то мимоходомъ:
Я посланъ былъ.... И что̀ жь? Рубясь

Въ лѣсахъ, по страшнымъ переходамъ
Людей теряя и губя,—
Изъ-за чего? Вѣдь сумазбродомъ,
Клянуся, я считалъ себя!—
Тріумфа послѣ удостоенъ!—
Цвѣты на консульскомъ пути!—
И въ Капитолій, храбрый воинъ,
Героемъ долженъ былъ войдти!
Хорошъ герой!... И принимали
Меня наборомъ громкихъ фразъ
Въ сенатѣ, чуть что не смѣлясь....
Мы всѣ другъ друга понимали!
Всѣ въ свой чередъ тріумфовали!
Когда-то тоже „Римъ спасли“
Тѣмъ, что до моря добрели
И въ морѣ раковинъ набрали!...
Что̀ жь было дѣлать мнѣ? Слѣпцомъ
Идти съ общественнымъ потокомъ?
Что̀ зломъ зовутъ, звать тоже зломъ?
Что̀ всѣ кругомъ зовутъ порокомъ—
Порокомъ звать, хотя бы въ томъ
Ты видѣлъ честь?... Весь вѣкъ лукавить,
И, вмѣсто праведной хулы,
Безумство, ложь хвалить и славить,
Сбирая дань съ своей хвалы?
И ужь зажить сатрапомъ! Счастье
Въ тупомъ лишь видѣть сладострастьѣ?...
Съ Кипридой кончивши потомъ,
Ужь добивать остатокъ смысла,
Всѣмъ погрузившись существомъ
Въ астрологическія числа?
Наполнить магами свой домъ,
Ходить къ оракуламъ, къ сивилламъ,
И все въ чемъ толку больше нѣтъ.

Что̀ гнить должно бы по могиламъ,
Опять вытаскивать на свѣтъ?
Но въ этой мглѣ заснуть не можетъ
Покорно тотъ, хоть бы хотѣлъ,
Чей умъ и сердце вѣчно гложетъ
Святая жажда славныхъ дѣлъ!
Заснешь и вскочишь вдругъ въ потемкахъ....
„Нашелъ, нашелъ!“ воскликнешь вдругъ,
Свѣчу зажжешь,—и что̀ же вкругъ?
Опять стоишь ты на обломкахъ!
Сверкнувшей правды грустный свѣтъ
Лишь говоритъ тебѣ съ тоскою
Что въ роли, созданной тобою,
Ни нужды нѣтъ, ни смыслу нѣтъ!...
Потомъ все рѣже эти бури,
Но и сквозь бро́ню мудреца
Тебя бичи незримыхъ фурій
Язвить все будутъ до конца!
И чуть душой порой воспрянешь,
Чуть оживишься ты на мигъ
Въ груди услышишь тотъ же крикъ:
„И, полно, милый, не обманешь!...“

ЮВЕНАЛЪ.

Ахъ, Люцій! Ты — ты все постигъ!
Ты мнѣ казался полубогомъ
Всегда, въ которомъ всѣ вѣка
Слились блистательнымъ итогомъ!
И на тебѣ лежитъ рука
Какой-то все мертвящей силы!
Но что̀ же сдѣлаетъ поэтъ
Въ такое время? Сколько лѣтъ
Я декламирую въ честь Силлы,

Кидаю громы въ Карѳагенъ,
И утѣшаю Поликсенъ
И Андромахъ—межъ тѣмъ какъ ядомъ
Душа полна и желчь кипитъ,
А за тобой межъ тѣмъ слѣдитъ
Шпіонъ своимъ змѣинымъ взглядомъ!...
О, лебедь Мантуи! И онъ,
Пѣвецъ Тибура вдохновенный!
Какъ часто ими умиленный,
Я плакалъ, тихо потрясенъ
Одной гармоніей пѣвучей
Стиховъ ихъ сладостныхъ! Весной
Въ нихъ вѣетъ, юностью кипучей!
Все, даже скорбь, звучитъ могучей
Весенней бурей золотой!...
И подлѣ нихъ моя сатира
Мнѣ ненавистна и гадка,
Какъ крикъ всполоха въ шумѣ пира,
Какъ ропотъ злаго старика!

ЛЮЦІЙ.

Да жаль мнѣ васъ! На вашу лиру
Изъ міра нечему пахнуть,
Чтобы аккордомъ звучнымъ міру
Ей отозваться какъ-нибудь!
У дикихъ Скиѳовъ и Тевтоновъ
Видалъ ночные я пиры.
Среди глухихъ ночныхъ притоновъ
Зажгутъ они свои костры,
Въ кругу усядутся въ долинѣ,
И пьютъ меды,—а по срединѣ
Поетъ пѣвецъ. Напѣвъ ихъ дикъ,
Для насъ, пожалуй, непріятенъ,—

Но какъ могучъ простой языкъ!
Какъ жестъ торжественъ и понятенъ!
И кто тамъ больше былъ поэтъ—
Пѣвецъ иль слушатели сами?
Но этотъ лѣсъ, и ночь съ кострами,
И между листьевъ лунный свѣтъ,
И въ лихорадочной тревогѣ
Кругомъ косматый этотъ людъ,—
Все,—даже самые ихъ боги,
Что̀ въ вихряхъ мчатся, тоже тутъ,
Съ высотъ внимаютъ,—все дышало
Въ тѣхъ пѣсняхъ пламенныхъ... Но въ нихъ
Пѣвецъ вливалъ въ свой звучный стихъ
То что̀ толпа ему давала!...
А мы? Куда насъ повлекутъ,
И что̀ намъ слушатели скажутъ?
Какія цѣли намъ укажутъ?
И въ наши пѣсни что̀ вольютъ?

ЮВЕНАЛЪ.

И Римъ такой же былъ когда-то!
Такая жь пѣснь и въ немъ жила!
Онъ пѣлъ Виргинію, дѣла
Коріолана, Цинцинната!
Ахъ эти пѣсни! Гдѣ онѣ?
Уже ль въ надутой болтовнѣ
Теперь у Ливія бъ узнали
Ихъ наши бабки что̀ пѣвали
Ихъ съ вѣчной прялкою своей,
Иль старики среди дѣтей
Подъ тѣнью Ромулова вяза?
Ты любишь Грековъ, Люцій! Самъ

Ты полу-Грекъ: отъ нихъ зараза!
Отъ нихъ погибель вышла къ намъ!

ЛЮЦІЙ.

Нашъ вѣчный споръ!

ЮВЕНАЛЪ.

Нѣтъ, онъ рѣшится!
Я душу Грековъ обнажу!
Въ комъ римскій духъ еще таится—
Я кликну кличъ, я разбужу!
Онъ содрогнется, онъ проснется....

ЛЮЦІЙ.

Да къ чечевицѣ и вернется!
Мы вѣкъ за предками брели,
Давно забывъ куда пошли,
Съ пути сбивались понемногу—
И потеряли ужь дорогу!
Найди ее! кричи vivat!
Встань поперегъ теченья смѣло,
И если ты вернешь назадъ
Необозримый водопадъ,
Герой, ты выиграешь дѣло!...
О юность!... Впрочемъ, выступай
На подвигъ! Если вѣришь,—благо!
Одно лишь помни, другъ, и знай:
Сатиры гордая отвага
Тогда лишь будетъ не мертва,
Когда ты самъ стоишь высоко!

Стрѣла тогда лишь бьетъ далеко,
Когда здорова тетива....

(Появляется Давусъ.)

Но вотъ мой Давусъ. Все готово!
Прощай, мой другъ. Къ моимъ гостямъ
Ты не ходи.... Пускай я самъ
Плачу за вѣтреное слово!...
Друзей тамъ тщетно бъ ты искалъ!
Луканъ, Пизонъ, Сенека — пали!
Марцеллъ и Тацитъ.... я послалъ
Сказать, чтобъ тѣ не рисковали....
Кого же Давусъ мой созвалъ, —
Толпы ханжей, льстецовъ, шпіоновъ,
Весь этотъ гнусный дворъ Нероновъ...
Ты между нихъ не долженъ быть!
Мнѣ невозможно отступить.
Хоть дорожа родствомъ Катоновъ —
Пойду на зрѣлище я къ нимъ....
Что̀ дѣлать! Эти люди — Римъ!

ЮВЕНАЛЪ.

О, Люцій!

ЛЮЦІЙ.

Нѣтъ, уйди, прощай,
Я требую!... (*Обнимаетъ его и уходитъ.*)

ЮВЕНАЛЪ (*уходя.*)

O tempora, o mores!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ПИРЪ ВЪ БРУТОВОЙ ЗАЛѢ [1].

Великолѣпно-убранная зала: главная въ ней статуя, по правую сторону, огромнаго размѣра, на высокомъ бронзовомъ пьедесталѣ, изображаетъ Брута; множество другихъ, меньшаго размѣра, около стѣнъ. Посрединѣ залы роскошно накрытый столъ, съ ложами вокругъ. Высокіе канделабры на столѣ и на полу, вокругъ стола. Все золото, серебро, слоновая кость. Прямо, противъ зрителя, большая арка въ сад , гдѣ видны верхи кипарисовъ, небо, море, луна. Направо большая ниша, устроенная въ утесѣ, къ которому прислоненъ домъ.

(Гости прохаживаются по залѣ. Въ одной группѣ: два ритора, нѣсколько молодыхъ патриціевъ, между ними всадникъ (eques romanus) въ блестящемъ костюмѣ, нѣсколько сенаторовъ и проч. Они осматриваютъ статуи и картины.)

1-й РИТОРЪ.

Ну домикъ! да! Изъ всѣхъ угловъ
Глядятъ милльйоны! Эка сила!...
Взять серебро съ однихъ столовъ —
И былъ бы домъ, была бы вилла!
Вотъ этотъ маленькій божокъ —
Вѣдь въ немъ помѣстье!... Да, знатокъ
Нашъ Люцій, чуть ли не единый

---

[1] *Брутова зала.* Въ большихъ дворцахъ у древнихъ залы иногда назывались по имени главной статуи; зала Аполлона, Лаокоона, и пр. Эта статуя была обыкновенно больше всѣхъ и помѣщалась на самомъ видномъ мѣстѣ, на высокомъ пьедесталѣ, смотря по вышинѣ залы.

Изъ кровныхъ римскихъ-то волчатъ,
Кому такъ въ прокъ пошли Аѳины!

2-й РИТОРЪ.

О ставь, любезный, ты картины
И статуи: ихъ не ѣдятъ!
Вотъ въ кухняхъ—тамъ чудесъ собранье!
Тамъ все, какъ-есть, естествознанье!
Одни ужь запахи кричатъ
Тебѣ за милю: „Стой прохожій!“

1-й РИТОРЪ.

Жаль, какъ ни лѣзь себѣ изъ кожи,
Все съѣшь за одного!

ВСАДНИКЪ.

Ну, да!
Два пальца въ ротъ, и вся бѣда!

(Входитъ Харидемъ, важная фигура, въ пышной тогѣ. Борода и длинные волосы мелко завиты. Съ нимъ ученики. Риторы бросаются къ нему на встрѣчу, припадаютъ къ груди его и цѣлуютъ. На авансценѣ провинціяльный преторъ и квесторъ.)

ПРОВИНЦІЯЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

Кто этотъ мужъ? глядитъ Платономъ!

КВЕСТОРЪ.

Да, милый, риторы къ нему
Не даромъ кинулись съ поклономъ.

Пророчуть всѣ теперь ему
Сенеки мѣсто.... это славный
Философъ Харидемъ! Недавно
Его трактатъ „Безсмертье Душъ“
Надѣлалъ шуму. Важный мужъ!
Мудрецъ по знаньямъ и на дѣлѣ!
Всю ночь съ лампадою сидитъ;
Не знаетъ сна онъ и постели,
И домъ его для всѣхъ открытъ.

(Входитъ, ведомый подъ руки двумя рабами, старый проконсулъ Публій, безъ бороды, черепъ голый. Съ нимъ нѣсколько кліентовъ. Молодые патриціи, сенаторы, бросаются къ нему на встрѣчу, припадаютъ на его грудь и цѣлуютъ.)

ПРОВИНЦІЯЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

А! Публій!... Этого мы знаемъ!
И всѣмъ народомъ поминаемъ!
Весь край, злодѣй, въ пять лѣтъ совсѣмъ
Какъ губку, выжалъ!

КВЕСТОРЪ.

Мастеръ дѣла!

ПУБЛІЙ *(увидя Харидема).*

Великомудрый Харидемъ! *(Идетъ къ нему.)*

ХАРИДЕМЪ *(предупреждая его).*

Здоровье?

ПУБЛІЙ.

Старость одолѣла!

Вотъ всю недѣлю плохо ѣмъ!
А ты, ты все съ ученичками?

ХАРИДЕМЪ (*важно*).

Моя обязанность! Предъ нами
Сегодня жь, тутъ, произойдетъ
Души торжественный излетъ
Изъ тѣла!...

ПУБЛІЙ (*вдругъ вспомнивъ*).

Да! вѣдь онъ умретъ!...
Ты что-нибудь при этомъ скажешь?
Послушаемъ! Я радъ! я радъ!...
Что̀ молодежь-то? а? развратъ?

ХАРИДЕМЪ.

Каковъ наставникъ! что̀ укажешь!...

ПУБЛІЙ (*не слушая его, ко входящему другому старому проконсулу.*)

А ты откудова? срамецъ!...

(*Общій шепотъ:*)

Миртиллъ!

(*Всѣ въ почтительной позѣ. Проконсулы и Харидемъ спѣшатъ навстрѣчу и припадаютъ на грудь къ вошедшему евнуху Миртиллу, въ блестящей одеждѣ, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ.*)

ПУБЛІЙ.

Божественный пѣвецъ!

ХАРИДЕМЪ.

Здоровье кесаря?

МИРТИЛЛЪ.

Изволилъ
Уснуть и отъ себя уволилъ
Меня сегодня.

ХАРИДЕМЪ.

Подарилъ
Сегодня намъ!

ПРОВИНЦІЯЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ (*квестору*)

А это кто же?

КВЕСТОРЪ.

Тссъ! тише! если только кожей
Ты дорожишь! Евнухъ Миртиллъ—
Пѣвецъ и мимъ,—да вотъ въ чемъ сила:
Въ ногахъ у кесаря лежитъ
Весь міръ, а кесарь самъ сидитъ
У ногъ вотъ этого Миртилла.

ПРОВИНЦІЯЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ (*въ испугѣ*).

Такъ вотъ оно!...

КВЕСТОРЪ

Да, да,—оно!
Такъ, въ среднемъ родѣ....

(Гости все прибываютъ. Миртиллъ, Хариделъ и проконсулы удаляются въ глубину сцены. Два сенатора подходятъ къ авансценѣ.)

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ.

Онъ ядъ принять давно сбирался.
Да нынче циркъ, а завтра—бѣгъ,
А тамъ—заѣзжій риторъ Грекъ,
Да Лиды, Фрины.... не рѣшался,
И вѣрно радъ, что тутъ помогъ
Ему Неронъ, назначивъ срокъ.

СЕНАТОРЪ СИМПЛИЦІЙ

Да! онъ не разъ меня обидѣлъ,
Но человѣка я въ немъ видѣлъ
Всегда великаго! И вотъ—
Вдругъ посмотрѣть, какъ онъ умретъ!—
Вѣдь гладіаторскаго боя,
Конечно, стóитъ смерть героя!
Сказать по правдѣ, напередъ
Я тоже справился какъ станутъ
Смотрѣть на это? Ничего!
Миртиллъ здѣсь: значитъ, и не взглянутъ!

(Молодые патриціи:)

ОДИНЪ.

У насъ, вотъ видишь, съ нимъ родство,
Такъ можетъ-быть....

ВСАДНИКЪ.

Изъ родоваго
Не завѣщаетъ ли чего?
Понятно, братецъ, и не ново!
Однако—что̀ жь? чего онъ ждетъ?
Все подано, а самъ нейдетъ—
Вонъ даже рвотное готово!...
Но между этихъ чашъ одна
Должна быть съ ядомъ.... Гдѣ жь она?
Вотъ эта вѣрно: золотая,
Съ волчицей крышка.... небольшая,
Но....

(Входитъ Люцій. Всѣ устремляются къ нему навстрѣчу.)

ПУБЛІЙ.

А! вотъ и нашъ амфитріонъ!

СЕНАТОРЪ СИМПЛИЦІЙ

Я такъ смущенъ и огорченъ,
Что скорбь разсудокъ помрачаетъ!

РОДСТВЕННИКЪ.

Я какъ услышалъ, поспѣшилъ....

ХАРИДЕМЪ.

Одно изъ міровыхъ свѣтилъ
Надъ Римомъ нынѣ угасаетъ!

ЛЮЦІЙ.

Благодарю васъ, господа!

Я васъ просилъ, чтобъ навсегда
Окончить жизнь веселымъ пиромъ,
Чтобъ навсегда проститься съ міромъ
Въ бесѣдѣ съ вами, средь всего,
Что̀ украшаетъ лишь его.
Теперь прошу васъ, дайте волю
Своей фантазіи, уму,
И я скажу—едва ль кому
Завиднѣй жребій палъ на долю!

(Даетъ знакъ. Являются невольницы съ золотыми чашами для омовенія рукъ гостямъ. Помѣщаются на ложа. Остается нѣсколько пустыхъ мѣстъ.

Входятъ двое, плохо одѣтые и полупьяные. У одного черная всклоченная борода и волосы копной. На плечѣ мѣшокъ, въ рукахъ дубина. Онъ обращается къ пріятелю, говоря съ несовсѣмъ трезвымъ выговоромъ.)

ГОСТЬ.

Ну такъ и есть! вотъ видишь—ужинъ!

(Къ гостямъ.)

Мы, проходя, вдругъ слышимъ духъ
Жаркова, дичи! Ну, мой другъ,
Я говорю, здѣсь будетъ нуженъ
Гостямъ хорошій аппетитъ;
Я захватилъ его съ собою!
Пойдемъ, предложимъ! Кто и сытъ,
Проголодается со мною!

ЛЮЦІЙ.

Прошу,—но кто же?...

ГОСТЬ.

Видишь самъ —
Философы!

ЛЮЦІЙ.

Такимъ гостямъ
Вдвойнѣ я радъ.

ГОСТЬ.

Тѣмъ лучше: Впрочемъ —
Какъ ты тамъ знаешь.... радъ, не радъ,
А глотку мы себѣ промочимъ.

(*Осматриваетъ вина.*)

Гдѣ тутъ получше-то стоятъ?
Конечно тамъ, гдѣ самъ хозяинъ....

(*Наливаетъ и поетъ.*)

„И онъ пришелъ не званъ, нечаянъ....
И всѣхъ плѣнилъ!“(*Къ пріятелю, подавая ему вина.*)
Вотъ ты не шелъ,
И упирался какъ оселъ....
Заѣшь теперь.... вонъ смоква, финикъ....

(*Къ Люцію.*)

Рекомендую! спутникъ мой—
Изъ архискептиковъ! Я—циникъ!
Ужь дальше этого нейдетъ
Умъ человѣческій! По малу
Свой циклъ свершилъ, пришелъ къ началу,—
И больше некуда впередъ!...
Мое почтенье!

ПУБЛІЙ (*другому проконсулу, сидящему подлѣ него*).

Гость забавный!
Какая челюсть у него!

ПРОКОНСУЛЪ.

Сатиръ! А ѣстъ-то какъ исправно!
Вонъ похваталъ уже всего!...
Охъ, аппетитъ!... Ужь стары стали,
А въ старину и мы ѣдали!

(*По знаку Люція, архимагиръ беретъ со стола амфору, чтобы сотворить возліяніе богамъ.*)

ЦИНИКЪ (*останавливаетъ его*).

Не тронь! я это пью вино!
Богамъ, вѣдь, братецъ, все равно!
И тратить доброе къ чему же?
Плесни, которое похуже!

(*Архимагиръ беретъ другую амфору. Первая смѣна блюдъ. Хоръ. Танцовщицы, представляя собою двадцать четыре часа, пляшутъ, кидая цвѣты на пирующихъ, и поютъ:*)

ХОРЪ.

Ловите, ловите
Часы наслажденья;
Спѣшите, спѣшите
Пожить хоть мгновенье!
Какъ мошки на солнцѣ
Въ эѳирѣ роями

Кружатся и блещутъ,
Мы, Оры, блистаемъ
Мгновеніе въ мірѣ!
Ловите, ловите,
Не то улетимъ!

(Входитъ среднихъ лѣтъ блѣдный и тощій патрицій.)

ПАТРИЦІЙ.

Я слышалъ, Люцій,—говорятъ—
Ты умираешь? Очень радъ!
Я общей скорбью самъ страдаю
И тоже скоро умираю....
Но выбираю только ядъ.
О всѣхъ почти самоубійцахъ
Я перечелъ, и списокъ имъ
Составилъ на семи страницахъ,—
Но недоволенъ ни однимъ!
Я смерти все ищу пріятной....

СКЕПТИКЪ (*цинику*).

Онъ—сумашедшій!

ЦИНИКЪ.

Или шутъ.

СКЕПТИКЪ.

Что̀ такъ они охотно мрутъ?

ЦИНИКЪ.

Богаты очень!

СКЕПТИКЪ.

Непонятно!

ЦИНИКЪ.

А впрочемъ дѣло ясно тутъ....
Вонъ, видишь, подъ глазами пятна!

(Къ Люцію.)

Да ты, пріятель въ честь чего
Затѣялъ нынче торжество?

ЛЮЦІЙ.

Я нынче въ полночь умираю:
Такъ кесарь повелѣлъ Неронъ.

ЦИНИКЪ.

Такъ вотъ что̀!... значитъ.... понимаю!...

(Пріосанясь.)

Ты — про свободу видѣлъ сонъ!
Пиръ значитъ: ты смотри какіе
Герои мрутъ!... а тѣ.... другіе,
Что̀ ихъ морятъ — того!... Резонъ!
Эхъ, вы, патриціи, вельможи!
Туда же рвутся вонъ изъ кожи!
Свободы вамъ!... Эхъ ты, Катонъ!
Лишь Діогенова свобода
Прямая! Прочее все ложь!
Будь счастливъ тѣмъ что̀ дастъ природа!
Родился голъ и голъ умрешь!
Въ природѣ жь, въ этой общей чашѣ,
Нѣтъ ярлыковъ—мое и ваше!

Бери что̀ хочешь! все твое,
На что̀ глаза лишь разбѣжались!
А чтобы люди не кусались—
Кусайся самъ! Вотъ вамъ и все!
А то, глядишь, нагромоздили
Понятій, тонкостей, интригъ,—
Да и не въ мочь пришлось! Уныли,
И ходятъ высунувъ языкъ!

МОЛОДЫЕ ПАТРИЦІИ.

Отлично! вѣрно! браво! браво!

ПУБЛІЙ (*къ Харидему*)

Онъ—пресмѣшной!

ХАРИДЕМЪ (*торжественно*).

Я не смѣюсь!
Я слезы лью! и ка̀къ, дивлюсь,
Онъ можетъ вамъ служить забавой!
Онъ рушитъ все, семейство, нравы!
Какъ отрицанье всякихъ узъ,
Ученье этихъ оборванцевъ
Опаснѣй всѣхъ республиканцевъ!
Онъ проповѣдуетъ порокъ,
И вотъ—ужь юность онъ увлекъ,
Она вся вторигъ тихомолкомъ!

ЦИНИКЪ.

Молчалъ бы лучше, педагогъ!

ВСАДНИКЪ.

Стравить бы ихъ—лисицу съ волкомъ!

ХАРИДЕМЪ (*къ Миртиллу*).

Ты близокъ къ Кесарю, Миртиллъ!
Ты слышалъ, что̀ онъ говорилъ?
Основы нравственности руша,
Онъ тронъ колеблетъ!

ЦИНИКЪ.

Мы съ тобой
Поспоримъ послѣ, милый мой;
А ты вотъ сказочку послушай.
Я всѣхъ потѣшу!... Ты слыхалъ—
Есть островъ Кипръ.... ну, знаешь, вина
Отличныя! Разъ проживалъ
Тамъ риторъ, славный былъ дѣтина,
Да нищъ, и голоденъ, и голъ!
Одинъ архонтъ его нашелъ
И взялъ учить сынишку. Дѣло
Пошло на ладъ. Вошелъ онъ въ тѣло,
Въ почетъ въ дому у всѣхъ вошелъ,—
Да какъ-то разъ, конечно въ шутку,
Такъ цѣловать онъ сталъ малютку,
Что мать.... открылося, что мать
Имѣла право ревновать —
А съ ней вся женская прислуга,
И поднялись,—пошло писать,—
Всѣ на него и другъ на друга!

ХАРИДЕМЪ (*съ благороднымъ негодованіемъ*).

Что̀ жь это, Люцій? Вонъ его!

ПУБЛІЙ.

За что̀ жь? Теперь онъ ничего!
(*Смѣясь:*)
Вотъ былъ пѣтухъ-то!

ЦИНИКЪ.

Аль завидно?

ПУБЛІЙ.

Да онъ—безцѣнный!

ЛЮЦІЙ.

Что̀ жь потомъ?

ВСАДНИКЪ.

Открылось что-нибудь съ отцомъ?

ЦИНИКЪ.

Отцу-то стало, вишь обидно!
Взревѣлъ что звѣрь! Анъ тотъ бѣжалъ,
Да къ христіанамъ и попалъ....
Вотъ мудрецы, скажу вамъ, тоже!

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ *(задумчиво)*.

Да, мудрецы!... я разъ сказалъ,
Что это волки въ овчей кожѣ—
И это буду вѣкъ твердить.

КВЕСТОРЪ.

А ихъ ужь велѣно ловить
И въ циркѣ травлю учинить.

АСПИЦІЙ *(мрачно)*.

Все это—временныя мѣры!
Они работаютъ во мглѣ,
Повсюду, какъ ручьи въ землѣ,
И всевозможныя химеры
Вбиваютъ въ головы рабамъ!
Чего же ждать, примѣръ имѣя

Въ Спартакѣ? [1] И найдти ли намъ
Другаго Красса и Помпея —
Чтобы порядокъ поддержать!

СЕНАТОРЪ СИМПЛИЦІЙ.

Пугать и страхи создавать—
Что въ немъ за страсть—не понимаю!
Невиннѣйшіе чудаки!...

ПУБЛІЙ.

Кто—христіане? Знаю, знаю!

(*Вдругъ одушевляясь.*)

Открытые бунтовщики!
Двоихъ судилъ я всенародно:
Ишь поклониться не угодно
Имъ лику кесаря: не богъ,
Молъ, кесарь!... я внушалъ какъ могъ,
Хоть я не жрецъ и не ученый....
И, признаюсь, жаль было ихъ!...
Но дѣлать нечего — законы!
И—кожу содрали съ живыхъ!

ХАРИДЕМЪ (*поднимая чашу*).

Но кесарь насъ отъ нихъ избавитъ!
Онъ зла не можетъ попустить!

---

[1] Въ Римѣ, какъ извѣстно, были частыя возстанія рабовъ; въ короткое время они сбѣгались сотнями тысячъ подъ знамя смѣлаго предводителя. При усмиреніи ихъ въ Сициліи, гдѣ ихъ скопилось до 200.000 и которою они овладѣли, (въ 135 до Р. Х.), ихъ было распято 20.000. Спартакъ съ 120.000 рабовъ угрожалъ даже самому Риму. Его разбилъ Крассъ: при этомъ 6000 рабовъ были распяты по дорогѣ изъ Капуи въ Римъ (въ 71 до Р. Х.). Изъ массы бѣглыхъ рабовъ образовалось страшное разбойничество на Средиземномъ Морѣ; они имѣли до 1000 кораблей и 400 укрѣпленныхъ мѣстъ. Чтобъ уничтожить ихъ, Кнею Помпею было дано до 120.000 войска, 200 кораблей, и 5000 конницы. Онъ уничтожилъ разбойниковъ (67 до Р. Х.).

Душить ихъ надобно, давить!...
Во здравье жь кесаря! Да славитъ
Его весь міръ!...

(*Всѣ встаютъ съ чашами.*)

ЦИНИКЪ (*взлѣзаетъ на столъ*).

Хвалу ему
Что всѣхъ онъ душитъ васъ и давитъ!

(*Молчаніе. Всѣ переглядываются съ ужасомъ между собою и съ яростію смотрятъ на циника*).

ХАРИДЕМЪ.

Онъ правосуденъ!

ЦИНИКЪ

Потому
И душитъ васъ и давитъ!... Что̀ же
Не пьете?... Бунтъ? На что̀ похоже?
Пить такъ „за кесаря"—ужь простъ
И слишкомъ голъ выходитъ тостъ.
Безъ смысла тостъ все дѣло рушитъ!...
Кричите жь всѣ: за то что душитъ....

(*Оглядываетъ всѣхъ и ждетъ.*)

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ (*нерѣшительно*).

За то что душитъ....

ЦИНИКЪ.

И давитъ насъ!...

ВСѢ (*кромѣ Люція*).

И давитъ насъ!...

ЦИНИКЪ

Ну пейте жь! Разъ,
Два, три!...

(*Общій крикъ*: Да здравствуетъ кесарь! [1])

ЛЮЦІЙ.

Всѣ пьютъ! Невыносимо!

ЦИНИКЪ.

Не поперхнулся ль кто, друзья?
Какъ будто кашель слышу я?...

ЛЮЦІЙ.

А молодецъ!

ЦИНИКЪ

Граждане Рима!
Теперь, позвольте, пью за васъ!
За васъ, сыновъ достойныхъ Брута!
Вотъ онъ, вотъ статуя его!
Брутъ! Съ пьедестала своего
Воззри и радуйся! Минута
Ей-ей торжественна! Ура
Вамъ, мужи чести и добра!

(*Опорожнивъ чашу, циникъ сваливается на свое мѣсто. Молчаніе.*)

---

[1] По поводу этого тоста, нѣкоторые мнѣ замѣчали, что никакое общество не можетъ такъ глубоко пасть, чтобы принять его. Оставляя отвѣчать за меня Тацита и Светонія, я напомню только одно — что это то самое общество, которое перенесло, напримѣръ, назначеніе лошади Геліогабаловой въ сенаторы. Со стороны лучшихъ людей протестъ былъ одинъ — самоубійство.

ПУБЛІЙ (*тихо сосѣду*).

Онъ дичь несетъ.... и пустословитъ....
И самъ хохочетъ.... Глупъ и пьянъ!
И какъ никто не остановитъ!...

(*Откашливаясь и громко къ циникy.*)

Что̀ жь риторъ твой у христіанъ?

ЦИНИКЪ.

Мой риторъ? Да! Съ нимъ было много....
Но я другимъ ужь развлеченъ!
А ты спроси у педагога!
Я знаю только то, что онъ
Ихъ обокралъ.... А какъ ужь скрылся,
Пусть скажетъ этотъ Цицеронъ!
Онъ самъ, быть-можетъ, съ нимъ водился!

ХАРИДЕМЪ (*запальчиво*).

Я не знакомъ съ нимъ!

ЦИНИКЪ.

Иногда
Видалъ, какъ въ зеркало глядѣлся!

ХАРИДЕМЪ.

Лжешь, лжешь безъ всякаго стыда,
Песъ мерзкій!

ЦИНИКЪ.

Что̀, братъ, завертѣлся?
А самъ наушничать!

ХАРИДЕМЪ.

Хорошъ
Ты самъ, герой добра и чести!
Лизалъ чай руки у вельможъ,
Да понялъ — дерзость лучше лести,
Беретъ вѣрнѣе?

ЦИНИКЪ (*издѣваясь*).

Ну такъ что̀ жь?
Не я имъ страхи сочиняю!
На ихъ же дудочкѣ играю—
Вольно плясать!... По мнѣ плевать
На ваши тонкости!...

ХАРИДЕМЪ.

Молчать!
Не то.... (*Замахивается тарелкой.*)

ЦИНИКЪ (*замахиваясь дубиной*).

А вотъ!

ВСѢ (*кромѣ Люція поднимаютъ тарелки*).

Долой собаку!

ЦИНИКЪ.

Какъ? Что̀? Да слово мнѣ сказать—
И вы тю-тю!... Полѣзли въ драку
За то что тостъ не вкусенъ былъ?

(*Всѣ остаются неподвижны.*)

ЛЮЦІЙ (*вставая съ своего мѣста*).

И это Римляне! Нѣтъ силъ
Терпѣть ихъ долѣ!...

(*Въ саду раздаются звуки тимпановъ, и вакханки вторгаются въ залу.*)

1-й РИТОРЪ.

Охъ, отлегло!... Ну, самъ Кронидъ
Надъ нами сжалился!...

ВСАДНИКЪ.

Паулина, Туллія, Метелла....
Весь цвѣтъ двора!...

(*Вакханки окружаютъ пирующихъ, наливаютъ чаши. Клики, хохотъ, оргія.*)

ЦИНИКЪ (*бросивъ дубину*).

Мясцо живое!
Ко мнѣ, ко мнѣ! эванъ, эвоэ!...

(*Гоняется за женщинами, качаясь изъ стороны въ сторону, прищелкивая пальцами и напѣвая:*)

Вакханочки, вакханочки,
Смугляночки, бѣляночки!
Ужель я вамъ не милъ?
Я старенькій, я гаденькій,
Да вотъ поѣлъ говядинки
И юность ощутилъ!

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ (*въ сторонѣ къ Симплицію*).

Ну тостъ! И эдакаго гада
Терпѣть!

СЕНАТОРЪ СИМПЛИЦІЙ (*разводя руками*).

Что́ дѣлать? жить вѣдь надо!

АСПИЦІЙ.

Кто жь этотъ циникъ? Подученъ
Былъ Люціемъ или шпіонъ?

СИМПЛИЦІЙ (*поднимая плечами*).

Все можетъ статься!....

(*Посреди кликовъ, спора, пѣсенъ, хохота, музыки и танцевъ, нѣсколько вакханокъ окружаютъ Люція.*)

ОДНА ВАКХАНКА (*отстраняя другихъ*).

Онъ не любезенъ вовсе съ нами!
Да брось же ты своихъ вралей!
Пойдемъ на воздухъ! Ночь звѣздами
Горитъ!... Иди, иди скорѣй!
Здѣсь гадость! пьяные! дерутся!
А тамъ прохлада! тишина!
Иди же.... такъ ли разстаются
Съ друзьями?

ЛЮЦІЙ.

Хороша, умна,
И какъ всегда неотразима!
Идемъ!...

ВАКХАНКА.

На память о тебѣ
Я твой аграфъ беру себѣ.
Тебѣ не жаль?

ЛЮЦІЙ.

Всѣ перлы Рима
Къ твоимъ ногамъ!

ВАКХАНКА.

Ты льстецъ! Скажи
Серіозно, только безо лжи,
Съ чѣмъ для тебя всего труднѣе
Разстаться въ жизни?

ЛЮЦІЙ.

Можетъ-быть
Съ мгновеньемъ тамъ въ пустой аллеѣ,
Иль въ гротѣ, гдѣ съ тобой забыть
Могу я жизнь и смерть!

ВАКХАНКА.

Вотъ мило!
И какъ глядитъ притомъ уныло!

ЛЮЦІЙ.

Ты и всему конецъ!

ВАКХАНКА (*смѣясь*).

Еще!
Еще!... (*Задумчиво.*) А ты вѣдь горячо
Простишься съ жизнью?

ЛЮЦІЙ.

Всею силой!

ВАКХАНКА.

Гдѣ жь твой аграфъ? Идемъ же въ садъ!

ДРУГІЯ ЖЕНЩИНЫ (*окружая ихъ*).

А намъ на память на дарятъ?

ЛЮЦІЙ.

Рабъ! драгоцѣнности, каменья,
Принесть сюда.... все вамъ дарю!

(*Къ ней.*)

И такъ счастливое мгновенье....

(*Рабы берутъ одинъ ящикъ, потомъ приносятъ другой, третій и высыпаютъ на столъ золото, камни, и проч. Всѣ кидаются на нихъ.*)

ВАКХАНКА.

Я только, Люцій, посмотрю....

ЛЮЦІЙ.

Изъ рукъ какъ змѣйка ускользнула....
Ее задавятъ тамъ.... ой, ой,
Какъ циника она толкнула!

ВЪ ТОЛПѢ (*около драгоцѣнностей давка и клики*).

Мое! Я прежде взялъ! Разбой!

РИТОРЫ (*переглянувшись между собою*).

Забрать да тягу! и домой!... (*Пробиваются въ толпу.*)

ПУБЛІЙ (*мгновенье колебавшійся*).

На память внучкѣ развѣ.... (*Протискивается въ толпу.*)

ВЪ ТОЛПѢ.

Стой!
Задавятъ! Да не все ты хапай!
А ты опять съ своею лапой!

(*Циникъ, совсѣмъ пьяный, вылетаетъ, вытолкнутый изъ толпы и падаетъ на ложе въ углу комнаты. Въ глубинѣ сцены появляются Марцеллъ и Лида.*)

ЛЮЦІЙ (*смотря на давку*).

О боги! Что за кутерьма!
Вѣдь это звѣри! тигровъ стадо
Надъ мерзкой падалью!

МАРЦЕЛЛЪ (*вдали*).

О тьма!
О снѣдь клокочущаго ада!

ЛЮЦІЙ.

Да вы не спорьте! все добро,
Вся эта вилла! все здѣсь ваше!
Тащите вазы, кубки, чаши,
Все золото и серебро!

(*Къ рабамъ.*)

Все открывайте! все ломайте!
Всѣ кладовыя, сундуки!
Всѣ двери настежь! Прочь замки!
И вы себя не забывайте!

(Толпа хватаетъ со стола все что можетъ, серебро, чаши и проч., опрокидываетъ канделабры, и оставивъ комнату въ полумракѣ, бѣжитъ за рабами, восклицая:)

Ура! ура! ты, Люцій, — богъ!

ЛЮЦІЙ.

Стократъ проклятье вамъ! И могъ
Съ ватагой этой ненасытной
Однимъ я воздухомъ дышать!...

ЦИНИКЪ *(который тщетно пробовалъ идти за толпою, упадаетъ опять на ложе и кричитъ).*

Хозяинъ! будешь умирать,
Такъ разбуди!... Прелюбопытно!

(Засыпаетъ.)

ЛЮЦІЙ.

О Римъ, о Римъ!... Нѣтъ! жить нельзя!

(Быстро подходитъ къ своему мѣсту и беретъ кубокъ съ отравленнымъ виномъ.)

ЛИДА *(бросается къ нему и удерживаетъ).*

Постой, о Люцій!

ЛЮЦІЙ.

Лида! ты ли?
Марцеллъ! Друзья мои, друзья!
О, боги мнѣ не измѣнили!
Вы здѣсь!...

ЛИДА.

Мы здѣсь!... Есть время!... Ты спасенъ!

ЛЮЦІЙ.

Спасенъ?... Но что съ тобою Лида?
Какъ ты блѣдна? Какой нарядъ?
И эта темная хламида,
Покровъ твой бѣлый!... Какъ горятъ
Твои глаза!... Гдѣ ты скрывалась?...
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты по ристалищу промчалась
На колесницѣ золотой....
Сама конями управляла,
И оглянулась на меня —
Весельемъ, розами сіяла,
Мнѣ въ даръ улыбку уроня!

ЛИДА.

Съ тѣхъ поръ все, Люцій, измѣнилось,
Вся жизнь моя!... Да! я нашла
Чего искала, чѣмъ томилась, —
И это счастье принесла
Тебѣ: я христіанка!

ЛЮЦІЙ.

Боги!
Ты? Лида?

ЛИДА.

Жизнь моя была
Полна безумствъ, полна тревоги
Пустой, ничтожной!... Ты уменъ,
О Люцій!... ты тщету мірскую
Давно постигъ.... Жизнь эта сонъ!...

ЛЮЦІЙ.

Что̀ ты лепечешь?

ЛИДА.

Жизнь иную
Христосъ открылъ намъ! Онъ велѣлъ
Все бросить! Жить одной душою!...

ЛЮЦІЙ.

Философъ милый! Что̀ съ тобою?

ЛИДА (*въ отчаяньи*).

Да говори, Марцеллъ!

ЛЮЦІЙ (*съ удивленіемъ*).

Марцеллъ?

ЛИДА.

Онъ — нашъ! христіанинъ!...

ЛЮЦІЙ (*серіозно*).

Смѣяться
Вы надо мной пришли, друзья?...

ЛИДА.

Нѣтъ, Люцій! Истина скрываться
Не можетъ! Римъ, и міръ, и вся
Вселенная познаетъ Бога,
Который намъ велитъ любить
Другъ друга и добро творить.
И скоро! Насъ теперь ужь много
И здѣсь.... между рабовъ твоихъ....
Взгляни, вотъ тутъ стоитъ ихъ трое:
Они не грабятъ! Нѣтъ! Земное
Ничто сокровище для нихъ!
Вотъ тотъ старикъ былъ поднятъ нами,
Чуть живъ, избитый.... (*къ рабу:*) Ближе, Титъ!

(*Титъ упадаетъ къ ногамъ Люція и плачетъ, склонивъ голову къ его колѣнямъ.*)

ЛИДА.

Ахъ, Люцій! Язвами покрытъ,
Онъ не ругался надъ врагами!
Простилъ и твоему отцу,
Которымъ взятъ былъ, и къ кольцу
Прикованъ.... Часто со слезами
Онъ вспоминаетъ, какъ ходилъ
Къ нему дитей ты, и любилъ
Его разказы.... Скиѳъ суровый
Утѣшенъ былъ, и сталъ иной,
Младенецъ чистый, полнъ одной
Святой любовію Христовой!...

ЛЮЦІЙ (*положа руку на голову Тита*).

Мой старый пѣстунъ!

ТИТЪ *(тихо и искренно).*

Обратись,
Дитя мое! Проснись, проснись!
Свѣтъ возсіялъ! *Мы* ходимъ въ свѣтѣ—
Мы—неразумные! *Мы*—дѣти!
А ты такъ мудръ!

ЛИДА.

Вотъ, Люцій, тутъ
Вотъ эти двое.... что̀ хотѣли
Тебя убить.... И только ждутъ
Чтобъ ты простилъ ихъ.... Неужели
Ты не простишь?

(Рабы становятся на колѣни въ нѣкоторомъ отдаленіи.)

ЛЮЦІЙ.

Я все успѣлъ
Давно забыть!... Ну, встаньте! Будетъ!

РАБЫ *(удаляясь).*

Господь тебя не позабудетъ
Во царствіи своемъ!

ЛЮЦІЙ.

Марцеллъ!
Марцеллъ! Какое ослѣпленье!
Пусть Лида—пылкія мечты!
Рабы—они рабы!... Но—ты!
Нѣтъ, я тебя не понимаю!
Я христіанъ видалъ и знаю.

Въ ихъ головахъ какой-то сбродъ
Фантазій дикаго Востока,
Слеза въ глазахъ, и рѣчь пророка,
И казнь—ихъ счастіе!...

МАРЦЕЛЛЪ.

И вотъ
Насъ это счастье завтра ждетъ!

ЛЮЦІЙ.

Патрицій! Вождь! Стратегикъ славный.
Марцеллъ, проведшій жизнь свою
Въ походахъ, въ лагерѣ, въ бою,—
Одинъ, быть-можетъ, предкамъ равный,
И вдругъ идетъ—смѣшно сказать!
Изъ отвлеченнаго понятья,
Чтобъ доказать, что люди братья,
Что духъ безсмертенъ—умирать!

МАРЦЕЛЛЪ.

Для вашихъ риторовъ, конечно,
Смѣшно, что люди вдругъ идутъ
На смерть, какъ армія, безъ смутъ,
И сами, изъ-за мысли вѣчной!
Не то еще увидятъ: сынъ
Оставитъ мать, братъ кинетъ брата,
Не будетъ празденъ ни одинъ!
Мечъ въ міръ внесенъ, и нѣтъ возврата!
Вѣрь, говорю я не въ бреду.
Ты знаешь, взглядъ мой въ битвѣ вѣренъ:
Я зналъ всегда, куда иду....
Для васъ, мой милый, бой потерянъ!

Когда увидитъ въ циркѣ Римъ,
Какъ мы за истину стоимъ,
Узнать захочетъ что̀ за люди?
Какая сила въ нихъ живетъ?
И изъ гонителей и судій,
Вѣрь, не одинъ къ намъ перейдетъ!
Со мной самимъ все такъ случилось.
Въ аренѣ видѣлъ я двухъ дѣвъ;
Когда на нихъ рванулся левъ,
Лицо ихъ свѣтомъ озарилось!
Я даже вскрикнулъ! А вѣдь кровь
Видалъ!... Да, да! Родиться вновь
Должны мы всѣ!... Когда бывало
Ѣзжалъ изъ стана я сюда,
Отъ омерзенья и стыда
Душа во мнѣ изнемогала!
Не разъ я думалъ и тогда—
Привесть свои бы легіоны,
Да этотъ Римъ раззолоченый
Весь разнести бы по клочкамъ!
И разнеслй бъ!... А что̀ же тамъ?
Потомъ?... Ты, Люцій, ты купался
Самъ въ этомъ омутѣ! Плѣнялся
Искусствомъ, красотою женъ!
Ты славой предковъ ослѣпленъ!
Изнѣженъ лѣнью и покоемъ,
И съ Римомъ такъ связалъ себя
Что быть въ глазахъ его героемъ
Еще такъ важно для тебя!...
Не предкамъ вывесть насъ изъ грязи!
Нѣтъ! съ ними порваны всѣ связи!
Нѣтъ, отрекись ото всего,
На чемъ они сооружали
Величье Рима своего!

Они лишь въ цѣпи заковали
Весь этотъ міръ,—и для чего?
Чтобъ прочнымъ онъ служилъ подножьемъ
Величью евнуховъ, вралей,
Со всѣмъ ихъ чванствомъ и безбожьемъ
Всего боящихся дѣтей!

ЛЮЦІЙ.

Постой, Марцеллъ!... Жизнь ныньче—бремя!
Самоубійство въ наши дни—
Вся наша доблесть, но они
Пройдутъ! Настанетъ лучше время!
Поймемъ и глубже примемъ мы
Тотъ свѣтъ, который дали міру
Великой Греціи умы....
Давно ль взялися мы за лиру,
Платона знаемъ?

МАРЦЕЛЛЪ.

И объ немъ
Кричимъ и споримъ за виномъ!

ЛЮЦІЙ.

Сначала солнце озаряетъ
Верхушки горъ....

МАРЦЕЛЛЪ.

Гдѣ ледъ сіяетъ!
Жизнь—тутъ, внизу! Нѣтъ, ты сойди
Съ своихъ высотъ! и не гляди,
Что тутъ темно порой и тѣсно,
И про Платона неизвѣстно!...

ЛИДА.

Живи для бѣдныхъ и простыхъ!
Иную жизнь въ душѣ пробудишь!
Умаль себя для блага ихъ,—
И больше ты и лучше будешь!
И все давно ужь началось!
Вездѣ, вездѣ прошелъ Христосъ!
Смотри, отъ моря и до моря
Тебѣ предъ именемъ Христа
Открыты двери! Нѣту горя,
Нигдѣ слеза не пролита,
Чтобъ на другомъ концѣ вселенной
Не отозвались ей сердца!
Забудь величье мудреца!
Смири въ себѣ свой умъ надменный!...

ЛЮЦІЙ.

Великодушныя мечты,
Но все, Марцеллъ, мечты пустыя! (*Одушевляясь и рѣшительно.*)
Нѣтъ, не сойду я съ высоты!
И что̀ за дѣло, что чужіе
Мнѣ будутъ неучъ и глупецъ!
То, что̀ умомъ я постигаю,—
Одно мое! И тѣмъ, я знаю,
Я выше ихъ, простыхъ сердецъ!
И если есть душа вселенной,
Есть божество,—оно во мнѣ,
Въ моемъ умѣ, и вѣкъ въ войнѣ
Съ твоей толпой непосвященной!

МАРЦЕЛЛЪ.

О гордость, гордость!

ЛЮЦІЙ.

Можетъ-быть
Въ угоду имъ я долженъ буду
Все чѣмъ горжусь я—позабыть!
Повѣрить лжи! повѣрить чуду!...

ЛИДА (*перебивая Люція, въ крайней степени одушевленія, говоритъ быстро, неудержимымъ потокомъ*).

Нѣтъ, Люцій, въ насъ не ложь! Не трать
Противорѣчій попустому!
Что̀ могъ Христосъ равно сказать
Рабу и нищему простому,
И мудрецамъ, и богачамъ,
И чистой дѣвѣ, и несчастной,
Для всѣхъ одно, для всѣхъ такъ ясно,
Понятно, близко всѣмъ сердцамъ,
То, Люцій, быть не можетъ ложью!
Христосъ зналъ всѣхъ, ко всѣмъ входилъ
Въ дома, со всѣми говорилъ....
Онъ пробуждалъ лишь правду Божью
Что̀ въ насъ жила, во всѣхъ сердцахъ!
Ко всѣмъ страдающимъ и сирымъ,
Ко всѣмъ убитымъ гордымъ міромъ,
Одинъ, съ участіемъ въ очахъ,
Пришелъ Онъ и открылъ объятья,
И всѣмъ сказалъ Онъ: всѣ вы братья!
И всюду съ вами буду Я!
И всюду, гдѣ Его семья,
Какъ добрый пастырь между паствы,
Онъ тамъ—ты чувствуешь—Онъ тамъ!
Благословляетъ питья, яствы,
Самъ раздаетъ ихъ бѣднякамъ....

Въ темницѣ, въ мглѣ, гдѣ только муки
И ярости былъ вѣчный стонъ,
Гдѣ тысячи страдаютъ, Онъ
На всѣхъ распростираетъ руки,
Всѣхъ утѣшаетъ—и злодѣй,
Душой смягчается своей!...
Ахъ, Люцій! выше нѣту счастья,
Какъ вызвать ласкою участья
Слезу у тѣхъ, кто слезъ не лилъ
Еще ни разу въ умиленьи!
Какъ воскъ онъ будетъ, и душой
Къ тебѣ прильнетъ, и за тобой
Пойдетъ какъ агнецъ въ путь спасенья,
Какъ за Христомъ пошелъ ты самъ!
Но нѣтъ! я чувствую, все блѣдно
Что̀ я скажу, все мало, бѣдно!...
Послушай! Подъ землею, тамъ,
У насъ есть храмы.... все аркады!....
Тамъ цѣлый городъ! все лампады,
Гробницы!... Много, много слезъ
За всѣхъ тамъ, Люцій, пролилось!
Тамъ—наши старцы!... Тѣ видали
Христа, какъ я тебя, слыхали
Какъ Онъ училъ.... послушай ихъ!
Они слова Христовы знаютъ!
Все помнятъ, свято сохраняютъ....
Что̀ за слова, о Люцій!... въ нихъ
Такая сладость! Упадаютъ
Они на сердце, какъ роса
На травы! какъ елей на раны!
Влекутъ, влекутъ на небеса,
Гдѣ самъ Онъ, славой оссіянный,
Какъ царь вселенной, чистый свѣтъ,
Насъ ожидаетъ съ пальмой!... Нѣтъ!

Узнавъ Его, ты будешь рваться,
Чтобъ слиться съ нимъ!... Въ немъ потеряться
Какъ въ океанѣ капля!... Міръ
Покажется тюрьмою тѣсной,
Гдѣ ты тоскуешь, нищъ и сиръ,
По свѣтлой родинѣ небесной,
И какъ на пиръ пойдешь въ тюрьму,
На смерть, чтобъ вырваться къ Нему!

ЛЮЦІЙ,

Ахъ, Лида, Лида!... Гдѣ ты, Лида?
Въ какихъ лучахъ твоя душа
Голубкой рѣетъ?... Чуть дыша
Тебя я слушаю!... изъ вида
Теряю.... Какъ ты хороша!
О да, клянусь! Одна бъ ты нынѣ
Могла мнѣ дать желанье жить!
Одна могла бы мнѣ въ пустынѣ
Путеводительницей быть!
Да! какъ въ пустынѣ караваны
За вереницей лебедей
Идутъ въ невѣдомыя страны
Искать прохлады и ключей,—
Я въ слѣдъ пошелъ бы за тобою—
Хоть любоваться на тебя,
И твоего Христа, душою,
Въ тебѣ, быть-можетъ, полюбя!

МАРЦЕЛЛЪ.

О Люцій! женщиной безсильной
Пренебрегали мы! Но Онъ
Дѣла великія обильно
Творитъ руками слабыхъ женъ!

Иди за ней! Ея устами
Онъ самъ зоветъ тебя! иди!
Мы новобранцы! тамъ—вожди!
Мы смотримъ все еще очами
Земными! Но для тѣхъ мужей
Земли ужь нѣтъ! Свободно, смѣло,
Надъ бурнымъ моремъ жизни сей
Парùтъ ихъ духъ, какъ голубь бѣлый!
Послушай ихъ!... И Люцій, вотъ—
Смотри—вотъ здѣсь же, въ этомъ залѣ,
Въ подземный городъ нашъ есть ходъ....

(*Отворяетъ потайную дверь въ ниши.*)

ЛЮЦІЙ.

Какъ? тайный ходъ? и это знали
Одни рабы?...

ЛИДА.

Изъ всѣхъ домовъ,
Изъ тюрьмъ, изъ цирковъ, изъ садовъ
У насъ такіе жь ходы!

ЛЮЦІЙ (*смотря въ катакомбы*).

Боги!
Тамъ свѣчи.... цѣлые чертоги....
Толпа людей....

МАРЦЕЛЛЪ (*торжественно Люцію, который неподвижно смотритъ въ катакомбы*).

Весь Римъ подрытъ!
Подъ старымъ Римомъ, Римъ ужь новый,

Преобразить его готовый,
Во всеоружіи стоитъ!...
Тамъ нѣтъ рабовъ! тамъ нѣтъ богатыхъ!
Тамъ другъ предъ другомъ всѣ равны!
Тамъ нѣтъ презрѣнныхъ и проклятыхъ!
Тамъ падшіе обновлены!
Тамъ чудеса любви увидишь—
И имъ повѣришь ты!

ЛИДА.

И выйдешь
Потомъ на смерть у насъ въ рядахъ,
Съ улыбкой свѣтлой на устахъ,
На небо очи устремляя!...
Ты слышишь гимнъ.... они поютъ—
Подъ цѣлымъ Римомъ ждутъ лишь знака,
И отовсюду, вдругъ, изъ мрака
На смерть съ веселіемъ пойдутъ!

ЛЮЦІЙ (*самъ съ собою*).

Весь Римъ подрытъ!... Глазамъ не вѣрю:
На казнь идти и гимны пѣть,
И въ пасть некормленному звѣрю
Безъ содроганія глядѣть!
Ужь тутъ не бунтъ.... (*Къ Марцеллу.*)
Но кто жь вы, кто вы?

(*Съ строгимъ упрекомъ.*)

Марцеллъ? Вѣдь Римъ готовя новый,
Ты губишь старый! Римъ отцовъ!
Созданье дѣлъ ихъ! Центръ вселенной,
Свѣтило міра.... для презрѣнной

Толпы безсмысленныхъ рабовъ!...
Рабы! Марцеллъ!... Да гдѣ мы? гдѣ мы?
Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы!
Что̀ намъ позоръ, имъ не позоръ!
Они предъ этими мужами
Не заливалися слезами,
Съ стыдомъ не потупляли взоръ!
И ты, ты смѣешь отказаться
Ото всего, чѣмъ ты съ пеленъ
Вспоенъ и вскормленъ! оторваться
Ото всего съ чѣмъ ты рожденъ!
Я пью отраву: гражданину
Одинъ остался долгъ святой....
Но тѣмъ лишь вызовъ къ внукамъ кину —
И Римъ не кончится со мной!

МАРЦЕЛЛЪ.

Пусть не одни лишь камни Рима,
А Ѳивъ, Аѳинъ, Ерусалима
Повсюду вопіютъ тебѣ
Какія слезы тамъ пролиты,
Какія жертвы тамъ убиты!
Признай подобнаго себѣ
Въ угрюмомъ варварѣ, въ рабѣ,
Люби весь міръ, какъ Римъ ты любишь,
И ты тогда — христіанинъ!...

ЛЮЦІЙ.

Марцеллъ, Марцеллъ! вѣдь Римъ одинъ!

МАРЦЕЛЛЪ.

Одинъ! ты тѣмъ его и губишь!
Одинъ, какъ міръ на раменахъ

Атланта! міръ неправдъ! Но, время!
Тотъ, Кто одинъ лишь мудръ и благъ,
Съ него снимаетъ это бремя,
И горе тѣмъ, кого въ расплохъ
Найдетъ судить грядущій Богъ!...

(Бьетъ полночь).

ЛЮЦІЙ *(очнувшись).*

Послѣдній срокъ!

МАРЦЕЛЛЪ.

И нашъ онъ тоже!...

ЛИДА.

Ты гибнешь, Люцій! вѣчный ждетъ
Тебя огонь!... о Боже! Боже!

ЦИНИКЪ *(который спалъ въ углу на ложѣ, просыпается).*

Хозяинъ умеръ? Полночь бьетъ!

МАРЦЕЛЛЪ.

Вотъ онъ, твой Римъ, тебя зоветъ!

ЦИНИКЪ *(привставъ).*

Да ты въ компаніи.... съ дѣвицей....
Ну, братъ, и видно, что патрицій....

(Идетъ къ Люцію, но останавливается, услышавъ раздавшееся изъ катакомбъ пѣніе. Взоры всѣхъ обращаются туда.)

ЛИДА (*восторженно*).

Идутъ! идутъ! желанный часъ!

(*Къ Люцію.*)

О Люцій! неужель отстанешь
Одинъ, во мракѣ, ты отъ насъ!
И міру съ нами не предстанешь
Сказать кто мы?

(*Христіане въ бѣлыхъ одеждахъ и вѣнкахъ выходятъ изъ катакомбъ, и не обращая вниманія на присутствующихъ, погруженные въ себя, идутъ къ выходу въ садъ. Они поютъ унисономъ гимнъ, который начинается подъ землею и теряется во мракѣ сада.*)

ЦИНИКЪ.

Да что̀ я? сплю?
Изъ-подъ земли выходятъ люди....
Ну, этихъ лицъ я не люблю!

ЛЮЦІЙ.

Всему чужіе.... точно къ пиру
Идутъ на смерть они—въ вѣнкахъ!...
Презрѣнье къ мукамъ, къ смерти, къ міру....
И въ комъ же? въ варварахъ! въ рабахъ!
О Римъ! о Римъ!.....

(*Смотритъ на христіанъ съ нѣмымъ отчаяніемъ.*)

ГИМНЪ ХРИСТІАНЪ.

Будьте, братья, день и ночь готовы къ битвѣ!
Стойте, не гася лампады, на молитвѣ!

Онъ подкрадется какъ тать ночной—день судный;
Горе тѣмъ, кто спалъ дотолѣ непробудно!

Вострубятъ въ трубу архангелы святые,
Встанутъ мертвые, возымутъ страхъ живые.

Потухающія солнца узрятъ въ страхѣ
Тварь земную цѣпенѣющую въ прахѣ.

Узрятъ новый свѣтъ, очамъ невыносимый,
Онъ пріидетъ—Судія неумолимый!

И предстанутъ всѣ, рабы и властелины,
И одна всѣмъ будетъ мзда и судъ единый....

Горе обуяннымъ міра славой тлѣнной,
Васъ поглотятъ нѣдра огненной геенны!

Радуйся слезами путь свой окропившій,
Въ суетномъ семъ мірѣ чашу мукъ испившій!

Радуйся пріявшій свѣтъ Христовъ съ любовью,
Вѣчное блаженство искупившій кровью....

ЛИДА.

О, Люцій! Этотъ гимнъ святой
Ты слышишь.... Міръ съ его красой
Пройдетъ! Одинъ лишь Бога полный,
Христомъ спасенный, вѣченъ духъ!...

ЛЮЦІЙ.

О томъ что̀ будетъ, милый другъ,
Мои оракулы безмолвны!

МАРЦЕЛЛЪ.

Итакъ, ты, Люцій, противъ насъ?
Не съ нами?

ЛЮЦІЙ *(рѣшительно и вставая).*

Противъ, противъ васъ!
Я Римлянинъ! Я умираю
За Римъ....

МАРЦЕЛЛЪ.

А мы—за міръ!..,

ЦИНИКЪ.

Чего?
За Римъ? За міръ? Ужь тонко, право!
Гдѣ жь смыслъ-то тутъ, скажите, здравый!...
(Къ Лидѣ.) А ты, дѣвица, за кого?

ЛИДА.

И за тебя, быть-можетъ!...

ЦИНИКЪ.

Браво!
Чтобъ не было обидно!.....

ЛЮЦІЙ.

Нѣтъ, я не вашъ, Марцеллъ!.....
Все чѣмъ великъ мой духъ, чѣмъ разумъ
Могучъ и свѣтелъ—далъ мнѣ Римъ!
И пусть идутъ всѣ боги разомъ,
Онъ презритъ ихъ, какъ, полный имъ,
Я презираю смерть!...

(Выпиваетъ чашу и склоняется на ложе.

ЦИНИКЪ.

Брр! Кисло!...

ЛИДА (*хлопочетъ около Люція*).

Люцій! Бѣдный Люцій!...

МАРЦЕЛЛЪ (*внѣ себя*).

Безумецъ! Гордъ, упрямъ и слѣпъ!
Искалъ, голодный, вѣкъ свой хлѣба,
И хлѣбъ ему приносятъ съ неба,
И онъ бросаетъ этотъ хлѣбъ!...

ЛИДА (*умоляя*).

Марцеллъ! Онъ умираетъ!

МАРЦЕЛЛЪ.

Что̀ же
Мнѣ дѣлать съ нимъ?

ЛЮЦІЙ (*слабѣющимъ голосомъ*).

Онъ весь какъ былъ—
Все тотъ же воинъ! Тотъ же пылъ!

МАРЦЕЛЛЪ.

Вѣдь я любилъ тебя!... О Боже!
Когда жь совсѣмъ съ души моей
Ярмо грѣха, ярмо страстей
Ты снимешь!

ЦИНИКЪ.

Изъ чего хлопочутъ!?
И вѣдь не плуты, не морочутъ!...
Не понимаю—хоть убей!

ЛЮЦІЙ.

А мы съ тобой, Марцеллъ, другъ друга
Мы понимаемъ ли?... Я—сынъ
Своихъ отцовъ и вѣка.... Знаю
Я только Римъ.... Я гражданинъ....
И я.... за Римъ свой умираю—
Какъ ты за своего Христа!...
Кто правъ изъ насъ.... другіе скажутъ!...
Намъ не узнать ужъ.... никогда!...
И можетъ-быть.... на всѣхъ укажутъ
Какъ на глупцовъ.... И изъ чего
Мы хлопотали—также спросятъ
Какъ этотъ циникъ.... (*Умираетъ.*)

1863 *.

КОНЕЦЪ.

---

* Первая часть поэмы „Люцій“ была написана мною одиннадцать лѣтъ тому назадъ и еще тогда распространилась въ рукописи подъ разными названіями. Въ однихъ спискахъ ее озаглавили „Выборъ смерти“, въ другихъ: „Три смерти“. Авторъ же имѣлъ въ виду одну поэму въ двухъ частяхъ. Вторая часть не удавалась мнѣ, и я оставилъ ее совсѣмъ, а первую часть напечаталъ съ однимъ изъ помянутыхъ названій. Осенью 1861 года принялся я опять за оставленную идею, и теперь представляю свой трудъ на судъ читателя въ томъ видѣ какъ онъ былъ задуманъ, хотя, конечно, во второй части сказалось многое такое изъ прожитаго авторомъ что̀ дается только жизнію и опытомъ. (Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1863 эта вторая часть была напечатана подъ названіемъ „Смерть Люція“.)

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ А. Н. МАЙКОВА

I. ДОМА:

Стр.

Упраздненный монастырь. (Глава изъ поэмы *Поля*.) 8
Бабушка и внучекъ. 14
Картинка. (Послѣ манифеста 19-го февраля 1861 г.) 19
Старое и новое. (Отрывокъ изъ поэмы *Поля*.) 21
Западная Русь. 25
Ночь на жнитвѣ. (Отрывокъ изъ поэмы *Поля*.) 27
Другу Ильѣ Ильичу. 28
Празднословы. 31

II. ПОЭМЫ И РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ:

Приговоръ. (Легенда объ Іоаннѣ Гусѣ.) 35
Исповѣдь королевы. (Легенда объ Испанской инквизиціи.) . . 40
Поэтъ и цвѣточница. 55
Пѣсни. 62
Мать. 64
Три правды. (Сказка.) 66
Конь. (Изъ сербскихъ пѣсенъ.) 70
По прочтеніи Байронова *Паденія Іерусалима*. 72
„На бѣлой отмели Каспійскаго поморья“. 73
Изъ Петрарки. 74
Али-Бей. (Изъ Гейне.) 75
Сонъ Негра. (Изъ Лонгфелло.) 76
Купальщицы. (Мелодія съ береговъ Ганга.) 78

III. ИЗЪ СТРАНСТВОВАНІЙ:

На берегахъ Нормандіи. 81
Въ Альпахъ:
I. Ледники. 82
II. Альпійская дорога. . . . . —
„Все — серебряное небо!“. 84
Мадонна. 85
Неаполитанскій альбомъ:
I. Донъ-Пеппино. 87
II. „Боже мой, какая нѣга“ 88
III. „Вотъ, смотрите, о, миссъ Мери,“ 89
IV. Къ миссъ Мери. (Романсъ донъ-Пеппино.) 91
V. „Весь Неаполь залитъ газомъ,“ 92
VI. „Я люблю въ Café d'Europa“ . . . . . —
VII. „Какое утро! Стихли громы,“ 93
VIII. Къ миссъ Мери. 94
IX. „Князь NN, и графъ фонъ-Дум — енъ,“ 95
X. „Въ темный храмъ одинъ прокрался“ . . . . . —
XI. „Вотъ съ рѣзной каѳедры грозно“ 96
XII. „Ахъ, межъ тѣмъ какъ вы стояли“ . . . . . —
XIII. „Золотой архіепископъ“ 97
XIV. Народная пѣсня. 99
XV. Еще изъ народной пѣсни. . . . . —
XVI. „Что за шумъ и крикъ, о, Боже!“ 100
XVII. „Вы повсюду, о, миссъ Мери!“ . . . . . —
XVIII. Два карлика. 101
XIX. Тарантелла. 103
XX. Lacrymae Christi. 106
XXI. „Все ты бредишь Англичанкой,“ 108
XXII. „Всѣмъ ты жалуешься вѣчно,“ 109
XXIII. „Фердинандъ король былъ рыцарь,“ . . . . . —
XXIV. „Внѣ ограды Campo Santo,“ 110
XXV. „Миссъ! не бойтесь легкой шутки!“ 111
XXVI. „Донъ-Пеппино Русской бредитъ,“ . . . . . —
XXVII. „Пульчинель вскочилъ на бочку,“ 112
XXVIII. „Здѣсь весна, какъ художникъ ужь славный, работаетъ тихо.“ . . . . . —
XXIX. „Мнѣ Неаполь опротивѣлъ,“ 113
XXX. „Душно! иль опять сирокко!“ . . . . . —

XXXI. „Говорятъ, со всѣхъ соборовъ“ 114
XXXII. „Блеститъ салонъ княгини Зины,“ . . . . . —
XXXIII. „Народный вождь вступаетъ въ городъ.“ 115
Мотивы изъ народной поэзіи нынѣшнихъ Грековъ:
I. Колыбельная пѣсня. 116
II. Мать и дѣти. 117
III. Двустишія. 118
IV. „Я бъ тебя поцѣловала,“ . . . . . —
V. Поцѣлуй. 119
VI. „Свѣтлый праздникъ будетъ скоро,“ 120
VII. Старый мужъ. . . . . —
VIII. Пѣвецъ. 121
IX. Олимпъ и Киссавъ. . . . . —
X. Голосъ изъ могилы. 122
XI. Плѣнникъ. 123
XII. Гаданіе. . . . . —
XIII. Цавéлиха. 124
XIV. Плачъ Паргіотовъ. 125
XV. Деспо. 126
XVI. Завѣщаніе. 127
XVII. Чужбина. . . . . —
XVIII. Борьба со смертью. 128
XIX. Адъ. 130
XX. „Приволье на горахъ родныхъ, приволье въ темныхъ долахъ“ 131
XXI. „Въ темномъ адѣ, подъ землею“ . . . . . —
XXII. „Опустѣли наши села;“ 132
XXIII. „Птички-ласточки, летите“ 133
XXIV. „Сорокъ клефтовъ на зимовки“ . . . . . —
XXV. „Показалась звѣзда на востокѣ“ 134
XXVI. „Тихо море голубое!“ 135

IV.

ЛЮЦІЙ. Лирическая драма въ двухъ частяхъ 139

LIBRARY OF CONGRESS
0 005 872 418 A